
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рекордсмены.

ПОД ЗЕМЛЕЙ И Н

Идут экзамены.

Земные заботы...

«Будет фильм про уголек!»

Г. БЕЛЯКОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Маленький электропоезд по прозвищу «коза» стремительно летит вниз, в темноту. Если оглянешься назад, увидишь гроздья шахтерских ламп, неярко освещенные лица... Тянет сыростью. Мы спускаемся в шахту. Лица шахтеров серьезные, сосредоточенные. Даже как будто угрюмые. Но это лишь кажется. Шахта приучает быть сдержанным. На самом же деле едут с тобой веселые парни, ребята что надо.

НАЧАЛЬНИК УЧАСТКА

Перед спуском вниз шахтеры приходят в нарядную. Держа под мышкой «тормозки» — небольшой запас провианта,— степенно рассаживаются по стульям, слушают задание. По утрам Гурам Александрович Месхи нетороплив. Говорит четко, скупо.

— Сегодня звену Логачева накачать пятьсот тонн. Ясно? Лава подготовлена. Струг исправен.

У начальника участка выразительное восточное лицо. Острый взгляд. Судьба забросила его в Донбасс лет десять назад, после института. Друзья-сокурсники неохотно покинули теплую Грузию и, как только отработали положенный срок, почти все вернулись на родину. Месхи остался.

Он из того типа руководителей, в которых счастливо сочетаются строгость и простота. На участке у него порядок полнейший. Не приведи бог кому-либо из шахтеров нарушить правила. Увидит — мигом отправит «на-гора». Или, что еще страшнее для нарушителя, пропесочит прямо в забое. Месхи утверждает, что, как показала жизнь, гораздо легче шахтера воспитывать под землей, чем на земле.

Происходит это так. Шахтеры садятся в кружок. На касках горят лампочки. Лучи то падают на кровлю, то на стойку, то прямо в лицо провинившемуся. Идет прямой и честный разговор. Его направляет начальник участка...

По лицу нарушившего правила течет горячий пот. Краска стыда проступает на щеках даже сквозь угольную пыль...

Но вот смена окончена. «Коза» везет шахтеров наверх, к солнцу. И теперь Месхи уже не начальник — он приятель. В вагончиках весело. Смеется и Месхи. Народ свой. Шутят — значит любят.

СТРУГ

Антрацитом городок назван не зря. Здесь живут потомственные шахтеры.

О каменном угле Виктор узнал не из школьной книжки «Неживая природа». Черный камень не был для него мертвым. С ним были связаны жизнь отца и его мальчишеские думы.

Теперь в Донбассе Виктора Щебетовского знают все. Его бригаду встречали музыкой и цветами. Дружная, сплоченная шахтерская братва выдала 102 тысячи тонн угля за месяц. А недавно его наградили Золотой медалью Героя Социалистического Труда.

Но вначале не о рекорде. Вначале о струге. Вот уже около трех лет бродит по Донбассу это магическое слово — «струг». Одни произносят его с уважением, другие говорят о нем с явным недоверием. Но для шахты № 54 вопрос о струге решен окончательно. А ведь еще не так давно все выглядело иначе. Хоть и привыкли шахтеры к тому, что у них проводятся испытания новой техники, хоть и гордились, что их шахту именуют «подземной лабораторией», «подземным университетом», но когда увидели новый агрегат, у большинства заныло под ложечкой: уж больно был он невпечатляющим!

...Наверху, возле «ожидаловки», толпился народ. Наконец загудела «коза». Черные, с блестящими белками глаз, с ослепительными улыбками, шахтеры ступили на землю.

— Ну как, хлопцы?

— Машина — во! Только поспевай! У нас пойдет,— сказал Щебетовский.

— Та зачем же бренчать напрасно! Та лучше ж комбайна работать не станет...— заспорил было пожилой шахтер.

— Это почему же?

— Та не станет она работать. Такой машине организация нужна, порядок.

— Будет порядок. Вот создадим комплексную бригаду...

Раздоры и споры продолжались несколько месяцев, пока наконец Щебетовскому не удалось создать комплексную бригаду. Повоевать пришлось крепко. Кое-кто из маловеров подал заявления, перешел на другие участки.

Струг себя отстоял. За смену он давал вдвое, втрое больше угольного комбайна. Правда, не на всех шахтах дело шло так гладко. Тогда бригада Щебетовского решила доказать, на что способна новая машина. Проголосовали — идти на рекорд.

На собрании Виктор говорил:

— Рекорд сам по себе не самоцель. Мы должны выяснить возможности струга.

В сентябре прошлого года бригада выдала 50 тысяч тонн угля. Через месяц — 75 тысяч. И вот последнее достижение — апрель нынешнего года: 102 тысячи тонн! Такого еще никто не добивался. Это был всесоюзный рекорд.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

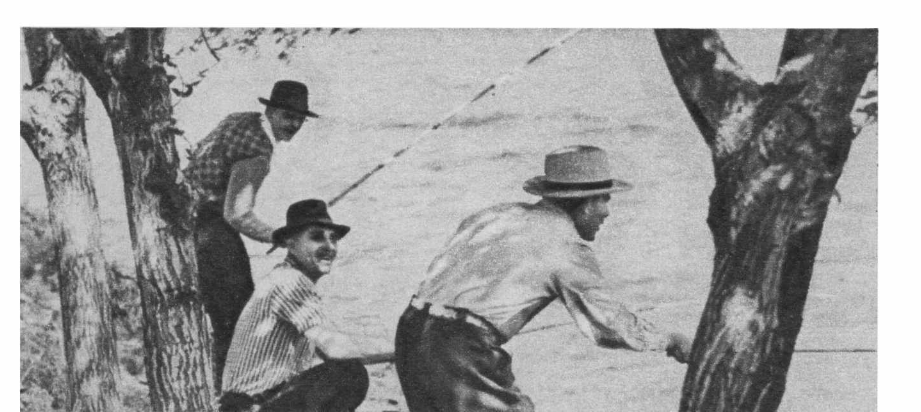
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 35 (1992)

29 АВГУСТА 1965

А ЗЕМЛЕ

В лаве.

Памятники минувших веков. Фото А. Сербина.

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ ПИРАМИД

Каир немыслим без пирамид, как Париж без Эйфелевой башни или Афины без Акрополя. Каждый, кто приезжает сюда по туристской путевке или по служебным делам, в первый же день стремится попасть в пригород египетской столицы Гизу. Туда, где кончается зеленая долина Нила и над вечной пустыней возвышаются пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина. А рядом с ними, словно страж ушедших веков, улегся на камень знаменитый Сфинкс.

Однако с недавнего времени туристические маршруты стали меняться. Тысячи людей каждый месяц едут за 900 километров к югу от Каира, в Асуан, где ни днем, ни ночью не смолкает шум великой африканской стройки. Она продолжается уже шестой год и по-прежнему привлекает к себе внимание энергетиков и ирригаторов, туристов и дипломатов. Одни едут сюда просто посмотреть, что делается, другие — поучиться, третьи — работать здесь, в одном из самых жарких уголков земного шара, два, три, а то и четыре года.

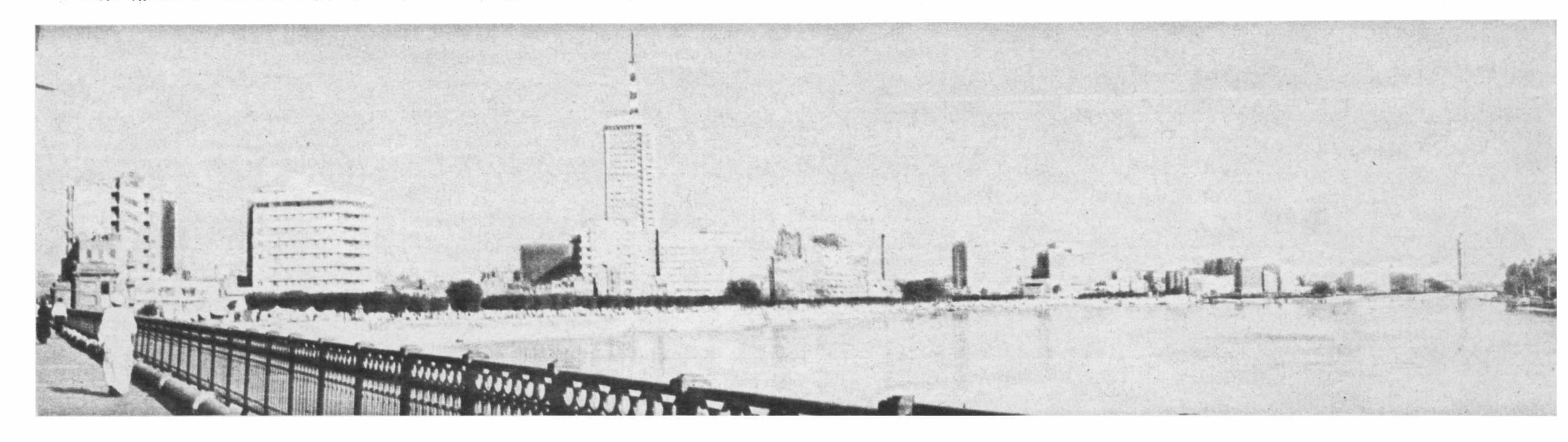
После того, как в мае прошлого года Нил был перекрыт и его воды устремились в искусственное русло, выбитое в скале, темп работ здесь не снизился. Идет наращивание плотины, подготовка к установке первых турбин и генераторов. Эти агрегаты изготовляются на ленинградских заводах.

Южнее плотины разливается водохранилище, которое лет через пять будет больше Братского моря. Сегодня водохранилище пока невелико, но оно уже дало возможность приступить к орошению первых 70 тысяч гектаров пустынных земель. В последующие годы масштабы ирригационных работ будут возрастать. Нехватка земель в стране станет значительно меньше.

Если из Асуана проехать на пароходе вниз по Нилу, буквально в каждом городе замечаешь новые предприятия. Всего за последние двенадцать лет их построено около 850. И все они, как и большинство старых фабрик и заводов, принадлежат государству. Частный сектор отступил. Фабриканты и банкиры лишились политических прав и былого влияния в обществе.

Конечно, старое не уходит само по себе. С ним идет борьба и в экономической области, и в политике, и в идеологии. Резкое расширение системы просвещения, которое бесплатно теперь от первого класса сельской школы до университета, демократизация печати, издание массовыми тиражами научной социалистической литературы — все это победы нового над старым. В газетных киосках Каира можно купить книги Ленина в переводе на арабский или английский, сборники высказываний о социализме президента Насера. Рядом со стопками газет из Парижа и Лондона лежат московские журналы «Новое время» и «Международная жизнь».

В воды древнего Нила смотрятся современные здания столицы ОАР.

«ЦЕРБЕР» И ГЕРАКЛЫ

Три головы было у страшного пса. Вокруг шеи обвивались змеи, а на конце хвоста была голова дракона. Помните этот древнегреческий миф о Цербере, ужасном страже Аида — подземного царства?

Из мифа это чудовище выползло ныне на политическую арену Греции.

Недавно в кипрской, а потом и в афинской печати был опубликован один документ — доклад советника греческого короля американской службе информации. Из него явствует, что отстранение от власти правительства Папандреу было делом рук американских секретных служб и эта операция называлась «Цербер». В осуществлении империалистического заговора вместе с американскими секретными службами участвовали советники короля и греческая военщина.

Перед окончательным штурмом правительства Папандреу и попыткой поставить у власти Афанасиадиса-Новаса правые подняли шум о том, что в армии якобы существует «революционная организация», которая ставит целью свержение монархии, и ею будто бы руководит сын Папандреу — Андреас Папандреу. Утверждалось, что она носит наименование «Аспида» — «Щит».

Королевский советник в своем донесении пишет: «Операция с запугиванием короля организацией «Аспида» окончилась полным успехом... После встречи короля с Аншюцом (советником американского посольства в Афинах.— Авт.), которая произвела на него большое впечатление, я сообщил королю, что внутри КИП (разведывательная служба в Греции.— Авт.) создан специальный комитет, непосредственной задачей которого является свержение монархии. Мое сообщение произвело на него неописуемое впечатление и окончательно вывело из себя. Тогда я назвал ему имя Новаса, о котором король сказал, что он самый верный человек среди этого политического зловония».

Здесь же королевский советник сообщает, что Новас заявил: «Мы можем быть на 100 процентов уверены в успехе. Вся операция будет стоить 20 миллионов долларов». Далее, по словам советника, Новас сказал, что «некоторым депутатам необходимо дать по двести тысяч долларов, поскольку годовой доход с этой суммы будет равен годовому окладу члена парламента». Таким образом, реакционерам предполагали дать пожизненное депутатское жалованье.

В другом месте королевский советник жалуется на то, что военно-воздушный атташе США в Афинах Уильямс встречается со многими высшими офицерами греческой армии и некоторыми людьми из КИП, «разоблачая, таким образом, наш общий центр действий».

Агент не забыл написать и о себе: «Ни в коем случае не следует сомневаться во мне, поскольку вам известно, что у меня есть лишь одна родина, великая и всемогущая, которой я всегда служил и буду служить до конца моих дней». Едва ли он имел в виду Грецию!

На таких «патриотах» и держится операция «Цербер».

Американцы, конечно, молчат, делая вид, что им неизвестен этот документ, как они молчали и тогда, когда было разоблачено их участие в расправе над демократами в Горгопотамосе 29 ноября 1964 года, которая носила кодовое название «Стрела-1».

Первый этап заговора «церберов» привел к успеху: законное правительство Папандреу было свергнуто. Но заговорщики попали в трудное положение. Им не удается прочно поставить у власти реакцию.

Греческий народ не может простить предательства. Он продолжает борьбу.

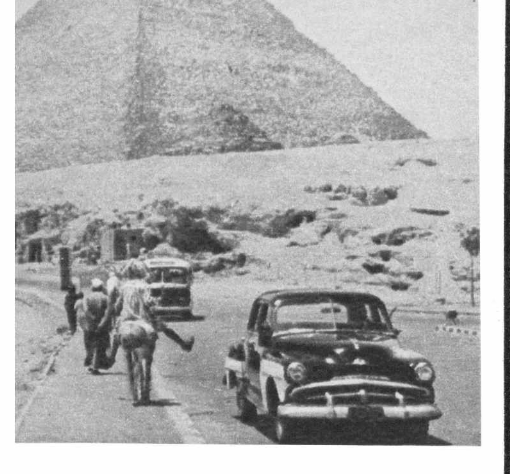
20 августа в Афинах произошла расправа с мирными демонстрантами, которые протестовали против планов создания нового реакционного правительства. 160 человек было ранено в этой грандиозной манифестации за демократию. 150 человек предполагается отдать под суд за то, что они действовали, как патриоты. Исполком партии ЭДА заявил, что кровавое побоище 20 августа было спровоцировано агентами полиции, которые пытались создать впечатление о «крушении порядка», чтобы оправдать принятие чрезвычайных мер и подготовить условия для введения военного положения и диктатуры.

Но американская разведка и греческая реакция, видимо, забыли, чем кончается миф о Цербере. А там сказано, что Геракл усмирил Цербера, сжав ему горло, и выволок чудовище на дневной свет.

На земле Эллады по-прежнему живут матери, рождающие гераклов.

Одиссей КОРФИАТИС

Афины.

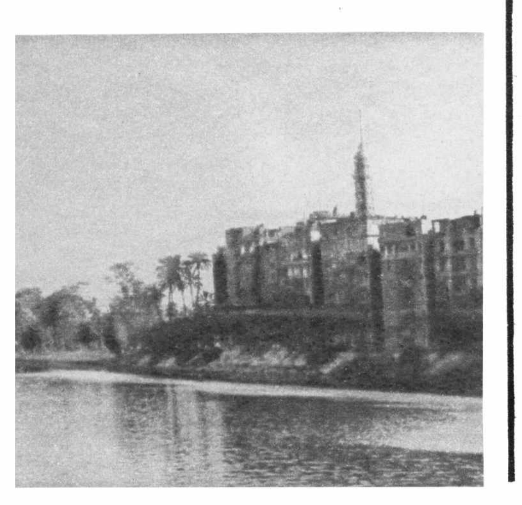

«Отныне наша основная задача будет состоять не только в том, чтобы построить свободную, суверенную социалистическую страну,— сказал недавно Насер,— но и создать свободный, суверенный социалистический народ, проложить путь для нового поколения, которое поведет революцию вперед, к достижению всех ее политических, экономических и культурных целей».

По вечерам, когда над Каиром опускается темнота, в Гизе начинается спектакль «Звук и свет». Прожекторы выхватывают из мрака то пирамиды, то величественную фигуру каменного Сфинкса. Страж веков оживает. Рассказывает изумленным зрителям о бурной истории Нильской долины, воздает хвалу героям минувшего, славит новую жизнь страны пирамид.

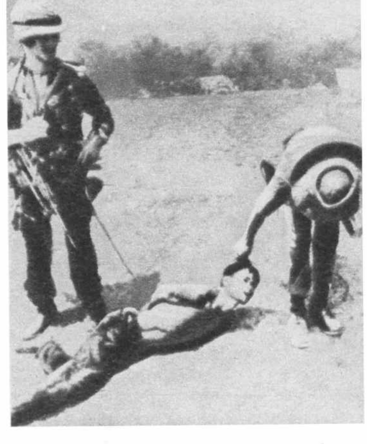
П. ДЕМЧЕНКО

г. Каир.

БЕЗНАКАЗАННЫМИ НЕ ОСТАНУТСЯ

Два снимка, полученные из Южного Вьетнама, страны-мученика, страны-героя.

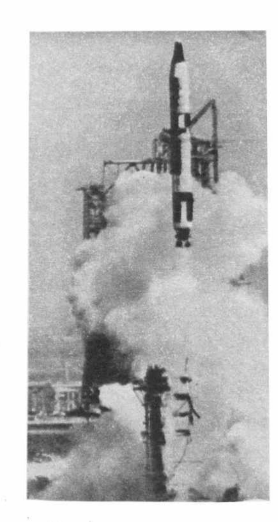
Первый из них сделан в районе Чу-Лая, где расположена американская авиабаза и где недавно произошло крупное сражение между южновьетнамскими патриотами и американскими интервентами. Военное командование США в Сайгоне бросило в этот район десантников с кораблей 7-го флота. Современные колонизаторы захватили одного из партизан. Их интересует, жив ли еще пленный. Если жив, то его ждут пытки и мучения. Варвары безжалостны.

Но они не остаются безнаказанными. Патриоты действуют все активнее, все более ощутимые удары наносят по врагу. На втором снимке — то, что осталось от главного полицейского управления в самом Сайгоне после атаки партизан. С оружием в руках они прорвались к зданию и взорвали его. Во время этого нападения понесли потери и американцы и их сайгонские наемники.

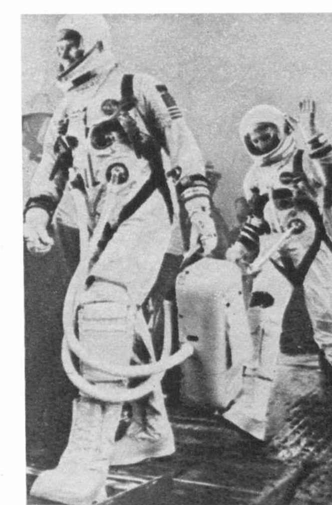
Ненависть к интервентам разгорается все сильнее. Им придется дорого платить за то, что они превратили Южный Вьетнам в поле боя, за то, что хотят сделать из него колониальный застенок.

Фото ЮПИ.

Запуск ракеты «Титан-II», которая вывела на орбиту космический корабль «Джеминай-5».

Американские космонавты Гордон Купер и Чарльз Конрад.
Фото ЮПИ.

ДВОЕ ИЗ «ДЖЕМИНАЯ»

21 августа с мыса Кеннеди стартовал космический корабль «Джеминай-5». На его борту космонавты Гордон Купер и Чарльз Конрад.

Программа полета предусматривала большое количество различных исследований. Однако через два часа после старта выявились неполадки в системе электропитания. Полет был продолжен, но пришлось отказаться от одного из наиболее важных экспериментов — сближения космического корабля с искусственным спутником, запущенным с «Джеминая».

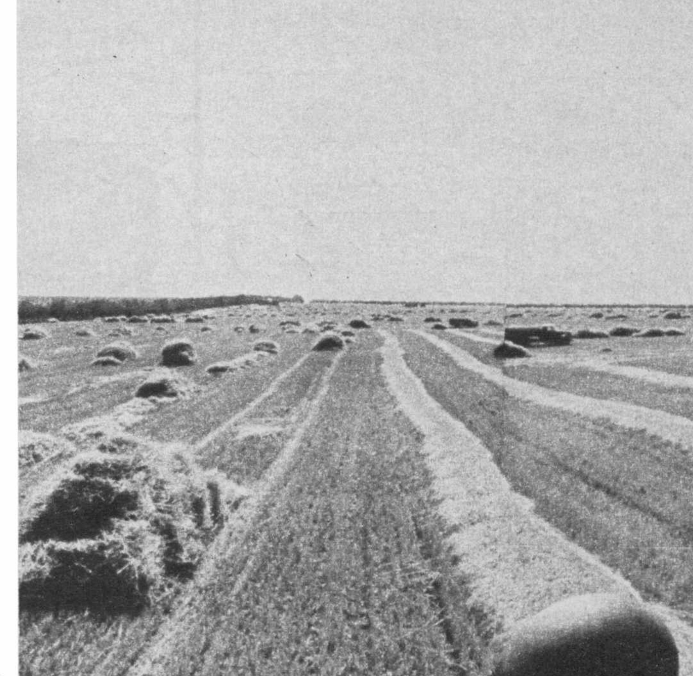

Афины, 20 августа. Народ — за демократию.

Одна из жертв афинской полиции.
Фото ЮПИ.

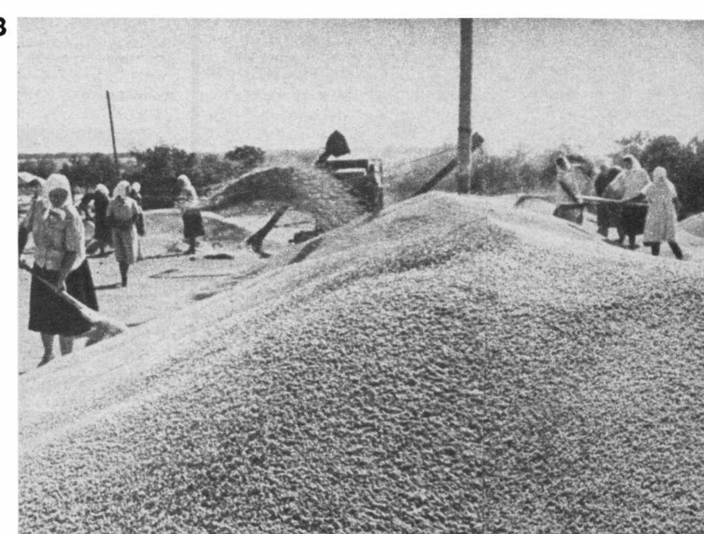
1

2

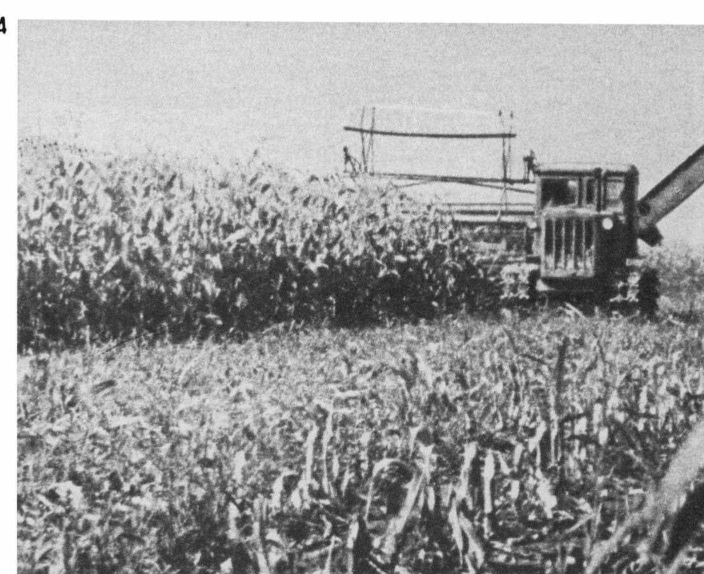
ЗОЛО

3

Д А

4

ВИННИ

На полях страны — жатва. Время самых напряженных сражений за урожай, те самые дни, которые год кормят. В полном разгаре страда деревенская на Урале, в Сибири и Целинном крае. А на Украине уборка близится к концу. На минувшей неделе выполнила годовой план продажи хлеба государству Винницкая область. Продажа зерна сверх плана там продолжается. Несколько дней назад специальный корреспондент «Огонька» Юрий Кривоносов вернулся из Бершадского района, Винницкой области. Он ведет репортаж с полей колхоза имени XXII съезда КПСС.

ТЫЕ

Р Ы

ЧИНЫ

От весов к складу всего несколько метров, а если побегать туда-сюда целый день — километры набираются. Кладовщик Федор Игнатьевич Данильченко совсем запарился:

— Верите, за последние дни аж похудел. Одна за другой машины подходят, только успевай поворачиваться. Но дело веселое: народ хлеб на трудодни получает, а трудодень в этом году весомый — по два с половиной кило пшеницы механизаторам, по два — всем остальным. Вон комбайнеры грузятся — Александр Дорофеевич Бондарина с сыном Петром. На двоих заработали за уборку семь тонн зерна. А посмотрите, что за пшеница — чистое золото!

...Пшеница на полях колхоза действительно уродилась великолепная. Когда собрали и подсчитали урожай, то оказалось, что с площади тысяча девятьсот гектаров взяли в среднем по 41,2 центнера. Государству продали в два с половиной раза больше, чем планировалось, и все зерно семенное.

Природные условия здесь были благоприятные, но поработали колхозники хорошо — внесли много минеральных удобрений, строго следили за агротехникой, да и во время уборки навалились всем миром, так что, кажется, степь гудела. Погода попыталась было напакостить — вдруг хлынули дожди. Но и с этим справились: только солнышко покажется — все на молотьбу. Центральную площадь села — а она здесь просторная, асфальтированная — от края до края завалили пшеницей — на просушку. Комбайнеры сутками не уходили с полей.

Колхоз крепкий, люди работают с охотой. А тут еще один важный стимул — материальная заинтересованность нынче бо́льшая. Уже подсчитано: колхоз получит доходы в полтора раза выше прошлогодних.

...Возвращаюсь я самолетом. Внизу проплывает земля Винничины. Здесь в эти дни и убирают, и пашут, и сеют. И если внимательно присмотреться, то замечаешь, что нет тут земли «просто так». Вся она ухожена, везде следы работы человеческих рук. Желтые, зеленые, красноватые поля. Строгие обводы ставков, усыпанные, как белыми лилиями, стаями гусей и уток. Сады — вокруг хат маленькие, а отдельно раскинулись просторные колхозные, с прямыми перекрещивающимися цепочками деревьев. Лес — и тот очерчен точно, а местами отмечен линиями молодых посадок. И, конечно, массивы пшеницы. Одни еще не убраны и ворсятся золотистым мягким плюшем, а на месте других — только высоченные скирды соломы и стерня, расписанная вдоль и поперек замысловатыми вензелями — следами колес машин и комбайнов. Удивительно радостная геометрия — геометрия человеческого труда!

5

1
Урожай будущего года начинается сегодня: вносятся минеральные удобрения. По-украински это звучит очень славно — «добриво»!

2
Отличное правило: справился сам — помоги товарищу. Комбайнер Александр Лучников обмолачивает пшеницу на полях соседа — колхоза «Заря коммунизма».

3
На току. Очистка семян для посева озимых.

4
Началось силосование кукурузы.

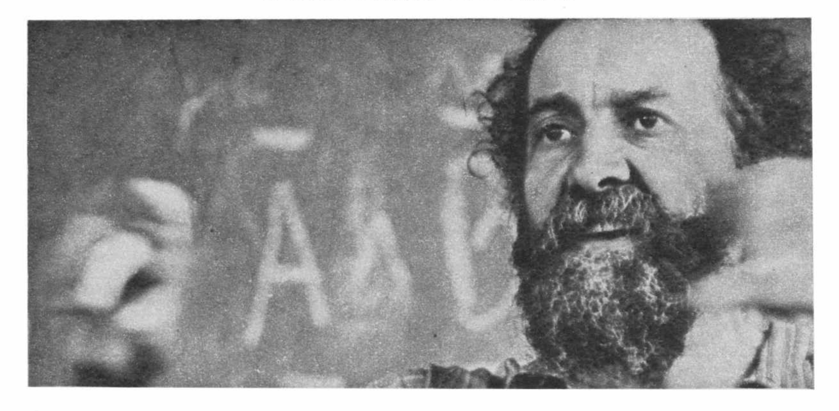
5
Щедро вознагражден труд хлебороба — колхозники получают зерно. Мешки увесистые, но своя ноша, как говорится, не тянет.

Полный аншлаг! Идет защита фантастических проектов.

1 СЕНТЯБРЯ — В ШКОЛУ!

СИБИРСКИЕ

Лекцию по теории множеств читает член-корреспондент Академии наук Алексей Андреевич Ляпунов.

Сегодня самый молодой круглый стол ученого совета Института ядерной физики. В гостях у академика А. М. Будкера — школьники.

Знаете ли вы, что существует проект, по которому наша старушка земля должна потерять в весе ровно на тридцать процентов? Или другой проект: как разогреть вселенную?

Не пугайтесь, дорогой читатель: проекты не будут осуществлены. Их назначение иное — продемонстрировать возможности авторов: их знания и полет фантазии, научную эрудицию и способность мечтать, диапазон интересов... А возраст авторов — 14—17 лет. Это учащиеся летней физико-математической школы (сокращенно ФМШ) в Новосибирском академгородке.

В начале августа здесь собрались самые талантливые ребята Сибири — юные математики, физики, химики. Впрочем, не только Сибири. В Академгородок приехали школьники Дальнего Востока, республик Средней Азии, Тувы. И москвичи и жители западных районов страны. Трудным был их путь. Два тура Всесибирской олимпиады. Первый тур проводился заочно, в школах. Его победители, 10 тысяч школьников, собрались на второй тур в областных центрах. И вот 800 самых способных получили приглашение в Академгородок.

«Фымышата» встретились с президентом Сибирского отделения Академии наук СССР академиком М. А. Лаврентьевым. Им читали лекции академики, профессора. Два часа в день отводилось практическим занятиям. Был и несколько необычный конкурс — конкурс научно-фантастических проектов: «Гипотезы, открытия, большие и малые, XX и XXI веков». Девиз конкурса — крылатая фраза Архимеда: «Дайте мне точку опоры...» А затем новые испытания: третий тур олимпиады. Одновременно это и приемные экзамены в основную физико-математическую школу.

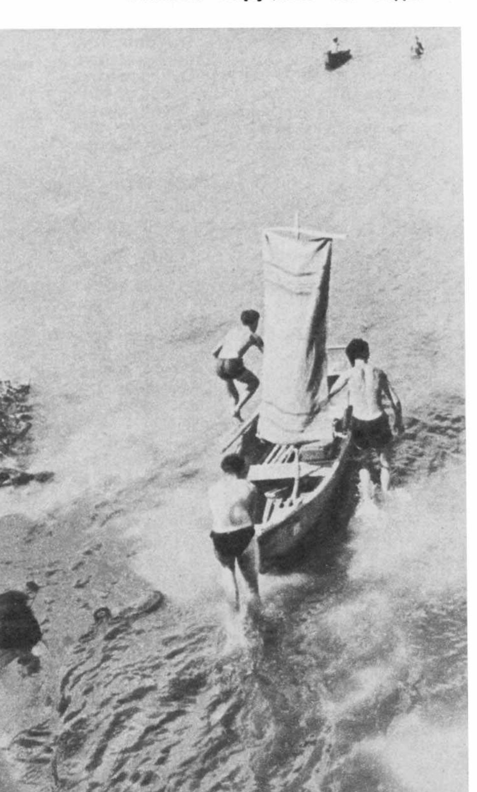
Физико-математическая школа — одна из ступеней воспитания научной смены. Главная цель школы — отбор наиболее способных ребят в области точных наук и основательная (начиная с 8-го класса) их подготовка по физике, математике, химии, биологии. Школа — кузница «кадров» для университета. В этом году, например, из трехсот с небольшим выпускников ФМШ сто двадцать были приняты в университет. Фундамент, на котором зиждется школа,— творческий подход к учебному процессу, борьба с шаблоном, формализмом, с тем самым формализмом, который, по признанию многих педагогов, становится иногда подлинным бичом «нормальной десятилетки». Метод обучения в новосибирской школе — так называемый лекционно-практический. Ребята слушают

«ФЫМЫШАТА»

Юрий РЫТОВ, собкор «Огонька»

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Теория и практика. Импровизированный парусник на воде.

лекции и затем, как правило, занимаются самостоятельно, под наблюдением преподавателя. Домашние задания небольшие или вообще отсутствуют.

После каждого семестра сдают экзамены. «Текущий» учет знаний сохранился лишь на уроках английского языка и частично литературы и истории. По всем другим дисциплинам школьники лишь изредка пишут контрольные работы. Конечно, это не значит, что преподаватель не следит за успеваемостью своих учеников. Раз в месяц он оценивает их знания баллом. В специальной ведомости. Но это, так сказать, его личное мнение. Чтобы заполнить ведомость, ему не надо опрашивать ребят. Все решают экзамены. Если ученик сдает их плохо, его переводят в обычную школу. «Норм» выпуска и отсева в ФМШ не существует.

...И не представляйте себе, уважаемый читатель, учеников Новосибирской школы этакими пай-детишками с толстенными учебниками в руках. Нет, это здоровые, спортивные, веселые ребята! Их интересует не только наука, но и музыка, литература, кино. Они пишут стихи, собираются на диспуты об искусстве, часто отправляются в туристические походы. И, конечно, много времени проводят на берегу Обского моря.

Как и все ребята, «фымышата» любят побаловаться и пошутить. Одному из ученых после лекции прислали записку: «Скажите, пожалуйста, может ли человек съесть 10 килограммов арбуза? И куда при этом переместится его центр масс?» Ученый не рассердился. «Да, человек может съесть 10 килограммов арбуза,— невозмутимо ответил он.— Не знаю, куда переместится его центр масс, но интеллектуальный центр переместится в живот. И ему будет трудно решать задачи третьего тура олимпиады...»

Пожалуй, это еще одна характерная особенность Новосибирской школы: исключительно теплое, доброжелательное, я бы сказал, товарищеское отношение старших к младшим, стремление максимально удовлетворить любознательность «фымышат».

...В кинотеатре «Москва» закончилась лекция ректора университета, лауреата Ленинской премии Рэма Ивановича Солоухина. Ученый отвечает на вопросы. Поток записок не иссякает.

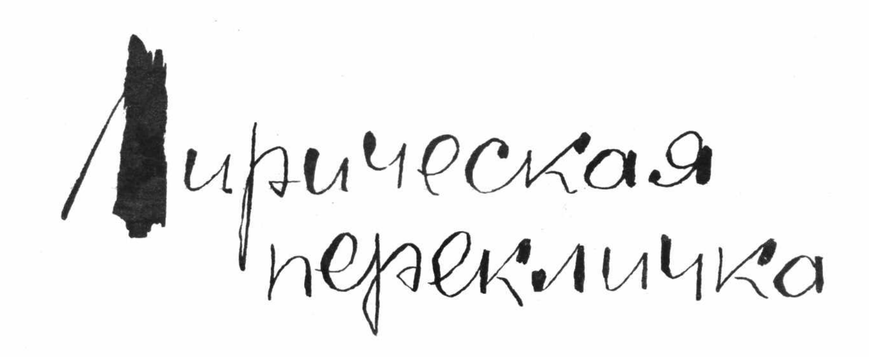
Наконец в зале остаются лишь два мальчугана. Вопросов у них больше нет. Они просят автограф. Один протягивает записную книжку, другой — тетрадь для занятий по физике. И Солоухин пишет на титульном листе: «В добрый путь!»

От дома к лесу — два шага.

Выходной. Обское море и каша с дымком.

АДАЛЛО

ПАРУСА

Грохочет ветер.
Как грохочет ветер!
Какие песни грозные поет!
Он рвет цветы,
Он нагибает ветви,
Он птицам
приземлиться не дает!
Он облака
неистово шатает,
Он по горам
восторженно шагает,
Он с лету всю планету огибает,
Он никогда нигде не погибает,
Он только лишь мятежно засыпает,
Когда дороги лепестками засыпает.
И вот тогда мы ощущаем свежесть,
Такую незахватанную свежесть,
Такую неистраченную нежность,
Такую неприрученную нежность,
Что исчезают тени ночи, тая,
Что сразу зацветает в поле рожь.
В каком великолепном сочетанье
В себе ты мощь и ласку бережешь!
Ну что ж, давай, крылатый и безбрежный,
Греми в ушах, стучась о небеса,
Чтоб был и я неистовым и нежным,
Крылатым,
сильным,
добрым,
знойным,
снежным,
Бей, ветер века, звонче в паруса!

Перевел с аварского
Ан. Заяц.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

НЕНАСТЬЕ

Если ты плохой художник,
поскорее кисти прячь
и кляни унылый дождик
или плачь,
потому что над землею,
не грибной и не ржаной,
сыплет мокрою золою,
колкой каплей,
влагой злою
серый дождик, за-тяж-ной.
Объективней, чем газета,
и подробней, чем донос,
в щелке меж весной и летом
скукой временной пророс
и стоит стеною сивой
впереди и за спиной
дождь.
Не первый над Россией,
не последний надо мной.
Он вошел в мою работу,
как в подошву лишний гвоздь,
он вошел в мои заботы,
как незваный гость.
Сер, как высохший камыш, он,
сер, как мышь, и сер, как кот,
сер, как шиферные крыши
и как старый анекдот.
Я пишу его не сильным,
не боюсь, что ошибусь,
я пишу его не синим —
серых красок не боюсь.
Но боюсь —
под теплой крышей,
глядя в жизнь через окно,
кто-то розовым напишет
то, что серо и смешно.

Борис УКАЧИН

ТИШИНА

Дремлет мир под звездами большими.
Только я не сплю да ты со мной.
Тихо-тихо.
«Горные вершины,—
Вспоминаю,—
спят во тьме ночной...»

Чуть курятся синие отроги.
Птица на ветвях не засвистит.
И прямой, по-лермонтовски строгий
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Где-то дети дремлют, разметавшись,
Пусть к ним сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют, размечтавшись
О хлебах, которые взойдут.
Тишина, свернувшись,
спит в бутонах,
И миры полночные горят.
Тихо-тихо.
Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездою, говорят...

Перевел с алтайского
И. Фоняков.

Илмари СААРИНЕН
(Карелия)

ХЕЛЮЛЯ

Наш поселок разделен рекою.
У домов такой веселый вид!
Фабрика с высокою трубою,
Словно дед мой, целый день дымит.

И метет метелица опилок,
Скрежет пил не молкнет никогда.
Мебельщикам, нам по сердцу было
Слушать ту симфонию труда.

Пой же, Хелюля! Пусть каждый слышит!
Здесь березам новый дан наряд:
Здесь старательно строгают лыжи
Парни с дружной стайкою девчат.

Думаю порой я благодарно,
Что из цеха шумного пото́м
Лыжи те выходят — все попарно,
Как и мы с тобою, вечерком.

Перевел с финского
Всеволод Рождественский.

В. ЕРМАКОВ

СЧАСТЛИВОЕ ЛЕТО

Фото Д. Ухтомского.

Ярко-зеленый грузовик вкатил на самую середину «космодрома». Присутствующие столпились возле него, разглядывая разместившуюся в кузове двухступенчатую ракету, которой предстояло подняться на рекордную высоту. С трудом пробиваюсь к Главному конструктору. Он в шортах и спортивной майке, загорелый, веснушчатый. Внешне ничем не отличается от окружающих его соратников. Но ведь Главный должен чем-то отличаться. Очень популярно он рассказывает о своем детище:

— Там все устроено как надо. Вот сюда сейчас вденем шнурок. Зажжем его — и «вжик» в небо!

— Как устроена ваша ракета, на каком топливе она работает? — интересуется один из гостей.

— Она работает на хорошем топливе,— лаконично отвечает Главный.

Звучит команда покинуть «космодром». И через мгновение знакомые «четыре... три... два... один... Пуск!».

Грузовик содрогнулся от взрыва. На секунду машину захлестнуло пламенем, заволокло дымом. Но в следующий миг пламя стремительно рванулось вверх, унося с собой «двухступенчатую красавицу», как выразился один из присутствующих. Все кинулись поздравлять Главного, хлопали его по загорелым плечам, пожимали руки. А он стоял, счастливый, немного смущенный поздравлениями, и рассеянно отвечал на приветствия. Нет, он ничем не отличался от своих 63 коллег, занимающихся в лаборатории ракетчиков СЮТа.

СЮТ — организация вполне серьезная. Во всяком случае, в городе Чайковском к ней серьезно относятся. Расшифровываются эти три буквы так же, как и в других городах,— станция юных техников.

Уже больше года с «космодромов» города Чайковского взлетают ракеты, сделанные руками ребят. Помимо этого, здесь есть лаборатории автомоделистов, судомоделистов, а для младших школьников открыт кружок «Тук-тук».

...В начале этого лета в Пермской типографии появился несколько необычный заказ — отпечатать небольшим тиражом «Положение о вторых Малых олимпийских играх». Положение было составлено по всем правилам. Тут был и итоговый протокол первых Малых олимпийских минувшего, 1964 года и перечень видов спорта и строгих правил соревнований на год 1965-й. Все, как полагается в большом спорте. Разве только у команд-участниц несколько непривычные названия: «Веселый спутник», «Счастливое детство»...

Об олимпиаде писали в городской газете «Огни Камы», а за первое командное место победитель награждался переходящим кубком и дипломом первой степени!

«Счастливое детство» — одна из детских площадок города Чайковского. Несомненно, ребятам здорово повезло, что они живут в этом городе, на берегу Воткинского водохранилища. Повезло потому, что это одна из крупнейших строек, о Воткинской ГЭС знает вся страна, потому, что традиции города суждено создавать им самим, так как городу Чайковскому от роду всего восемь лет. Но, самое главное, им повезло потому, что здесь как-то особенно всерьез заботятся о них.

— В городе был организован штаб по летнему отдыху детей,— рассказывает первый секретарь горкома партии Михаил Александрович Назаров.— Через некоторое время у каждой из 21 площадки появились шефы. Над площадкой имени Гагарина шефствуют рабочие Воткинской ГЭС, а у площадки «Счастливое детство» шеф — городской лесокомбинат. Шефы отвечают за отдых детей. А как они организуют его, лучше всего расскажут сами.

Вот что мы услышали от директора лесокомбината Н. Я. Чукарина:

— Площадка нам досталась большая и абсолютно не оборудованная. Что делать? Посоветовались с рабочими. Коллектив плотничного цеха обязался изготовить для площадки необходимое оборудование и установить его. Материалы выделили из сэкономленных средств. Ну, а чего не хватило, выменяли у других шефов.

— А как с воспитателями?

— Да так же. Добровольцы нашлись. В конце концов дети-то не чужие,— отвечает Чукарин.

Ребята ходят в походы по красивейшим местам Прикамья, ездят на экскурсии в Пермь, в их распоряжении быстроходные катера и пароходы во время речных прогулок. Хозяева детских площадок ходят друг к другу в гости помериться силами в спортивных состязаниях, показать свое искусство в концертах художественной самодеятельности.

Проводятся в городе музыкальный фестиваль «Камские огни», и городской КВН, и конкурсы чтецов, и многое, многое другое. В конце августа на празднике «Здравствуй, школа» соберутся представители всех детских площадок — подвести итоги летней работы, поспорить, определить, у кого отдых был лучше.

ДЕТИ В ГОРОДЕ ЧАЙКОВСКОМ.

Строители фрегатов.

Наташа с площадки имени Гагарина.

Гигантские шаги.

КРАЙ ЗАПОВЕДНЫЙ

Р. ЗЕРНОВА

I

Мы шли в Петровское. День был тихий, вода в озере спокойная, голубая; над нами в соснах звенела пеночка, спрашивала: «Тюнь-тюнь?» И отвечала себе успокоительно: «Тюнь-тюнь! Тюнь-тюнь!» Над озером, в струнку вытянув ноги, летела серая цапля — зуй. Из-за этих зуев и сельцо здешнее когда-то называлось Зуево. Еще оно называлось Устье, а еще — Михайловское; под этим последним именем и стало это Псковской губернии сельцо известным всей России.

...Цапля на лету повернула голову, будто удивилась. И мы удивились. Серый и пыльный, как верблюд, пересекший пустыню, в озеро вкатил «Москвич» и остановился, купая в светлой озерной воде свои натруженные покрышки. Из недр машины выскочили двое мужчин в трусах и принялись трудолюбиво поливать ее из ведра. Грязная вода хлынула в озеро водопадом.

— А озеро-то заповедное! — сказала моя спутница.

Один из мужчин весело крикнул в ответ:

— Ничего! Воды на всех хватит!

Другой буркнул, не поворачиваясь:

— Что ж оно, не для людей, что ли, ваше заповедное?

Мы пошли дальше. Шли в невеселом молчании: встреча с машиной и ее владельцами оставила неприятный осадок. Но кругом стояла веселая, пахучая летняя тишина, а потом мы услышали соловьиные захлебывающиеся придыхания и забыли о том «Москвиче».

В Петровском нет ничего, кроме парка,— ни барского дома, ни служб, ни беседок, только парк. Идешь по аллее этого парка под сомкнутыми кронами старых лип, и кажется, вечер наступил: прохлада, полумрак, комары. И вдруг аллея кончается, на поляне белая сныть, желтые лютики, розовые и малиновые смолевки, и медлительные сонные стрекозы купаются в солнечном свете.

От старого барского дома, от беседки, где когда-то сиживал темнокожий хозяин имения со знаменитым своим племянником, остались только каменные фундаменты. Скоро пятьдесят лет, как стоят и обрастают травой эти «забвенью брошенные» фундаменты, а парк растет, и старые деревья каждый год наливаются свежими соками. Траву же на здешних полянах косят колхозники села Петровского — потомки крепостных Петра Абрамовича Ганнибала.

Возвращаясь обратно, мы уже не увидели того «Москвича». Только выгоревший черный кружок на берегу — след старательно затоптанного костра — напоминал о том, что здесь располагались привалом усталые путники. Черный этот след, безобразный и унылый, был на своем законном месте, поскольку тут была дощечка с надписью: «Место для туристского лагеря». Жаловаться было некому. А основание для жалобы есть.

Туристов много. Велика тяга людей сюда, к Сороти, к небольшим, но прелестным здешним озерам. Потому что все это вместе — леса и рощи, холмы и озера, река Сороть и ее берега,— все это входит в черту Пушкинского заповедника, и нет в России человека, который не мечтал бы посетить эти священные места.

Есть в этих местах неизъяснимая притягательность, «внезапная лирическая сила», как счастливо выразился Константин Паустовский. Тишина ли здешняя тому причиной или чудом сохранившийся — а вернее сказать, чудом сохраненный и неусыпно сохраняемый — пушкинский пейзаж, который когда-то, еще пятиклассником, проходя «Деревню», вы себе вообразили, а теперь мгновенно, с ёкнувшим сердцем узнали; или причиной тому пушкинские стихи, которые обступают вас буквально со всех сторон, но здесь вы чувствуете себя духовно омытым и утешенным. Приезжайте, вы все увидите сами. Походите над Маленцом и над Кучанем, споткнитесь о корни старых лип в аллее Керн, посидите в Тригорском на Онегинской скамье, постойте в молчании у белого мраморного памятника на монастырском холме — и дадите себе зарок: через год непременно, во что бы то ни стало опять приехать сюда.

А когда вернетесь домой, подумайте, сколько повседневного, самоотверженного, самозабвенного труда вложено нашими сегодняшними современниками — хранителями, лесничими, садоводами, экскурсоводами — в эту тишину.

II

В книге отзывов Дома-музея А. С. Пушкина есть запись от 24 июня 1965 года, сделанная полковником в отставке И. М. Сергеевым:

«В домике великого поэта Александра Сергеевича Пушкина я бывал в 1915 и 1916 годах, будучи учеником Зимаревской земской школы».

Зимари — это одна из близлежащих деревень.

«...Последний раз я видел Михайловское в 1926 году, когда работал по восстановлению границ Пушкинского заповедника. Здесь царило запустение, фундамент зарос травой. Сегодня я увидел красоту природы, созданную руками здешних работников. Михайловское и его окрестности представляют собой уголок удивительной красоты. Эту несравненную красоту следует беречь и хранить. Красивые берега озера Петровского вытаптываются, выжигается трава. Восточный берег озера захламляется, засоряется. Нужно во что бы то ни стало бороться с варварским отношением к красотам заповедника. Запретить всякого рода лагеря и туристские стоянки на берегу Петровского озера».

Это тревога, предостережение.

В Михайловское приходит много писем. Недавно пришло письмо со старательно вычерченным планом: река, над рекой холм, на холме домик. «Я воевал в этих местах,— сообщалось в письме,— и вот, помню, офицер не разрешал по этому домику стрелять. Правильно ли я считаю, что это Дом-музей Пушкина?»

В этих местах побывали фашисты. В Святогорском монастыре, где похоронен поэт, они взорвали колокольню; в Михайловском сожгли домик Арины Родионовны — единственное сохранившееся в неприкосновенности строение пушкинских времен; в парках — Михайловском, Тригорском, Петровском — вырубили вековые деревья; огромная сосна над Маленцом и поныне сохраняет след подпила.

Но теперь восстановлен монастырь, восстановлен Дом-музей и домик няни. Восстановлены людская и флигелек, где жил управляющий имением, дом в Тригорском. Вероятно, с течением времени будет восстановлен на старом фундаменте и дом в Петровском — неуемная энергия директора заповедника Семена Степановича Гейченко тому залогом.

Но никто не сможет восстановить сведённый лес, вытоптанную, выжженную траву. И тут происходят вещи, к сожалению, необратимые: на берегу озера Кучане, как мы уже говорили, разрешена стоянка туристского лагеря. Машины, которые подвозят экскурсантов чуть ли не к самому Дому-музею, наездили, накатали, непомерно расширили старую лесную дорогу, а по этой дороге много лучше было бы ходить пешком. Как-то раз у ворот заповедника повесили «кирпич», и только маршрутный автобус Михайловское — Пушкинские горы — Тригорское сохранил право проезда по этой дороге. Остальные машины, как им и положено, ждали своих хозяев у ворот. Но этот порядок почему-то был отменен.

На поляне у самого заповедника бойко торгуют спиртными напитками. Бутылки потом не принимают, и осколки их можно увидеть в тихих Михайловских прудах.

По мнению сотрудников заповедника, следовало бы запретить всякую продажу спиртных напитков у порога Михайловского. Не будут же, скажем, продавать водку в буфете... Эрмитажа! Здесь нужны напитки прохладительные, может быть, менее выгодные коммерчески, но более подходящие к случаю. Посетители не будут в обиде.

Мы видели, как один из современных «чревовещателей» — молодой человек с транзистором на животе — беспрекословно выключил его по предложению работника заповедника. Мы не видели купальщиков в Маленце, не наблюдали регат и парусных гонок на Сороти, не встречали на лугах футболистов. Люди, приезжающие сюда — на грузовиках, автобусах, на легковых машинах,— приезжают сюда не для того, чтобы купаться, играть в футбол или плясать бальные и западные танцы. Они приезжают к Пушкину. Приезжают старые учительницы-пенсионерки, всю жизнь готовившиеся к этой поездке, и молоденькие курсанты, семьи, завернувшие сюда в своей машине по дороге на юг, и пионеры из Новоржевского колхоза, бывающие здесь несколько раз в год.

Переводчик индийского посольства господин Мадху Он написал в книге отзывов:

«С приношением сердца от недостойного поклонника Пушкина с надеждой, что когда-нибудь хотя бы очень маленькая доля души великого поэта переселится в мою грешную плоть».

Всем этим людям нужен Пушкин, пушкинская атмосфера, воздух и тишина заповедной пушкинской земли.

III

В мае в «Литературной газете» появилось письмо группы видных советских литераторов, в которой сообщалось, что у самой границы заповедника, на берегу озера Кучане, предполагается строительство большой турбазы с пропускной способностью 25 тысяч человек в год. Авторы письма справедливо замечали, что, даже если будущие жители туристского городка не сломают в заповеднике ни одной ветки и не сожгут ни одного деревца, они за пять лет безо всякой злой воли неминуемо вытопчут лес.

Разумеется, авторы письма не выступали против туристских баз вообще. Они просто предлагали создать туристскую базу в пяти километрах от заповедника, на Сороти, ниже Тригорского,— места там прекрасные и вполне приспособленные для здорового и веселого отдыха. Редакция получила много писем: уберечь, сохранить, спасти! Наконец газета сообщила, что постановление о строительстве турбазы в районе озера Кучане отменено.

Но радоваться было рано. Наступление на заповедник было только временно приостановлено. Прошло две недели — и вновь заработала в ВЦСПС чья-то беспокойная мысль, вновь собрался на заседание совет по туризму, вновь дали указание главному архитектору — и было намечено новое место для турбазы. Вы думаете, там, где предлагали сотрудники заповедника? Ничуть не бывало! Новое место для турбазы намечено на том же расстоянии от заповедника (около 1,5 км), правда, в другой стороне — около деревни Бугрово. Добавим, что в Бугрове нет ни реки, ни леса, а это означает только то, что туристские массы хлынут в Михайловские рощи и на берега заповедных озер. И результат будет все тот же: через несколько лет заповедник зачахнет.

И ведь принимают эти решения вовсе не какие-нибудь злодеи, поклявшиеся во что бы то ни стало погубить народную святыню. Нет, люди, решившие воздвигать здание турбазы на опушке Михайловских рощ, любят эти места, любят Пушкина. Они просто хотят привлечь в заповедник побольше людей, они хотят, чтобы турбаза себя окупила как можно скорее, они желают, как говорится, соединить приятное с полезным. Но для того, чтобы привлечь людей, турбаза должна называться «Пушкинский заповедник». А если название будет такое, то и строить ее надо прямо в заповеднике, тогда и наплыв народа будет большой, и все окупится сразу же, а что там дальше — ну, что ж, там будет видно. Примерно таков ход этой административной мысли. И вот который год уже идет война с заповедником, война с пограничными инцидентами и стратегическими отступлениями, о которых граждане оповещаются через газету. А на деле это следует посмотреть, широко учитывая, продолжая нашу военную терминологию, взаимодействие всех частей.

Анна Ивановна Медведева, возглавляющая Псковское областное управление культуры, говорит:

— Мы ведь подсказывали, какое место для турбазы подходит: за Тригорским, на слиянии Сороти и Великой. Там такая красота, пожалуй, и не найдешь красивее мест на всей Псковщине. Или Лысая гора, бывшее имение Фон-Фоков,— тоже отличное место. Оттуда и в заповедник можно было бы ездить, или пешком шагать, или даже подниматься по Сороти на шлюпках. Возражают: дорого! Но ведь самое дорогое — это заповедник!

Давно уже говорилось, что в Пушкинских горах необходимо построить еще одну гостиницу летнего типа. Несколько комнат в бывшем доме настоятеля монастыря не могут вместить массу приезжих. Но никто сейчас не помышляет о строительстве гостиницы, и люди с чемоданами бродят по улицам в поисках жилья.

Пусть будет построена и турбаза, но не так близко от заповедника. Молодые люди разных профессий и склонностей приедут на эту турбазу отдыхать, будут купаться в реке, ходить за грибами, жечь по ночам костры, а днем загорать на прибрежном песке или играть на лугах в классические дедовские горелки. И они же в один прекрасный день, сосредоточенные и притихшие, пройдут по липовым аллеям Михайловского, невытоптанным, невыжженным, сохраненным. Для них же! Для людей!

Римма КОВАЛЕНКО

Рассказ

Рисунки И. УШАКОВА.

Ерофеич

Свою квартиру Данька не любил. Мать уходила на работу рано. Оставляла на столе еду, прикрытую газетой, и записку. Всегда одну и ту же: «Не забудь закрыть дверь. Ключ положи туда же. После школы сиди дома и делай уроки». В записке было много ошибок. Даже не особенно грамотный Данька видел их. Мать всего боялась: грозы, воров, Данькиных двоек, начальства на работе. Когда в квартире перегорали пробки, она зажигала тонкую елочную свечку и спрашивала у сына: «Что будет теперь?» Кто-нибудь из соседей исправлял пробки, свет вспыхивал, но испуг и тревога не сразу сходили с ее лица.

— Твоя мать, случайно, не баптистка? — спрашивала Даньку на кухне соседка Симочка.— Ты приглядись к ней. Она определенно связана с какой-нибудь религиозной сектой.

Данька хлопал густыми ресницами, пытаясь постичь смысл Симочкиных слов, и отвечал категорично:

— Не твое дело!

Симочка вмешивалась в Данькину жизнь. Когда у нее было хорошее настроение, она занималась с ним по арифметике.

— Какой-то ты, извини меня, тупой ребенок,— вздыхала она,— это же такая простая задачка.

Данька не обижался. Он сам не считал Симочку умной. Когда ей приходило письмо из Хабаровска, она прыгала и пела в своей комнате, потом зазывала туда Даньку.

— Вот тебе двадцать копеек,— говорила она и глядела на Даньку, вскинув голову,— можешь купить самое лучшее мороженое.

Данька брал деньги, но уходил не сразу. От Симочки не так-то легко было отделаться.

— Послушай, что он пишет: «Почему мы не встретились четыре года назад, как все тогда было бы просто!..»

Данька откровенно тосковал от этих цитат. Лейтенант из Хабаровска, присылавший письма, был женат. Об этом знала вся квартира.

— Он сушит тебе мозги,— отвечал Данька. Так говорила о Симочкином романе строгая соседка Зоя Львовна.

— Не сушит,— вскипала Симочка,— он благородный. Он, если хочешь знать, любит меня.

— Ну и пусть,— пятился к дверям Данька,— пусть любит. А жена его приедет и набьет тебе морду.

— Грубиян! Двоечник!

Симочка недолго помнила обиды. Или Данька был не тем человеком, который мог ее надолго обидеть. Плакала и обижалась Симочка только тогда, когда случайно цепляла новый чулок за табуретку на кухне. Тогда Данька жалел ее и ненавидел усатую Зою Львовну, которая своим ехидным голосом еще больше расстраивала Симочку:

— С вашей зарплатой, милая, можно носить чулки попроще и покрепче.

— Она, если захочет, тысячу заработает,— вступался Данька,— ей один граф по двадцать копеек за страницу платит.

Симочкины слезы высыхали, она улыбалась и объясняла соседке:

— Это правда. Один графоман предлагал мне рукопись по двадцать копеек. Страниц пятьсот. Но там ничего нельзя разобрать. Наверное, сумасшедший.

Важная соседка вздыхала и прикрывала глаза, дескать, да, да, только сумасшедшие могут предлагать тебе большие деньги.

В школе Данька сидел на первой парте. На первых партах в их третьем классе сидели двоечники, самые маленькие и девочка в очках. У Даньки были большие права на первую парту: он был самым маленьким и двоечником. Учительница часто говорила ему:

— Даня, внимай.

Раньше она произносила длинные фразы: «Будь внимательным, старайся на уроке побольше запомнить, тогда быстрей подготовишь дома уроки».

«Даня, внимай» действовало на Даньку, как взмах кнута, за которым не следует удара. Он хлопал длинными ресницами, глаза его становились ясными, но через несколько минут он опять погружался в свои думы. Думал Данька больше вопросами: «Где, интересно, учат на фокусников?», «Может ли плавать слон?», «Почему не горят мокрые спички?» Соседка его, единственная в классе девочка в очках, написала о нем заметку в школьную сатирическую газету «Крючок»: «В конце каждой контрольной у него, как жирафы, вытянули шеи двойки», «Он часто контрольные слизывает у меня», «Он может стать хорошим учеником, если не будет таким задумчивым и нервным, как коза».

Больше всего Даньку обидело сравнение с козой. После уроков он дождался соседку по парте у школьных ворот и плюнул ей на пальто. Девчонка положила в карман очки и шлепнула Даньку по голове портфелем. Конфликт на этом не закончился. Назавтра родители девочки пришли в школу. Данька стоял перед директором, повесив голову, и молчал. Потом он сказал: «Извините меня, я больше не буду». Про то, что его стукнули портфелем по голове, он не вспомнил. Когда трое взрослых убеждают, что «плевать в прямом смысле на товарища — это подлость», тут уж не оправдаешься.

С Ерофеичем Данька познакомился весной. Мартовский снег осел, почернел, и третьеклассники отправлялись на поиски старого железа на задворки заводов и фабрик. В своих асфальтированных дворах с разнокалиберными строениями гаражей искать лом было все равно, что ходить в городской сквер по грибы. Но Данька ходил по дворам. Открывал люки баков с отбросами и доставал оттуда железные консервные банки. Бездомные кошки подбегали к нему, а однажды подошла напудренная дама с толстыми коленками под коротким платьем и спросила:

— Это вас в школе заставляют по помойкам рыскать?

— Никто не заставляет,— буркнул Данька.

— Понятно,— не унималась дама,— политехническое обучение. Без отрыва от учебы вы приобретаете специальность мусорщиков.

Данька ответил:

— Эти банки пойдут на тракторы и другие машины. Сами на машинах ездите, и сами смеетесь.

Он не хотел ссориться, ему стыдно было, что застали его у этих баков. Но дама не унималась:

— Пусть бы ваши учителя рылись в этом дерьме. Им что, машины не нужны?

Этого уж Данька стерпеть не мог.

— Давай шагай отсюда! — сказал он и замахнулся банкой.

— Такой маленький — и такой хам! — возмутилась дама и ушла восвояси.

Мудрые мысли иногда приходят в минуты душевных потрясений. Пересекая двор, он вдруг понял, что вовсе не обязательно рыться в мусорных баках. Можно собирать банки прямо по квартирам.

Данька начал обход со своего дома. В четвертом подъезде на его звонок вышел маленький старичок с пышным облаком седых волос.

— Вы ко мне, молодой человек?

Данька растерялся. Старичок был какой-то ненастоящий. В новом ярко-синем спортивном свитере, в повязанном, как у цыганок, через плечо суконном платке с бахромой. «Сумасшедший»,— подумал Данька и сказал:

— Я вас никогда не видел. Я живу в этом же доме.

— Невозможно видеть все,— ответил старичок.

Даньке так никто не отвечал.

— У вас банки есть? — спросил он.

— Банки консервные у меня забирает девочка Люся с третьего этажа.

— Люську я знаю,— сказал Данька и вздохнул. Уходить ему не хотелось.— Она у вас и макулатуру берет?

Он все-таки дотянул до того, что старичок сказал:

— Что же мы стоим, как будто наглядеться друг на друга не можем? Заходи.

Данька вошел в комнату. Сел в продавленное кресло и поднял с пола журнал. Журнал назывался «Здоровье». Точно такой выписывала соседка Зоя Львовна.

— Тебе сколько лет? — спросил Ерофеич.

— Десять.

— А мне скоро восемьдесят.

Данька понимающе чмокнул губами:

— Много.

— А ты как думал? Возраст, можно сказать, дряхлый.

— Все старыми становятся,— утешил его Данька.— Сначала молодые, потом пожилые, потом старые.

Ерофеичу это понравилось.

— А ты, парень, мудрец. В десять лет, понимаешь, не всякий такой мудростью располагает.

Данька свободней уселся в кресле и стал ждать разговора. Что же им делать, как не говорить! Но старик молчал. Смотрел на Даньку и будто не видел его. Даньку это не смущало. Старик был из тех редких людей, с которыми можно было молчать. Как всякий мудрец, Данька не хотел утруждать доброго хозяина сложным вопросом.

— Соседи у вас ничего, не скандальные?

Ерофеич встрепенулся, веселым взглядом окинул мальчика: «Откуда ты такой чудик?» И ответил:

— Наоборот. Почтенные и достойные всяких похвал люди.

Данька замолчал. Теперь была очередь Ерофеича задавать вопрос.

Он спросил:

— Отец у тебя есть?

Это был тот самый вопрос, который заставлял Даньку ежиться. Кто его знает, есть или нет. У матери Данька об этом никогда не спрашивал. Понимал: не надо. Ерофеичу ответил скороговоркой, опустив глаза:

— Отец у меня уехал. Давно.

И вздрогнул от слова, которое услышал.

и Данька

— Извини.

Даньку, как током, пронизало это слово. Считает ли старик позором, что у него нет отца?

— Мы с матерью вдвоем живем. У нас комната маленькая. Две кровати, стол, шкаф и еще такой шкафчик для посуды.

Он оправдывался: даже если бы был отец, куда его денешь в такой маленькой комнате?

Ерофеич пошел на кухню и принес оттуда коробку с печеньем и бутылку минеральной воды.

— У тебя отца нет, у меня отца нет. Что же нам, казанским сиротам, делать?

Он чокнулся граненым стаканом и насыпал Даньке в блюдце печенья.

— Ты никогда не задумывался, мудрец, что такое человек?

Данька пожал плечами: мол, не приходилось.

— Вот ты не думал, почему у человека на лице нос, а не какой-нибудь, допустим, пушистый хвост?

— Хвост бы мешал. Шерсть в ноздри лезла бы.

— Совершенно верно. Пойдем дальше. А зачем человеку две ноздри? Вполне бы хватило одной. А вот третий глаз в затылке — это было бы кстати. Или ты считаешь, что этот глаз ничего бы не видел под шапкой?

Выпили вторую бутылку нарзана, потом включили телевизор. Голубой экран погудел, и на нем проявилась женщина в кружевной блузке. «...А теперь, ребята, сложим лист пополам и наметим контуры фонарика». Данька засобирался домой.

— Пойду. Там уже мама дома.

— Приходи,— сказал Ерофеич,— и передай маме привет.

* * *

Весну Данька заметил тогда, когда на голых ветках тополя во дворе появились грачи. Две большие черные птицы каждое утро устраивали галдеж возле старого, растрепанного зимними ветрами гнезда. Данька смотрел на них из окна и гадал, которая из птиц муж, которая жена. Наверное, жена не соглашается жить в старом доме и пилит своего грача, чтобы построил новый. Интересно, как птицы относятся к людям, что они о них думают?

Девчонки в их дворе только Даньку принимали играть в классы. Он серьезно относился к этой игре: свесив голову на тонкой шее, сосредоточенно прыгал на одной ноге и вздыхал, когда битка ложилась на черту. С ним было удобно играть. Он не следил ревнивым оком за чужой игрой. Дожидаясь очереди, смотрел на старый тополь или в ту сторону, где был подъезд Ерофеича.

В школе учительница сказала: «Сегодня вы, ребята, будете писать первое свое сочинение». Вывела на доске заголовок «Весна пришла» и стала объяснять, что нужно написать. «Не забудьте сказать о том, что этой весной вас примут в пионеры». Данькина соседка поставила учебник посреди парты — так она всегда отгораживалась от него на контрольных — и стала писать. Данька вытянул шею, подглядел первую строчку: «Весной пробуждается вся природа». Откуда очкастая берет такие слова? Данька так не мог. «После зимы всегда приходит весна»,— написал он и задумался. Почему всегда приходит весна? Взяла бы один раз и не пришла. И тут же привиделись грачи. Сидят на холодных голых ветках и молчат. Кричать хорошо, когда все понятно, когда не замерзнешь даже в старом порушенном гнезде.

— Даня, внимай,— донеслось откуда-то издалека.

Вечером Ерофеич сказал Даньке:

— Вот ты ко мне ходишь, а сам в гости не зовешь. Мама твоя как смотрит на то, что ты ходишь?

Данька вспыхнул. Он не ждал этого вопроса. Как скажешь, что мать боится и Симочка тоже подозрительно относится к их дружбе? «Один старичок вот так же приваживал малолетних. И оказалось что? Секта». У Симочки был пунктик насчет секты, даже Зоя Львовна была у нее на подозрении.

— Приходите,— сказал Данька и опустил голову,— только соседки у нас недружеские.

— Это я просто так сказал, Данька. Какой из меня ходок! Сам видишь.

Ерофеич разбирал старые бумаги, что-то выписывал. Данька рассматривал фотографии и делил их на две стороны: живых и тех, кого уже нет.

— А этот? — спрашивал он.

— Это Колька. Мы с ним в гражданскую в одном полку служили. Потом встречались изредка. Погиб в начале войны.

Заметив, чем занимается Данька, Ерофеич рассердился:

— Ты мне кладбища тут на столе не устраивай. Вместе все должны быть, смешай сейчас же.

Данька послушно смешал фотографии. Потом взял конверт, в котором хранились карточки женщины с высокими черными бровями, и стал раскладывать: молодая с косами на груди, постарше — косы веночком, потом подстриженная, в берете, сдвинутом набок. На последней карточке она стояла под пальмой, располневшая, в светлом сарафане, и улыбалась. Внизу была надпись: «Привет из Крыма».

— Это твоя жена?

— Нет.

— Ты ее полюбил?

— Любил.

— И сейчас ее любишь или другого когонибудь?

Есть слова, которые дороже всего золота мира. Даже одно слово. Ерофеич его знал:

— Тебя.

Данька притих, он не знал, что говорят в ответ на такое слово.

* * *

Мать стирала, сидя на табуретке. Она всегда стирала сидя и в комнате. Боялась занимать ванную: вдруг Зое Львовне приспичит туда же? Данька ворвался в комнату, она повернула к нему маленькое белое лицо с двумя розовыми кругами румянца и сказала:

— Опять шлялся. Вынеси ведро.

Ведро с шапкой мыльной пены стояло у двери. Данька схватил мокрую дужку, накренился на левый бок и выпалил:

— Нас послезавтра — в пионеры!

Мать ничего не ответила, и Данька не стал ждать, что она скажет. В коридоре, размахивая пустым ведром, он сказал Симочке:

— Послезавтра в Доме культуры будут принимать в пионеры.

— Подумать только,— удивилась Симочка,— ты станешь пионером! Ты рад?

— Я рад,— сказал Данька.— У нас в классе двоих отложили. Недостойны.

Он не сказал, что сам висел на волоске, что только благодаря очкастой соседке все проголосовали «за». Соседка произнесла прочувствованную речь: «Все недостатки Дани от рассеянности. Он старается, но рассеянность уводит его в сторону. Я заверяю, что Даня исправится».

Мать стирала. Был теплый, влажный апрельский вечер. Данька тихонько вышел во двор. Сел на скамейку, прислушался. Окно Ерофеи-

Младший сержант Елена Иванова. Год 1945-й.

СУДЬБА ЕЛЕНЫ ИВАНОВОЙ

Елена Петровна Иванова. Год 1965-й.

Елена Петровна со своими ученицами

Двадцать лет назад судьба забросила меня в Воронежскую область. Целью командировки был фотоочерк для «Красноармейской иллюстрированной газеты» о возвращении домой демобилизованных воинов. Среди тех, кто носил тогда солдатские гимнастерки, были и девушки. Мое внимание привлекла одна из них, Лена Иванова. Она добровольно ушла на фронт в 1942 году. Зенитная батарея, где служила Лена, сбила восемь фашистских самолетов.

Репортаж, который я привезла, был опубликован. И в адрес юной зенитчицы посыпались письма. Десять тысяч писем за несколько недель! Разумеется, на все она ответить не смогла и попросила редакцию поблагодарить от ее имени всех неизвестных корреспондентов. Это была последняя весточка, которую я получила от Елены Ивановой.

Прошло двадцать лет. В дни юбилея Победы редакции газет и журналов разворошили фотоархивы. И снимок милой русской девушки в военной форме, с белыми лилиями в руках снова появился в печати. Где-то она теперь? Как сложилась ее судьба? И вдруг в День Победы я неожиданно получаю приглашение в гости. От Елены Ивановой! На почтовом штемпеле значится обратный адрес: Ургенч.

Лечу в Ургенч. Лена изменилась. Но по-прежнему в уголках глаз таится озорная улыбка.

Целый вечер мы посвятили воспоминаниям. Переговорено было много. В Среднюю Азию Лена попала после окончания пединститута. Многие отказывались ехать в далекий город. Но в бывшей зенитчице не пропал фронтовой задор. «Пошлите меня!» И вот уже десять лет она работает преподавателем русского языка. Сначала в национальной школе, а потом в Педагогическом институте имени Ленина.

Я видела, с каким уважением относятся к Елене Петровне ее коллеги, как приветливо здороваются с ней на улицах города многочисленные ученики — вчерашние и нынешние.

Остальное пусть доскажут фотографии, которые я сделала в гостях в Ургенче.

Галина САНЬКО

Куда ни придет Елена Петровна, всюду она желанный гость.

Идет экзамен.

Фото автора.

ча желтело невнятным светом — в глубине комнаты горела настольная лампа. Данька не решился беспокоить его в этот вечерний час. Зашел утром, перед уроками. Постучал, сказал у порога:

— Меня завтра в пионеры принимают. В Доме культуры.

— Поздравляю, — сказал Ерофеич, — поздравляю.

— Сказали, можно родителей приводить. Воскресенье завтра.

— Ты хочешь, чтобы я пошел?

В воскресенье мать надела на Даньку белую рубашку, сама причесала ему набок чубчик.

— Смотри там, веди себя хорошо.

— Ладно,— ответил Данька, вышел в коридор, постучал в соседнюю дверь.

— Сима!

За дверью стучала машинка, Симочка не слышала, Данька распахнул дверь.

— Сима! Я пошел!

— Куда? — обернулась Симочка.

— В Дом культуры. В десять будут принимать.

Симочка подбежала к нему и чмокнула в щеку. Данька отмахнулся.

— Ладно тебе с нежностями.

Воскресное утро выдалось дождливым. Дождь шел мелкий, теплый, и молодая трава, пробившаяся через асфальт, весело подставляла ему свои стрелки. Ерофеич в валенках с галошами, под зонтиком медленно переступал по асфальту.

— Может, ты побежишь вперед? — советовался он с Данькой.— Плохой я ходок. Отходил уже, как видишь, свои дороги.

Данька не мог побежать вперед.

— Хоть кого сейчас в валенки с галошами обуй, не очень побежит.

Дом культуры виден был с начала их пути, но ой какой это был длинный путь!

— Посидим,— сказал Ерофеич,— передохнем минутку.

Они сели на мокрую скамейку у пивного ларька.

— Весной пробуждается вся природа,— сказал Данька.

— Тревожное время года,— сказал Ерофеич.— Ты волнуешься: в пионеры принимать будут. А я тревожусь, как бы земля этой весной не приняла к себе.

— Не надо об этом думать.

— Почему не надо? Думать обо всем надо.

В вестибюле Дома культуры гардеробщица, увидев на Даньке белую рубашку, сказала:

— Беги скорей, полчаса, как началось, уже и оркестр играл.

Данька запрыгал по ступенькам широкой лестницы, рванул дверь в зрительный зал и остановился, втянув голову в плечи, как будто попал под проливной дождь. Зал аплодировал усатому военному с Золотой Звездой Героя на груди. Военный стоял на краю сцены, а сзади него — третьеклассники в два ряда в красных галстуках. Данька вздрогнул, когда оркестр заиграл веселый марш. Вожатая Татьяна Ивановна вспрыгнула на сцену, пожала руку военному и сказала собравшимся в зале:

— Дорогие юные друзья! Сегодня в нашу пионерскую семью влилось два новых отряда...

— Что же нам делать, человек ты мой хороший? — услышал Данька голос Ерофеича.

Они стояли в конце прохода до конца торжественной части, а в перерыве пошли искать вожатую. Ерофеич разволновался, когда розовая от возбуждения Татьяна Ивановна остановилась возле них и, отыскивая кого-то глазами, произнесла:

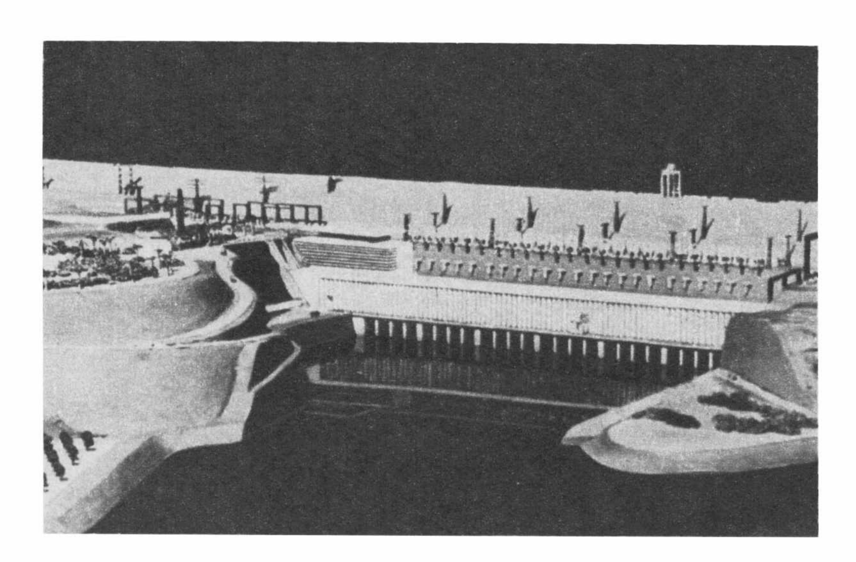
— Только покороче, товарищ, у нас через десять минут шефский концерт.

— Я прошу... я, как коммунист с тысяча де-

В СЕРДЦЕ ПУСТЫНИ

Асуанский гидроузел, который называют одним из чудес двадцатого века, получит выразительное оформление. В Каире принят, утвержден министром по делам высотной плотины Сидки Солимамом архитектурный проект гидротехнического комплекса, предложенный группой специалистов института «Гидропроект» имени С. Я. Жука.

Задача была не совсем обычной, — говорит главный архитектор института Р. А. Якубов. — Плотина должна отчетливо выделяться на фоне пустыни, знаменуя торжество человека над природой.

Так будет выглядеть плотина Асуанского гидроузла.

— Задача была не совсем обычной,— говорит главный архитектор института Р. А. Якубов.— Плотина должна отчетливо выделяться на фоне пустыни, знаменуя торжество человека над природой.

Как же будет выглядеть гидроузел на Ниле? На низовом откосе плотины расположены горизонтальные площадки с деревьями, кустарниками и цветами. На левом берегу низового отводящего канала снимут верхнюю часть скалы и на мысу разобьют парк, установят монумент в честь строителей Асуана.

Здание гидроэлектростанции простое по своим формам и в то же время приметное. Для того, чтобы создать контраст с темными береговыми скалами, при наружной отделке ГЭС будет применен белый бетон.

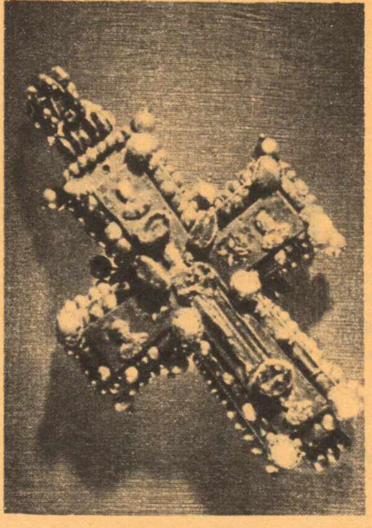
Главный фасад защитят от палящего солнца железобетонные ребра. В машинный зал естественный свет вольется через вертикальные стеклянные полосы. Сюда войдет хозяйкой техническая эстетика. Ее приметы: голубой пол из керамических плиток, оранжевая окраска гидроагрегатов, панно на торцовых стенах.

У гидроэлектростанции будет сосед — десятиэтажный служебный корпус. Там разместятся пульт управления, мастерские, лаборатории, узел связи, залы для демонстрации фильмов и показа экспонатов, отображающих историю строительства гидроузла.

К работам, которые придадут гидротехническим и энергетическим сооружениям выразительный облик, строители, монтажники, садоводы приступят в ближайшее время. Еще ярче станет вскоре россыпь огней над Нилом.

Ан. ВЕТРОВ

ЗАГАДКА ДРЕВНИХ УМЕЛЬЦЕВ

Вот оно, чудесное изделие старинных мастеров.

Вы держите в руках старинную икону, украшенную цветной смальтой — застывшей стекловидной массой. На смальте тончайшей металлической золотой нитью нанесен рисунок, контуры изображения. Вы уже не думаете о высоких художественных достоинствах этого изображения, потому что вас занимает мысль: как же можно сделать такое? Как можно припаять к стеклу такую тонкую золотую перегородку? Ведь она просто растворится в месте припая! Но ведь были же руки, которые могли это сделать, был способ изготовления грузинских перегородчатых эмалей!

К сожалению, он канул в вечность вместе с последними эмальерами XV—XVI веков. С той поры уже никто не владел этим изумительным искусством. Между тем старинные изделия продолжали восхищать людей. А иных толкали даже на неблаговидные поступки. Так, ряд грузинских перегородчатых эмалей был похищен из Джуматского монастыря неким придворным царя Александра III. И когда это обнаружилось, сей придворный поспешно скрылся за границу, в Аахен. Часть ворованной коллекции попала к миллионеру Моргану, часть — к немецкому ученому И. Шульцу.

Много лет безуспешно работал Шульц над раскрытием тайны изготовления эмалей. Много других ученых пыталось проникнуть в секрет удивительного искусства. И, наконец, недавно это удалось сделать в самой Грузии.

В Верхней Сванетии находилась научная экспедиция, возглавляемая академиком Академии наук Грузинской ССР Шалвой Амиранашвили. В составе экспедиции был химик Ираклий Таруашвили. Оба они, рассматривая в древнем монастыре эмалевую икону, которая была выщерблена от времени по краям, обратили внимание на маленькую деталь: в отличие от блестящей золотой основы иконы место припая золотых пластинок к смальте имело матовую поверхность. Химик, увидевший это, с тех пор потерял покой.

Несколько лет он одержимо изучал металлургию, овладевал искусством золотых дел мастеров. Знакомясь с древними способами золочения серебра, он узнал, что на серебро наносился раствор золота и ртути, так называемая амальгама. После этого поверхность изделия полировалась, становилась блестящей. Но в местах, не доступных полировке, она оставалась матовой. И тут блеснула догадка: холодный способ пайки! Конечно, древние эмальеры пользовались в качестве припая золотой амальгамой...

Ираклий Таруашвили создал своими руками несколько копий перегородчатых эмалей X века, сделал открытым им способом государственный герб Грузинской республики.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

вятьсот девятнадцатого года, уполномочен вам заявить, что произошла ошибка. Верней, не ошибка, а... как вам сказать, опоздание. Вот этот юный гражданин опоздал по моей вине.

— Почему ты опоздал?

— Я же вам говорю, по моей вине. Проявите душевную чуткость — примите его в пионеры.

— Где? Сейчас? Здесь?

— Сейчас. Здесь.

— Вы шутите, товарищ. Есть утвержденный ритуал, и вы, как старый большевик, его обязаны знать.

— Я повяжу ему галстук своими руками.

— Если каждый начнет повязывать, представляете, что получится?

Данька дергал Ерофеича за пиджак. Незачем унижаться, когда ясно, что все пропало.

— Когда же его могут принять?

— В четверг мы рассмотрим этот вопрос на совете дружины.

— Очень жаль, что мы не поняли друг друга,— сказал Ерофеич,— подождем до четверга.

Они возвращались той же дорогой. Ерофеич шел, не отдыхая, лишь иногда опирался на Данькино плечо рукой.

— Ты упорный,— сказал Данька,— ты ей правду сказал, что коммунист?

— Про такое не врут.

— А ты заметил, что она тебя испугалась?

— Не заметил. Я сам перепугался.

— Я бы это вытерпел. Меня во втором классе чуть на второй год не оставили. Всем в дневник написали, что перешел в третий класс, а мне нет. Думаешь, я заплакал?

...Данька шел в распахнутом пальто, стоило только прикрыть глаза — и алый цвет нового галстука озарял дорогу. После дождя отмытый асфальт поблескивал в лучах солнца, и алый галстук казался частицей этой веселой апрельской улицы.

— У тебя сегодня большой день,— сказал Ерофеич,— ты помни его.

Данька кивнул.

— И меня помни, Данька. Не забывай.

— Нет,— остановился Данька,— не надо. Ты потерпи. Скоро все придумают, лекарства разные, операции. Люди будут жить тысячу лет. Это правда. Я давно хотел тебе сказать. Я не знал, что ты не знаешь,— Данька захлебывался,— Ерофеич! Ты должен подождать. Ты не знаешь, какая наука. Надо только дождаться, дотерпеть.

— Раз уж ты так просишь,— сказал Ерофеич,— я дотерплю.

* * *

Через две недели Ерофеич умер. Умер под утро, во сне. Данька узнал об этом, когда в их квартиру пришли собирать деньги на венок от жильцов дома. Симочка дала рубль. Зоя Львовна долго шарила в карманах пальто и плаща, висевших в прихожей.

— Не надо,— волчонком набросился на нее Данька,— не надо ему ваших денег. Ничего ему от таких не надо!

— Он взбесился.— Зоя Львовна пожала плечами.

— Жадина,— не поднимая головы, бубнил Данька,— всех притесняете. Мама из-за вас стирает в комнате.

Симочка силой затащила его к себе. Уткнувшись в теплую Симочкину грудь, Данька расплакался.

— Сима, он умер.

— Что теперь поделаешь, Данька.

— Я ее ненавижу, она и над тобой издевается.

— Успокойся, глупенький мой.

Большая любовь оставляет место в сердце и другим сильным чувствам. С этого дня Данька объявил войну усатой соседке. Но это уже другая страница в его жизни.

Театры без «почти»

Павел ГЕРАГА,
народный артист РСФСР, заместитель председателя совета ВТО

Обычно удивляешься, глядя на что-то новое, прочно входящее в жизнь людей: да неужели же раньше этого не было?..

Такое именно хорошее удивление рождают народные театры. Я считаю их великолепным доказательством роста народной культуры и вообще знамением нового времени в полном смысле слова.

Драматические кружки всегда могли существовать и раньше. Да они и действительно существовали, порой встречаясь даже на капиталистической фабрике либо в глухом российском селе. Кучка энтузиастов, тянущихся к театру и музыке, искавших общения друг с другом во мраке невежества и пьянства, среди «свинцовых мерзостей» обывательщины, находила хоть какой-то выход для живых запросов души и сердца.

Правда, начальство не любило и не поощряло подобных увлечений интеллигенции, а тем паче «простого народа». Поэтому на пальцах можно было перечесть любительские театральные объединения, которым удавалось пустить корни и не захиреть в повседневности...

За годы Советской власти драматические кружки вошли в быт так основательно и крепко, что стали обыкновенным явлением. Познание нового расширяло человеческий кругозор, будило ранее неведомую радость жизни и потребность выразить ее в творчестве, пусть наивно, но горячо.

Народному театру мало этого энтузиазма. И начисто противопоказана ему наивность, неумелость, приблизительность и в режиссерской интерпретации и в сценическом, актерском поведении...

В нашей стране около 800 таких театров. Подумайте только, как много людей познакомили они с классикой, с русской, советской и мировой драматургией благодаря народным театрам!

Что же движет людьми, приходящими после полного рабочего дня снова трудиться, уже не в драмкружок, а в настоящий народный театр? Что заставляет их отдавать театру каждый свой вечер, причем не только сцене, а театральному делу вообще — от основ актерского мастерства до законов грима, от декорационных, оформительских задач до осветительной аппаратуры?..

Эта движущая сила и есть любовь к искусству, действенная и энергичная. Она дает возможность современному советскому человеку прикоснуться уже не к азам искусства, не к его букварю, а перейти к познанию законов, скрытых от непосвященного...

Члены жюри и консультанты Всероссийского театрального общества во время смотра народных театров познакомились с работой 160 коллективов.

Смотр позволил собрать интереснейший материал. Оказалось, что в большинстве театров существует точный график репетиций и занятий, четко распределены обязанности гримеров, бутафоров, осветителей, рабочих сцены. Во многих театрах есть группы ассистентов режиссеров, литературно-репертуарный совет. И везде идет упорная, систематическая учеба.

Меня могут спросить: ну как же может справиться со всеми этими делами один режиссер?! Что и говорить, один, конечно, не может. Но с помощью советов, бюро и разных других форм самоуправления отлично справляется, и с каждым днем все лучше! На смену вопросам дисциплины, которые на первых порах были чуть ли не главными, теперь приходят другие проблемы — творческие. Люди думают о том, каким должно быть лицо народного театра, на каких принципиальных основах должен он строиться, к чему стремиться...

Когда элементарные навыки получены, когда с первыми организационными трудностями покончено, вот тут-то и начинается самое сложное: подход к настоящему искусству.

И тут именно выясняется, что жизнеспособность и прочность театра определяются вовсе не материальными условиями его существования, а художественными принципами в первую очередь.

В самом деле, ремесленное овладение актерскими приемами может удовлетворить и зрителя и самих исполнителей лишь на первых порах.

А потом... Один спектакль сменяется другим. Возникает привычка. И мало-помалу актерам, за исключением разве нескольких человек, становится неинтересно в своем театре, так как репетиционный процесс сам-то по себе всегда однообразен и ничего нового принести не может.

Зато в тех случаях, когда театр ставит своей задачей воспитание коллектива единомышленников, стремящихся через искусство сказать зрителям свое самое главное, самое важное,— тогда в людях возникают и растут качества художников. Тогда и происходит проникновение искусства, по словам Ленина, в самую толщу народных масс. И мы порой уже как должное принимаем энтузиазм, граничащий с героизмом... Вот, например, исполнитель роли В. И. Ленина в спектакле «Именем революции» Енисейского народного театра учитель-математик Герасимов. Он каждый раз добирается до театра за 80 километров. Живет и работает он в селе под Енисейском, Красноярского края. Театр — его жизнь. И доказывает он это, не говоря громких слов...

А вот Колпашево — еще один далекий народный театр, далекая северная точка Томской области. Но и здесь не требуют скидок на северные условия.

Здесь радуют и серьезные, вдумчивые поиски путей воспитания самодеятельного актера и систематическая, настойчивая учеба самого режиссера... В. И. Пикалов, студент заочного режиссерского факультета, настойчиво строит театр, говорящий со своим зрителем на большие и важные темы.

Примеры хорошей, интересной, творческой работы народных театров можно приводить бесконечно.

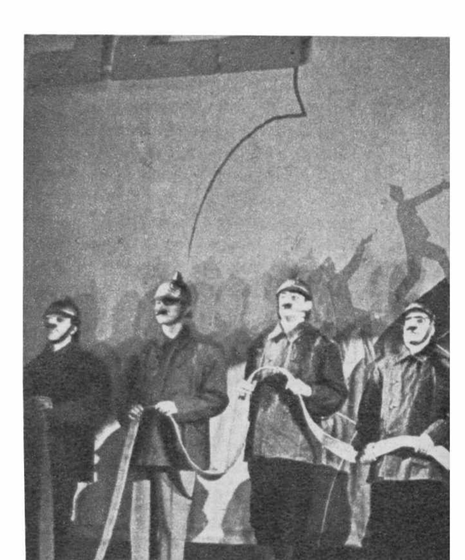
Иногда это будет рассказ о замечательных актерах-любителях, отдавших самодеятельному театру десятки лет жизни и не постеснявшихся начать учиться актерскому мастерству заново. Так было с И. Петровым — создателем Опочецкого театра в Псковской области.

Любереций народный театр-студия играет шекспировскую «Комедию ошибок». ▶

Спектакль «Разлом», сыгранный Народным театром Орехово-Зуева.

«Клоп» в постановке Выборгского народного театра.

◀ «Человек с ружьем» в постановке Новороссийского народного театра. В роли В. И. Ленина — В. Козлов.

Челнинский народный театр. Сцена из спектакля «Голубая шаль».

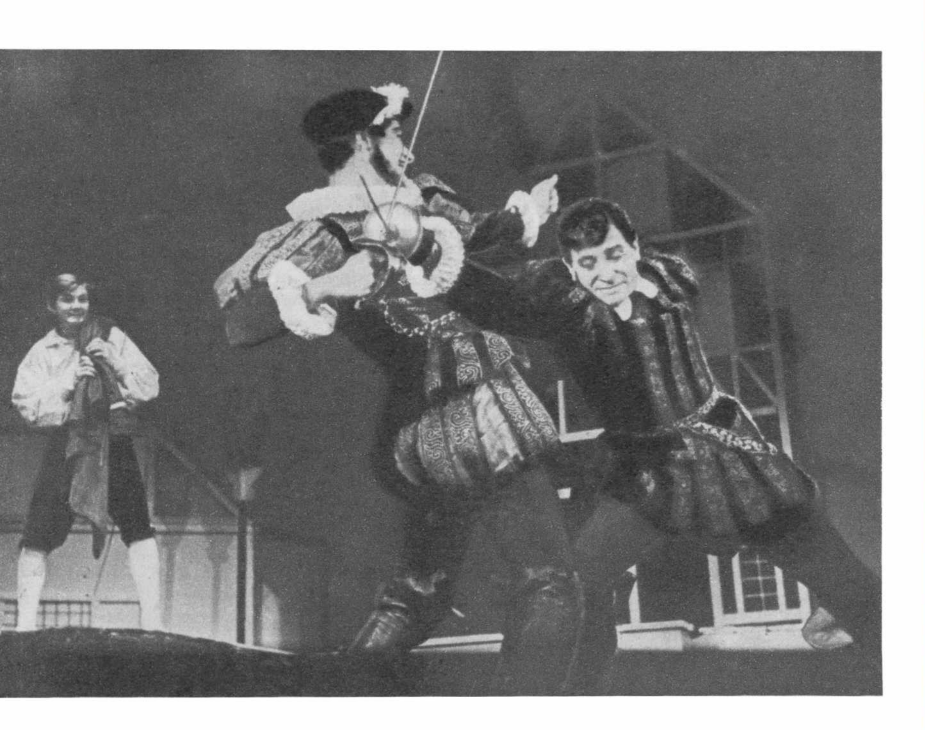
Иногда это будет рассказ об актере профессионального театра, который стал руководить народным театром, что оказалось делом совсем не легким...

Ю. Н. Пасынков, осваиваясь с ним, на первых порах даже не представлял себе, что можно требовать от самодеятельных актеров Череповецкого народного театра. Выучить с ними пьесу не составляло особого труда, но можно ли, а главное, нужно ли довольствоваться этим?.. Сомнения продолжались довольно долго, и трудно сказать, когда наступил перелом. Но он наступил! И режиссер и театр выбрали путь к подлинному творчеству. Спектакль Череповецкого народного театра «Последние» убеждает в том, что люди, овладев определенными навыками ремесла, вовсе не довольствуются этим, а хотят овладеть подлинным искусством. И ради этого избирают путь самостоятельного поиска.

Такой поиск крайне важно поддерживать!.. Случается, что забывают: народный театр — детище не только кучки энтузиастов, что вся его судьба, вся его жизнь зависят от многих людей. И любая небрежность, любое невнимание — впрочем, как и излишняя восторженность — могут разрушить то, что создается с огромным трудом. Создается на условиях полной добровольности, полного бескорыстия.

Конечно, народные театры требуют особых слов при критическом разборе их труда, требуют поддержки, но никогда — захваливания. И как хорошо, что подлинное творческое беспокойство владеет многими режиссерами и участниками народных театров. Они всерьез задумываются над своей ответственностью перед зрителем. Их постоянно тревожит вопрос, смогут ли они оправдать

Фото А. Гладштейна.

свое название — «театр». Что ж, такая тревога опять-таки рождает высокое уважение.

Этим уважением все больше проникаются сейчас и деятели профессионального театра. Актеры и режиссеры — профессионалы все чаще идут к народным театрам не просто по «шефской обязанности», а движимые большой заинтересованностью в новом ярком явлении жизни.

Теперь с народными театрами работают не только актеры, «свободные от репетиций», как было еще недавно, а ведущие мастера. Отдавая людям свой опыт, навыки и знания, они получают взамен святое чувство горения, радость чистого и светлого творчества, одухотворенного любовью.

мелочи

забавные

ПРИТОРМОЗИ!

При въезде в небольшой городок американского штата Огайо местные власти вывесили такое обращение к водителям автомобилей: «Притормози! В нашем городе нет больниц!»

ПИКАНТНЫЕ СЕКРЕТЫ

Женщины, выступающие в качестве свидетелей в бразильских судах, могут сообщать судье дату своего рождения на ухо.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В одной из гимназий Франции есть класс, держащий пальму первенства по числу второгодников. Из двадцати четырех учеников этого класса в следующий класс перешел только один.

САМАЯ ДЛИННАЯ ОГРАДА

Недавно австралийцы прибили последнюю доску самой большой ограды в мире. Забор расположен на территории штата Квисленд, его длина — 5,5 километра, а высота — 2 метра. Эту ограду начали строить еще в 1955 году, чтобы защитить овец от нападения собак динго.

СТРАНСТВУЮЩИЙ АЛЬБАТРОС

Вахтенный штурман судна, проходившего вдоль берегов Чили 20 декабря 1847 года, заметил альбатроса, на шее которого была привязана бутылочка.

Морякам удалось поймать птицу. Они извлекли из бутылки записку и прочитали ее:

«Декабря 8, 1847. Судно «Эфратес». Эдвардс. 16 месяцев в море. 2 300 бочек жира. Не вижу китов уже 4 месяца. Широта — 43°, долгота — 148°. Густой туман с дождем».

За 12 суток альбатрос пролетел 5 837 километров! Примерно 486 километров в сутки.

Океанская птица с гигантскими крыльями отлично себя чувствует в воздухе. Штормы для странствующих альбатросов — праздник. В это время сильные воздушные потоки уносят их в бескрайние просторы. Странствующие альбатросы не живут на одном месте. Они всю жизнь, за исключением периода размножения, путешествуют.

Б. РЖЕВСКИЙ

УЛИЦА «МОЛОЧНАЯ»

Одна из улиц норвежского города Лингенфьорд побила все рекорды по количеству автомобильных катастроф. В течение двух месяцев на ней произошло восемь аварий. Причем в каждой из них были виноваты автомобили, развозящие молоко. Власти города на специальном заседании приняли решение переименовать улицу в «Молочную».

ЛИВА ИЗ ДЕВЯТОЙ КВАРТИРЫ

Домоуправ и не подозревает, что в девятой квартире дома № 1 по переулку Кирова живет необычная квартирантка — львица Лива.

В Калининградском зоопарке львица Рута родила двух детенышей. Одного из них, очень слабого, почти не подававшего признаков жизни, она положила у дверцы своей клетки. Это означало, что мать отказывается кормить малыша и считает его безнадежным.

Ветеринарный фельдшер зоопарка Лидия Васильевна Карпова решила попытаться выкормить малютку в домашних условиях. Подобных случаев за всю историю зоопарка не было.

...Когда мы пришли, Лива крутила колесо ножной швейной машины. Это занятие настолько увлекло львицу, что она не обратила на нас внимания. Но стоило Лидии Васильевне ласковым голосом сказать: «Лива, иди ко мне...» — как львица, размахивая длинным хвостом, послушно подошла к своей хозяйке и стала ласкаться. Ливе очень нравится из окна третьего этажа наблюдать за трамваями и автомобилями. Любимое занятие ее — перетаскивать обувь из комнаты в комнату. Регулярно раз в неделю она с удовольствием принимает ванну.

Когда я писал эти строки, Лива сидела под столом и пыталась зубами развязать шнурки моих туфель.

И. ЖАВОРОНКОВ

г. Калининград.

забавные

Лия ОСИПОВА

Ощущение свободы

АВТОПОРТРЕТ С МАСКОЙ

Когда спрашиваешь Мартироса Сергеевича, почему на многих его портретах изображена маска, в частности, и на автопортрете 1933 года, он удивляется: «Как почему? Это же красиво!.. Маска египетская, подлинная, я вывез ее из Мемфиса в 1911 году, ей больше пяти тысяч лет. До сих пор она висит у меня на стене в мастерской. Посеребрела от времени...»

Когда-то древние верили, что, рисуя или вырезая человека из дерева, они вызывают живой образ и душа поселяется в их созданиях. Надо внимательно посмотреть на сарьяновский автопортрет 1933 года; вам покажется, что художник, будто следуя верованиям древних, наделил маску душой.

На портрете взгляд Сарьяна беспощадно прям и остер. Он проницает, он обнажает до сердцевины, до подлинного смысла вещей. Он не примиряет добро со злом. А вот маска: на губах и в громадных глазах трепещут по-детски простодушное удивление и радость. Радость открытия мира.

Но разве эта противоположность двух начал не выражает того, что мы называем словом «художник»?..

«В самые трудные годы,— говорит Мартирос Сергеевич,— я продолжал верить, что радость — самое естественное состояние человека; я думал, что дарить радость — самая естественная потребность художника».

СНЫ И СКАЗКИ

Выставка 1907 года с претенциозным названием «Голубая роза» собрала не так уж много посетителей. Зато в художнических кругах о ней было много толков. Художники сидели около своих полотен с цветами в петлицах, афектированно подносили ветви цветов гостям. Шелестели небрежно роняемые фразы: обнажение символа, аромат мистики...

На одном из стендов выставлены были 14 картин Сарьяна. Среди них «Оазис» («Сказка»), «У гранатового дерева». Они объединялись в один цикл — «Сказки и сны». Первые впечатления от поездки, еще в ученические годы, на родину, в Армению, претворились в фантастические образы.

Незаметно появлялся на выставке Мартирос Сарьян. В мемуарах Андрея Белого так рассказывается об этом: «Помню Сарьяна, который, вниз свесивши черные усики, мрачно ходил и рассеянно, сухо совал свою руку, не глядя, кому он сует; был — зеленый, худой, пожираемый думой; когда морщил лоб, брови сращивались...» И еще раз подчеркивает Андрей Белый: «Сарьян импонировал думой».

Останавливаясь перед полотнами Сарьяна, знатоки говорили о фанфарной звучности цвета, простодушном до наивности рисунке, о мазке, как у ребенка, непосредственном и неожиданном. Пленяла и сказочность замысла, причудливые образы Востока.

Сарьян молчал, только иногда вдруг загорался, заметив недоумение во взгляде какого-нибудь случайного посетителя. Ведь эти работы не были капризом его кисти, живописным изыском. Да — сказка, да — фантазия. Но все определяла мысль. И художнику очень хотелось, чтобы эта мысль была ясна зрителям, потому что именно она была для него главным.

В годы, когда мир и души людей разъедала величайшая дисгармония, Сарьян постиг законы гармонии, заложенные в самой природе. В дни первого путешествия по горным дорогам Армении его поразило, что в горах есть что-то человеческое, в них будто жила душа, а простые люди показались ему такими же красивыми, сильными и добрыми, как сама земля.

Всем существом художник проникся чувством своего единства с природой. И когда он писал загадочного сфинкса, олицетворявшего душу земли, и здесь же—в одной плоскости — полупризрачных и в то же время вполне реальных животных и людей, то как раз и хотел выразить мысль о единстве, гармонии всего сущего.

«Тогда я понял,— вспоминает Сарьян,— что моя деятельность художника будет благодарностью природе за все ее чудеса. Понял, что самая прекраснейшая сказка, самая величайшая загадка — это природа».

КРАСНЫЙ КОНЬ

Историю этой картины рассказывает жена художника Лусик Лазаревна:

— Мы жили в 1919 году в Ростове. Необыкновенное, тревожное было время. Не покидали нас мысли об Армении. Мартирос мучился желанием уехать туда. Но было уже двое маленьких детей, а на железных дорогах творилось невообразимое. Неделями Мартирос не брался за кисть. В мастерской стояли натянутые на подрамник и нетронутые полотна. Однажды друг нашей семьи Чалхучян показал на одно такое полотно и сказал:

— Я его покупаю.

— Но оно же пустое,— удивился Сарьян.

— Этот недостаток ты всегда умел быстро исправлять,— не сдавался Чалхучян.

— А если тебе не понравится то, что я напишу?

— Понравится, даже если ты напишешь чудовище о семи головах.

Мартирос взялся за кисть. Чудовища он не написал, никогда не умел их писать. Он написал красного коня.

Сам Мартирос Сергеевич говорит, что в основу картины легли его впечатления от поездки в Баку, в Персию... Конь красный, потому что солнечный. Бывают солнечные люди — в них живет солнце. В каждом человеке живет частичка солнца, почему же не быть солнечному коню?..

КОГДА ПРИХОДИТ ВЕСНА

Рано утром в доме все еще спят.

Сарьян поднимается к себе в мастерскую и по привычке раскладывает кисти. Очень холодно, уже неделю мастерская не протапливалась: экономили уголь. Совсем как в войну, хотя война позади. Вчера во время сеанса позировала для портрета Сильва Капутикян. Художник почувствовал, что она постепенно деревенеет от холода. И как ни занимал он ее разговорами, как ни старался оживить, это плохо помогало.

Вспомнил Сарьян, что вчера вообще был незадачливый день: позвонили и очень вежливо отклонили договор на большую работу; связано это было, несомненно, с появлением статьи, где его критиковали. Ну так что ж, это было вчера!.. Прежде чем приняться за работу, художник подошел к столу, достал дневник и записал несколько строк:

«Январь, 1951 год. Сегодня я заметил, как потемнели склоны гор. Скоро поползут вверх снега на Арарате — верный признак весны. Было бы неплохо собраться на этюды в Лори или Двин. Хочется поработать вовсю, насколько позволяет возраст. Теперь мне открылось многое, как никогда, я по-иному все вижу и чувствую. Жизнь представляет из себя могучую силу счастья для тех, кто видит и чувствует, а если человек не умеет видеть, тогда все кругом мизерно и пусто. Сколько было плохого в жизни, но хорошее побеждало!..»

ПОРТРЕТ И НАТЮРМОРТ

Когда к художнику приходило желание написать натюрморт, он прежде всего отправлялся на городской рынок. Выбирал фрукты и овощи, подержав их в руках, насладившись ароматом. Его обстоятельность не очень удивляла продавцов, потому что — слово за слово—начиналась увлекательнейшая, острая беседа, приправленная шуткой. Беседа, пожалуй, и была решающим в ритуале покупки.

Художник возвращался домой с полной корзиной и, расставляя на столе в мастерской баклажаны, персики, помидоры, виноград, улыбался, вспоминая незамысловатые, колкие словечки крестьян. Теперь он знал, что эти плоды взращены под Аштараком, или в Араратской долине, или в Дилижане. И одно воспоминание о земле и солнце тех мест наполняло его радостью. Работалось легко и споро.

Если Сарьян писал цветы, то он тоже всегда узнавал, где их сорвали. Дети, привозившие цветы из загородных поездок, и гости Сарьяна, зная его привычки, старались запоминать, откуда цветы.

Только художник не любит этого слова — «натюрморт». Ведь это значит «мертвая натура». А натура, природа не может быть мертвой! Сорванный цветок — это целый мир, напоминание о земле, одна из тайн вечно живой природы. Когда Сарьян пишет цветы, он получает такое же физическое удовольствие, словно от купания в родниковой воде или прогулки по утреннему городу.

Написание портрета тоже имеет свой ритуал. Позировать никто никогда не отказывался: это—событие в жизни. И художник знал, что еще за несколько дней до сеанса приглашенный примеривается, принимает позу перед зеркалом. Это понятно: каждому хочется выглядеть красивым. Но когда позирующий приходил в мастерскую и садился в кресло, то сразу же принимал придуманную позу, а Сарьян тогда ему говорил, что сегодня не в духе и, пожалуй, сеанс можно отложить. «Посидим просто так, поболтаем». И тут сразу же пропадала надуманная поза, человек оживлялся, начинал рассказывать о жизни и о делах, а Сарьян незаметно брался за кисть. Человек тогда становится красивым, когда он говорит и думает о чем-то дорогом и важном для него.

Правда, понятие о красоте — вещь довольно субъективная. Случалось, и неоднократно, что люди отказывались брать свой портрет, даже когда Сарьян дарил им его. А ведь понимали, что вещь первоклассная!.. Художник, кажется, видел все — даже то, что запрятано в самой глубине души.

* * *

Отзывов о юбилейной выставке Сарьяна в Москве было очень много — восторженных, сдержанных, разных. Вот один из них:

«Я ничего не хочу утверждать, я хочу только спросить: почему на этой выставке особое ощущение праздничности, свободы? Именно свободы. Почему так легко и нет усталости, хотя смотришь сотни полотен? Может быть, потому, что все это — одно большое полотно, одна большая, очень цельная, очень органично прожитая жизнь?..»

М. Сарьян. АВТОПОРТРЕТ С МАСКОЙ. 1933.

Государственный музей искусств народов Востока. Москва.

СТАРЫЙ ЕРЕВАН. 1928.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1965.

М. Сарьян. КРАСНАЯ ЛОШАДЬ. 1919.

Частное собрание.

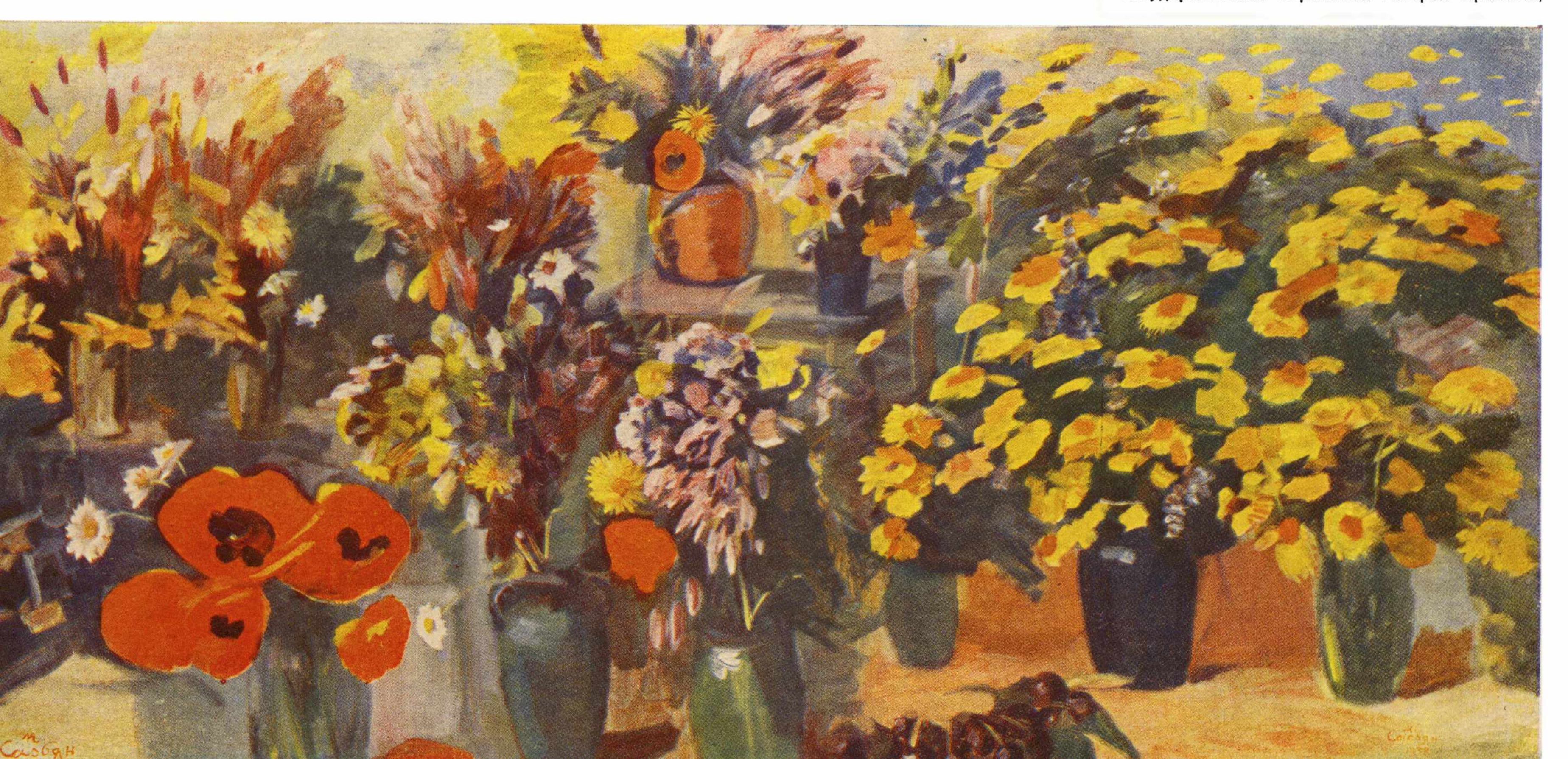

М. Сарьян. ЛУСИК САРЬЯН. ТРОЙНОЙ ПОРТРЕТ. 1935.

ЦВЕТЫ СЕВАНСКОГО ПЕРЕВАЛА. 1958.

Государственная картинная галерея Армении,

СТИХАМ ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ... ТЫСЯЧ ЛЕТ

Поистине удивительная любовь к письменности отличала народ Древнего Египта. Иероглифическими письменами покрыты стены храмов, пирамид, усыпальниц, свитки папируса в несколько десятков метров длиной... До наших дней дошли надписи на саркофагах, амулетах, статуэтках, тканях, предметах культа и домашнего обихода — на умывальной и винной чашах, даже на ключе и трости.

Резец и тростниковое перо сохранили для нас голоса поэтов, умолкнувшие несколько тысяч лет тому назад. Лирика Древнего Египта поражает своей неиссякаемой жизненной силой, простотой и человечностью. В лирической поэзии египтян — в особенности любовной — явственно ощутима струя народного творчества.

Эта любовная лирика немногословна, отличается античным изяществом.

Мгновения, запечатленные неизвестными художниками слова несколько тысячелетий тому назад, воспринимаются и сегодня как подлинные сгустки поэзии.

Вера ПОТАПОВА

Гравюры Ю. КОСМЫНИНА.

* * *

Любовь к тебе вошла мне в плоть
и в кровь
И с ними, как вино с водой,
смешалась,
Как с пряною приправой
померанец
Иль с молоком душистый мед.

О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище — летящий конь,
Как бык,
Стремглав бегущий к яслям.

Твоя любовь — небесный дар,
Огонь, воспламеняющий солому,
Добычу бьющий с лету ловчий
сокол.

* * *

Твоей любви отвергнуть я не в
силах.
Будь верен упоенью своему!
Не отступлюсь от милого, хоть
бейте!
Хоть продержите целый день в
болоте!
Хоть в Сирию меня плетьми
гоните,
Хоть в Нубию — дубьем,

Хоть пальмовыми розгами —
в пустыню,
Иль тумаками — к устью Нила.

На увещанья ваши не поддамся.
Я не хочу противиться любви.

ФРАГМЕНТ

Отяжелив густым бальзамом
кудри,
Наполнив руки ветками персеи,
Себе кажусь владычицей Египта,
Когда сжимаешь ты меня в
объятьях.

* * *

Раза в четыре быстрее колотится
сердце,
Когда о любви помышляю.
Шагу ступить по-людски не дает,
Торопливо на привязи скачет.

Ни тебе платье надеть,
Ни тебе взять опахало,
Ни глаза подвести,
Ни душистой смолой умаститься!

О милом подумаю — под руку так
и толкает:

«Не медли, не мешкай! Желанной
меты добивайся!»
Ты опрометчиво, сердце мое!
Угомонись и не мучай меня
сумасбродством.

Любимый придет к тебе сам,
А с ним — любопытные взоры.
Не допускай, чтобы мне в
осужденье сказали:
— Женщина эта сама не своя от
любви!
При мысли о милом терпеливее
будь, мое сердце:
Бейся по крайности медленней
раза в четыре!

* * *

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь одолела меня.
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.

Ученые лекари ходят —
Что пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.

Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.

Лечебные пóбоку книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая — мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.

От взглядов ее молодею,
В речах ее черпаю силу,
В объятиях — неуязвимость.
Семь дней глаз не кажет она!

ИЗ ПОУЧЕНИЙ ПТАХОТЕПА

Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых,
У неискушенных совета ищи.

Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть
вершин мастерства?
Как изумруд, скрыто под спудом
разумное слово.
Находишь его между тем у
рабыни, что мелет зерно.

ИЗ ЦИКЛА «У РЕКИ»

1

Ее обняв, я ощущаю
Ответное объятье рук ее,
Напоминающее негу Пунта[1],
Смолою благовонной умащенье.

2

Когда от поцелуя моего,
Помедлив, разомкнутся
Ее уста,
Я опьянен без хмеля.

3

Когда наконец уготовишь ты
ложе, слуга?
Говорю я тебе:
Покров из виссона возьми, чтобы
тело ее облегал.
Только не вздумай царское класть
полотно!
Простого —белёного—остерегайся
подавно!
Тканью, что миррой пропитана,
ложе укрась для нее.

[1] Пунт — древняя страна, откуда в Египет поставлялись благовония.

4

Быть бы мне старой рабыней,
Мойщицей ног!
Мог бы я вволю
Кожей твоей любоваться.

5

Рад бы стиральщиком стать я
На один-единственный месяц:
Платья твои отмывать
От бальзама и мирры душистой

6

Быть бы мне перстнем с печатью
на пальце твоем:
Ты бы меня берегла,
Как безделушку,
Из тех, что жизнь услаждают.

ИЗ ЦИКЛА «НАЧАЛО РАДОСТНЫХ ПЕСЕН»

(К свадебному венку)

В моем венке — вьюнок.
Я вью венок — твой юный лоб
венчать.

Ведь я тебе принадлежу,
Как сад,
Где мной взлелеяны цветы
И сладко пахнущие травы.

Ты выкопал прохладный водоем,
И северного ветра дуновенье
Приносит свежесть,
Когда вдвоем гуляем у воды.

Рука моя лежит в руке твоей.
По телу разливается блаженство.
Ликует сердце.
Мы идем бок о бок...

Мне голос твой — что сладкое
вино.
Я им жива.
Еды с питьем нужнее мне
Твой взгляд.

НАДПИСЬ НА ПАЛКЕ

Вперед, моя трость!
На тебя опираюсь,
Избрав для прогулок своих
правды стезю,
Где и состарился я.

СЕТОВАНИЕ НА ПОХОРОНАХ

Любитель хмельного питья
Удалился в Страну без воды.
Житниц несчетных владелец
Нуждается в горсти зерна.

Перевод Веры ПОТАПОВОЙ.

Мартти ЛАРНИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Роман-памфлет

Глава семнадцатая

Каждый патриотически мыслящий гражданин ждал всеобщей тревоги. Некоторые уже чуть ли не вслух обвиняли президента Боса Тауруса в слабости и нерешительности. Поскольку активные мирные действия со дня на день откладывались, следствие по делу Барбатуса надо было продолжать. Хотя я старался всеми мерами сдержать лавину арестов, все же число главных обвиняемых уже дошло до девятнадцати. Так же подозрительно стало расти и число присяжных. Мало-помалу их набралось уже восемь. Еще четыре — и величайший в истории судебный процесс мог начинаться в Палинодийском суде нижней инстанции.

Энрико Вульвиус был счастлив, что развязался с делом Барбатуса. Как пресс-секретарь он должен был лишь повторять и уточнять чужие высказывания, предлагая их представителям печати и телеграфных агентств. Наркотизацию нашего посла он подал столь убедительно, что даже пресса Куропотамии опубликовала это сообщение без комментариев. После того как посла под надежной охраной доставили к самолету и отправили в Эфиопию, я разрешил Сексту продолжать работу. Но уже без эфира. Старый честный сыщик был так благодарен, что пригласил меня к себе на обед. Прелестная семья! Одиннадцать детей — и все в очках, от мала до велика. Матери они слушались с полуслова. Да она целых слов и не произносила — одни лишь половинки. Вообще, словарь ее был крайне беден, и не удивительно: ведь она всю жизнь только и делала, что рожала и командовала чадами. Округлая линия ее живота предвещала вскорости круглую дюжину.

Секст любил вспоминать блаженное время, когда он взял свою невесту за руку и повел ее к алтарю. На том и кончилось его руководство. Я сразу понял, что дома он говорил шепотом, а повышал голос только на службе. Впрочем, это столь обычно для Лаконии наших дней, что я не собираюсь распространяться по такому поводу. Меня никогда не привлекала идиллия лаконийской семьи, где место мужа — на кухне. Самолюбие побуждало меня оставаться одиноким. Я видел на многочисленных примерах, как одно несчастье влечет за собою другое и все кончается браком.

Пока Секст готовил обед, я сидел с ним на кухне. Мать семейства стояла в дверях, не давая детям прорваться к рабочему месту отца. Стоя на своем посту, она отдавала приказания. В каждой семье есть свои любимые словечки и крылатые выражения. Семейство Секста несколько удивило меня. Здесь таким магическим словом было Б а р б а т у с! Из бедного словаря хозяйки я почерпнул в течение часа следующие характерные словосочетания с этим именем: «Секст, положи побольше масла, Барбатус заплатит! — Не жалей сахара, пойдет за счет Барбатуса! — Чего ты тянешь, как дело Барбатуса! — О, Барбатус! Что там за шум?» И так далее. Казалось, Барбатус был их ангелом-хранителем, домашней святыней, семейной иконой. Более того, дух Барбатуса витал в этом доме повсюду. Дети грызли шоколад «Роза», душили друг друга старыми нейлоновыми чулками матери, расстреливали из игрушечных пистолетов куропотамских кукол, делали маски из кусков красной материи. Я еще не встречал семьи, которая была бы настолько увлечена профессией отца. Дети заканчивали вечернюю молитву словами: «Боже, храни Барбатуса и дай нам хлеб наш насущный». А мать, мечтая, вздыхала: «Вот, когда муж закончит дело Барбатуса и получит большую премию...»

Великолепное семейство! Лакония в миниатюре. Одиннадцать будущих сыщиков! Младший сосал грудь, а старший уже штудировал рапорты своего отца. Жена — родильный автомат, а муж — кухарка. Мир в семье окрылен литературой: у мужа чековая книжка, у жены — поваренная. Эти книги они одалживают друг другу.

Секст не успел подать обед на стол, как из конторы пришло важное сообщение: Марк-Дубинка и Путориус наконец-то задержали настоящих преступников и ждали распоряжений своего шефа.

— По правде говоря, мне надо бы пойти туда, но... Господин министр...

— Конечно, вы пойдете. Служба есть служба.

— Неловко получилось...

— Ничуть. Полицейский, как врач: должен идти, когда зовут.

Право, было даже уютно перекусить на кухне, пока хозяйка стояла в дверях на страже. Одиннадцать пар глаз жадно следили из-за ее спины за нашей поспешной трапезой. Секст оказался отличным коком. Не будь у него такой большой семьи, я бы ему вместо следовательской работы предложил место повара. Но я не хотел, чтобы моя кухня превратилась в детский сад. Хоть я и любил детей, но не до такой степени. Едва мы встали из-за стола, а стража отступила со своего поста, как маленькие сыщики мигом заполнили кухню. Чистота — добродетель, но ее не всегда можно требовать от детей. Отпрыски Секста походили на стаю саранчи. Облепив стол, они и немытыми руками навели на нем чистоту. Я с наслаждением наблюдал за ними. Каждый ребенок состоял из кожи и аппетита. Аппетит рос во время еды, а кожа нисколько не мешала его росту. Дети не замечали ни ухода отца, ни строгого вида матери, ни моего умиления. Маленькие грызуны подчищали остатки обеда, пока их кормилица и хранительница провожала нас до выхода.

— Ты не забыл взять свои наручники?— спросила она мужа на прощание.

Об эфире она уже и не поминала. Секст ощупал нагрудный карман и еще раз удостоверился, что правда и порядок близки его сердцу. Инстинктивным движением он проверил также карман брюк, но там лежал теперь лишь носовой платок. Я поблагодарил энергичную властительницу дома за обед, приготовленный под ее бдительным наблюдением.

Секст поспешил в нашу контору, пообещав первым делом прислать мне рапорт

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—34.

Марка и Путориуса. Я зашел в цветочный магазин и послал жене Секста букет гвоздик. На улицах была необычайная сутолока. Люди не находили себе места, ожидая всеобщей тревоги и приказа об эвакуации. Большинство пешеходов составляли автомобилисты, искавшие стоянки для своих машин.

Сырой, пронзительный осенний ветер подметал улицы Палинодии и проветривал одежду прохожих. Но никому не приходилось жаловаться на холод и голод, поскольку директор главного статистического управления был уволен с работы, а его преемник покончил с бедностью в Лаконии меньше чем за неделю. Академия языка также приняла участие в борьбе с бедностью. Лингвисты придумали синоним, удобно заменяющий слово «бедность», и он сразу же вошел в употребление. В Лаконии больше не было бедных. Были только богатые и богатеющие. Семья Секста относилась к богатеющим, а семья Барбатуса — к богатым.

Кабаллус притормозил машину и спросил:

— Домой, господин министр?

— А куда же?

— Вы говорили, что после обеда...

— Да, вы правы. Я чуть было не забыл. Сейчас я только на минутку зайду к себе, и мы поедем.

Не снимая пальто, я быстро прошел в кабинет и позвонил в резиденцию правительства. Все еще никаких новостей. Нервы у всех натянуты. Почему президент Бос Таурус так медлит? Ведь симпатии всего мира на стороне Лаконии. Каждый день глава республики получал сочувственные телеграммы со всех концов земного шара. Известные политические деятели и ученые юристы высказывали мнение, что дело Барбатуса уже невозможно закончить, если Куропотамия не будет покорена. Лакония, бесспорно, вправе защищать свою судьбу, мир и свою святую веру. Вот именно: свою веру! На Куропотамию крестовым походом! Обратить куромоидов в праведную веру! Во имя гуманности, во имя будущего всего человечества.

Я сказал секретарше, что еду как представитель правительства на большой религиозный митинг, посвященный разоблачению варварской веры Куропотамии. Если правительство соберется на экстренное совещание, то меня можно вызвать по ультракоротковолновому радиотелефону. Кабаллус будет до полуночи дежурить у аппарата в моей машине.

Митинг религиозного пробуждения собрался на недавно построенном зимнем стадионе Палинодии. Уличные громкоговорители весь день скликали на митинг жителей столицы. В качестве оратора был приглашен наш известный проповедник Аса Алонсо Аллен, на днях вернувшийся из длительного заграничного турне. Когда я вошел в огромный зал, все встали и затихли. Дело Барбатуса приучило граждан Лаконии к сдержанности. Я занял кресло, приготовленное для представителя правительства. Один из распорядителей вечера поднес мне книгу духовных песен и букет роз. Обстановка была торжественная, пожалуй, еще более торжественная, чем в зале церемоний похоронного бюро, о котором мечтал господин Барбатус. На возвышении появился глашатай — Бенедикт Замбах, в прошлом боксер тяжелого веса Скрофа Ферус. Осененный религиозным духом, он покинул ринг, переменил имя и стал ассистентом Аса Алонсо Аллена. Мне не понравилось его выступление. Он говорил слишком простонародным, чтобы не сказать площадным, языком, выгибал грудь колесом, колотил себя кулаками по животу. Но его воздействие на толпу было удивительным. Я не сомневался в его искренности. Грубый человек может быть по-своему грубо чувствителен.

Бенедикт Замбах поднял к небу здоровенные кулачищи и сказал:

— Вот этими руками я не один нос расплющил в лепешку и отбивал приятелям печенки-селезенки. Но больше я не бью моих единоверцев. Я пришел к вере и отныне дерусь только с язычниками и с сатаной. Только что мы — Аса и я — объехали вокруг света и видели, как добро побеждает, а зло получает по морде. Разве можно идти на мирное сосуществование с сатаной? Нет, други мои! Его надо бить так, чтобы не встал окаянный. Сейчас я хочу представить вам человека, который установил прямую связь с небом, который спас меня и поднял из грязи, да не одного меня, а много таких же пропащих душ. Вот он! Вот перед вами! Аса Алонсо Аллен!

Грянули фанфары военного духового оркестра, и на трибуну поднялся наш всемирно известный посланец доброй воли. Красивый, симпатичный молодой человек. Ему не везло в качестве киноактера, но зато повезло в роли проповедника. Он верил, что все люди так же достойны любви, как и он сам, а потому он и любил всех. В юности он знал лишь одно средство получения денег: письмо к отцу. Теперь же он не ведал финансовых затруднений, ибо верующие наполняли протянутую руку молодого евангелиста.

Аса Алонсо Аллен (этот псевдоним он выбрал себе, когда впервые держал конкурс в киностудию) поднял руки в знак приветствия, послал воздушные поцелуи дамам, сидевшим в первых рядах, сказал, что счастлив видеть в зале так много верующих, и пожелал им всем быть самоотверженными борцами за веру.

— Дух отца нашего не в роме, извлеченном из сахарного тростника, а в евангельской истине! — произнес он своим звучным голосом и скрестил руки.

И в тот же миг через динамики грянул мощный шепот записанного на магнитную пленку хора:

— Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Настроение становилось все более и более возвышенным. Казалось, поистине все лаконийцы любили своих ближних. Аса Алонсо Аллен предложил присутствующим пожать друг другу руки со следующими словами: «Добрый вечер, дорогой друг! Сегодня мы сокрушим сатану!»

Публика последовала совету и повторила слова проповедника. Шестьдесят тысяч человек обещались сокрушить одного сатану. Другого выхода не было. Слишком долго все пытались пойти с лукавым на компромисс. А к чему это привело? К неверию, к разочарованиям, к коварному рому и к ограблению магазина Барбатуса.

Аса Алонсо Аллен продолжал:

— Возлюбленные друзья и братья! На улице сейчас холодно, но в наших сердцах живет тепло. Этот прекрасный жар любви к ближнему мы несем всему человечеству! Замечательные лаконийские исследователи космоса установили, что царство небесное обширнее, чем предполагалось. Там хватит места всем, кто объявит войну сатане и пойдет за мной в новый крестовый поход. Мы боремся за свободу, честь, любовь, справедливость и чистоту. Я не хочу называть по имени тот народ, который отрицает все эти добродетели; народ, который не признает нашей свободы; который, похваляясь своей честностью, продавал нам неполноценный текстиль, дрянные фотопринадлежности, а теперь отказывается вернуть нам богатые нефтеносные районы, принадлежавшие нашим предкам еще пять тысяч лет тому назад; который все время говорит о своей любви к народу и правительству Лаконии, но при удобном случае одурманивает каждого лаконийца; который говорит о справедливости, но тем не менее проводит демпинг жевательного табака; который только и ждет случая, чтобы пролить нашу кровь.

Дорогие, возлюбленные сестры и братья! Я спрашиваю вас: не есть ли все это служение сатане, врагу нашему? И я вам отвечу: да, воистину так. И раз мы решили сокрушить сатану, то нам следует также сокрушить его приспешников. Я спрашиваю вас, возлюбленные друзья и братья: неужели есть тут, среди вас, хоть один человек, который отдаст свой голос за сатану? И я отвечу: нет такого, ибо все молчат. Значит, мы сокрушим его, а заодно и его пособников. Лучше, конечно, сокрушить сначала этих пособников и приспешников, так, чтобы сатана остался в одиночестве. Имеются другие мнения? Нет! Стало быть, мы пойдем воевать за свободу, честь, любовь, справедливость и чистоту! Прежде чем приступить к сбору средств на покупку снаряжения и продовольствия для защитников свободы, я предлагаю провозгласить троекратное «ура» — да услышит нас небо.

После троекратного «ура» снова грянул мощный радиомагнитофонный хор:

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

ОМ АЛКИВАЮТ

— Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Возбуждение нарастало. Женщины всхлипывали, и многие мужчины смахивали слезу. Пожертвования собирали в большие серебряные вазы, взятые напрокат из гостиницы «Фокус», где в них обычно подавали на стол шампанское на льду. Аса Алонсо ушел на минутку отдохнуть. Я почувствовал некоторое нарушение стиля в том, что устроители вечера попросили Бенедикта Замбаха занять публику, пока Аса Алонсо собирается с силами, чтобы продолжить проповедь. Бенедикт Замбах весьма примитивно рассказывал о том, как он пришел к вере. Однажды он гнал машину по главной улице Аллиума со скоростью более ста километров в час. Он был так пьян, что не заметил красного света и задавил двух прохожих. Когда полиция задержала его, он сказал лишь одно слово: «Аллилуйя». Полицейские приняли Бенедикта за священника, который торопится со святым причастием к умирающему, и отпустили его с богом.

— Тогда я пришел к вере и с тех пор как в пьяном, так и в трезвом виде всюду преследую сатану. Пусть ему не будет пощады. Он уже сбит в нокдаун, и теперь только нужно врезать ему хорошенько прямой правой. Верно я говорю, братья и сестры?

Непритязательная история Бенедикта Замбаха встретила бурный отклик. Особенно шумно реагировали безусые юнцы спортивного вида. Они пришли в восторг и решили «врезать Куропотамии прямой правой».

Митинг прошел успешно. Он укрепил в нашем народе волю к миру и чувство единства. Говорят, Аса Алонсо с большой силой закончил проповедь и дал свое толкование делу Барбатуса. Жаль, что я не слушал второй части проповеди. Мне сообщили, что правительство собирается на экстренное заседание. Я покинул зимний стадион в сопровождении почетного караула, и мне казалось, будто я слышу музыку Баха. Поистине, митинг удался на славу. Его действие было возвышающим и конструктивным. Я почувствовал спокойную уверенность: хорошо все-таки быть министром полиции великой державы!

Через каких-нибудь пятнадцать минут мне пришлось испытать разочарование. Оказывается, экстренное заседание правительства было созвано не президентом, имевшим сообщить нам долгожданную весть о начале решительной акции мира, а нашим любимым премьер-министром, который испытывал потребность провести остаток вечера в отдельном кабинете ресторана «Фокус». Ему пришло в голову, что Энрико Вульвиуса следует снять с поста пресс-секретаря за нелояльность. Он, видите ли, распространил версию, будто премьер-министр был одурманен куропотамским ромом, хотя на самом деле он пил только французский коньяк.

Вопрос оказался настолько деликатным и сложным, что наши дебаты затянулись до утренней зари. Но я воздержусь от изложения подробностей, ибо об этом помалкивают.

Глава восемнадцатая

Марк и Путориус составили общий рапорт, который в газетном изложении был совершенно неузнаваем. Я привожу его по сохранившейся у меня рукописи Путориуса.

«После того как руководитель следствия Секст дал нам новые направляющие нити («Идите от начала к концу или же от конца к началу»), мы с Марком решили заняться началом. Перво-наперво следовало выяснить: было ли вообще совершено такое преступление, вокруг которого потом сыр-бор загорелся и вышло вообще столько шуму, что не разберешь, где же начало, а где конец? То есть было ли у этой истории так называемое начало? Потому как можно ведь иной раз приступить прямо к сути дела, а всю вводную часть перенести в послесловие. И вот тогда мы придумали — или, вернее, это я придумал — восстановить, как все происходило с самого начала, чтобы таким образом лучше ухватить эту самую направляющую нить.

Мы сидели в кабаке, но ничего не пили, ни-ни! А выверяли время. В двенадцать сорок пять мы сели в машину и подъехали к ювелирному магазину Барбатуса. Затем мы условились, что Марк будет орудовать автоматом, а я — собирать в чемодан драгоценности. Мы вышли из машины и договорились, что встретимся у входа в магазин в тринадцать часов, как будто мы друг с другом незнакомы. Я подошел к витрине ровно в тринадцать, но Марк опоздал на полминуты. У него была на этот счет своя собственная теория. Я сразу же заметил, что в деле Барбатуса с самого начала есть какая-то неувязка. На витрине были только дешевые украшения, а госпожа Барбатус не показывалась. Тогда Марк подошел ко мне. Мы надели светлые плащи, закрыли лица красными шарфами и быстро вошли в магазин. Господин Барбатус сидел слева от входа и читал газету. Госпожа Барбатус стояла у прилавка справа, если смотреть от входа, и красила ногти лаком.

— Руки вверх и ни с места! — крикнул Марк, направив автомат на господина Барбатуса.— Мы пришли грабить!

Господин Барбатус отложил газету да как заорет:

— Убирайтесь к черту, к дьяволу! Ламелла, позови полицию!

— Не шевелитесь, иначе буду стрелять,— сказал Марк.— Сколько раз вам повторять!

— Ну, и не повторяйте,— сказал господин Барбатус и снова взялся за газету.— Ламелла, ну позови же полицию!

— Зови сам,— ответила она и, поставив пузырек с лаком, стала дуть на ногти.

Тогда вмешался я. Я сказал, чтоб они разделись, да поживее, а не то прольется кровь. Затем, не давая им опомниться, я спросил, где у них несгораемый шкаф. Господин Барбатус кивнул головой: вон там, мол,— но сказал, что шкаф заперт. Я не стал требовать у него ключи, ведь открыть шкаф для меня не проблема. Пока Марк занимался хозяевами, я открыл шкаф, но там ничего не оказалось. Пошарив по магазину, я кое-что все-таки собрал по мелочи и, наполнив чемодан, сказал, повышая голос:

— Ну, раздевайтесь же и дайте нам печать вашего магазина.

— Будете вы раздеваться или нет? — грозно спросил Марк, наступая на Барбатуса.— Я повторяю, что мы пришли грабить и с пустыми руками отсюда не уйдем!

— Забирайте все, что найдете,— ответил господин Барбатус.

А его жена, эта бывшая певичка, вела себя просто нахально. Раздеваться не пожелала, хотя Марк серьезно грозил автоматом и обещал выпустить очередь ей прямо в декольте. Мне все это стало уже надоедать. Грабеж явно затягивался. Ну, я поставил чемодан и, подойдя к хозяйке, сказал, что я-то не побоюсь раздеться. Тогда господин Барбатус швырнул газету на пол и взревел:

— Ламелла! Не будь идиоткой! Стукни его чем-нибудь!

— Молчать!— крикнул Марк и снова направил автомат на бывшего министра внутренних дел.

Но и на этот раз он ничего не добился. Как вдруг распахнулись настежь двери, раздались предупредительные выстрелы; и с криком «Лапы кверху!» в магазин ворвались десять вооруженных до зубов полицейских. Нас мигом схватили и повезли в государственную сыскную полицию. Ну, конечно, по дороге все выяснилось. Мы рассказали, что пытались восстановить шаг за шагом весь ход ограбления, чтобы распутать следы. Государственные полицейские ужасно хохотали. Они обещали объяснить все это господину Барбатусу.

Но у нас с Марком возникла теперь своя теория:

1) Ограбление магазина Барбатуса пятого августа 1958 года было лишь инсценировкой, разыгранной, по всей вероятности, в целях рекламы. Или в каких-то иных целях. Все очевидные обстоятельства — а их можно привести множество — говорят в пользу такого предположения.

2) Мы с Марком набрали ювелирных изделий примерно на тысячу долларов, следовательно, заявление господина Барбатуса, будто бы у него из магазина похищено различных драгоценностей и золота на десять миллионов долларов,— это хвастовство или умышленный обман.

3) Где там грабители могли найти сигнализацию тревоги и испортить ее, если даже мы с Марком не нашли никакой сигнализации, а ведь мы сыщики! Стало быть, если ограбление 5 августа было настоящим, а не разыгранным ограблением, то почему господин и госпожа Барбатус не позвали полицию с улицы, как теперь? Когда я спросил господина Барбатуса: «Где у вас сигнализация тревоги?» — он только буркнул: «Ищите!» — и продолжал читать газету. Это еще раз доказывает, что они все время лгали.

4) В полицейских протоколах записано, что грабители якобы заставили господина и госпожу Барбатус раздеться. Это чепуха. Если женщину не уговоришь раздеться похорошему, то никакой силой ее не заставишь это сделать. Она раздевается только тогда, когда ей это выгодно. Стало быть, вся история с раздеванием — выдумка или ложь.

5) Невероятно, чтобы грабители успели наставить на теле господина и госпожи Барбатус столько печатей. Мы проверили у себя в конторе, сколько времени требуется, чтобы наставить печатей на голые тела мужчин и женщин, не желавших раздеваться. Процедура заняла три часа и пять минут.

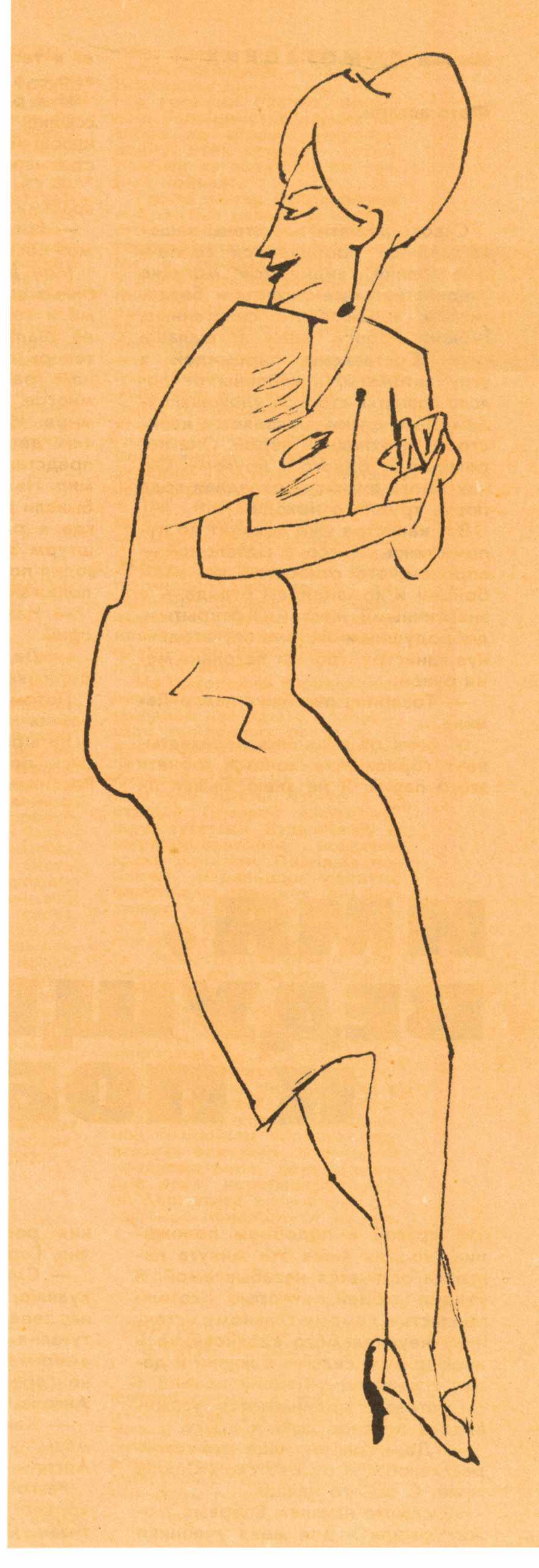
Поскольку инсценированное нами ограбление выявило, что и первое ограбление было инсценировано — либо ради рекламы, либо просто так, — мы пришли к следующему выводу: бывший министр внутренних дел пытался обманным путем получить десять миллионов долларов, причем его действия привели к усилению международной напряженности и к внутриполитическому кризису. Как утверждает наш эксперт по криминальной психологии, господин и госпожа Барбатус должны были помнить, тем более теперь, когда вторично разыгралась та же сцена, по крайней мере следующие важные обстоятельства: вид оружия, фасон и цвет плащей, маски на лицах и точное время прихода грабителей. Поскольку же они ничего этого не помнили, хотя в тот раз — в августе — они запомнили все до мельчайших подробностей, то нет ни малейшего сомнения в том, что пресловутое начало дела Барбатуса было просто-напросто инсценировкой.

Итак, принимая во внимание, что мы хорошо разобрали начало и конец истории, и учитывая, что нити дела у нас в руках, мы — я и Марк — имеем право требовать те сто тысяч долларов вознаграждения, которые бывший министр внутренних дел обещал уплатить тому или тем, кто все разъяснит и задержит преступников.

Окончательный итог.

Для получения обещанной награды нам — мне и Марку — оставалось только задержать преступников. С этой целью и учитывая тот факт, что других грабителей у нас уже наарестовано до черта, мы пошли и взяли господина и госпожу Барбатус, которые сидят теперь в следственной тюрьме Палинодии и пишут заявление с просьбой передать все дело в руки государственной сыскной полиции. Все вышесказанное я клятвенно подтверждаю и заверяю моей полицейской честью и совестью. У меня лишь одна цель: говорить правду и только правду — на благо отчизны, во имя закона и справедливости».

Ознакомившись с рапортом Путориуса, я тотчас позвонил Вульвиусу и просил не предавать гласности этот документ. Произошла очевидная ошибка, совершенно случайная и простительная: ведь человеку свойственно ошибаться. Я поехал в следственную тюрьму и освободил господина и госпожу Барбатус. Я объяснил им, что за всем этим скандальным и достойным сожаления инцидентом стоят тайные агенты врага, которые в свое время понесут заслуженную кару. Господин бывший министр и госпожа Барбатус просидели в тюрьме всего лишь около суток. Я предупредил возможность огласки, и впоследствии о печальном недоразумении никто не говорил публично. Теперь как никогда я всей душой желал, чтобы президент Бос Таурус дал наконец лаконийским силам мира приказ об обороне: Куропотамию надо было покорить.

— Я не понимаю, чего он колеблется, — сказал премьер-министр, когда я рассказал ему о своем патриотическом нетерпении. — В последние дни президент непонятно пассивен.

Следовательно, и на этот раз мы имеем дело с выдумкой и ложью.

Итог.

После того, как мы с Марком разыграли ограбление, государственные сыщики специально допрашивали господина и госпожу Барбатус, и выяснилось, что в рассказах «пострадавших» нет никакой логики. Вот, например, как они отвечали.

В о п р о с. Каким оружием грабители вам угрожали? О т в е т. Мы не обратили внимания. В о п р о с. Как были одеты грабители? О т в е т. Скверно. В о п р о с. Какого цвета плащи были на них? Г о с п о ж а Б а р б а т у с. Широкие и грязные. Г о с п о д и н Б а р б а т у с. Я не обратил внимания. В о п р о с. Грабители были в масках? Г о с п о ж а Б а р б а т у с. Лица их были замотаны какими-то тряпками. Г о с п о д и н Б а р б а т у с. Я не приглядывался. В о п р о с. Почему же вы не разделись, если вам угрожали оружием? О т в е т. Мы знали, что государственные сыщики больше не бастуют.

Второй итог.

— И именно сейчас, когда правительство так активно! — воскликнул я.

Премьер-министр цинично ухмыльнулся:

— Нынче чрезмерная активность неожиданно может иссякнуть. Сегодня ты можешь быть активен, завтра — радиоактивен, а послезавтра — и вовсе пассивен. Кстати, как господин Барбатус чувствует себя?

— Он очень возмущен. Да и понятно.

— А супруга?

— И ей, конечно, не понравилось ни с того ни с сего оказаться в тюрьме.

— Ты полагаешь, господин Барбатус воспользуется этим инцидентом на следующих выборах?

— Наверно. Лучшего козыря против нас просто не сыщешь.

— Ты думаешь? Но ты мог бы выбить у него козырь из рук.

— Я? Каким образом?

— Как близкий знакомый... Можно сказать, друг семьи... А что, если господину Барбатусу пригрозить? Или, наоборот, предложить удовлетворение?

— Лучше предложить удовлетворение.

Тут мне представился удобный случай походатайствовать за Гнея Барбатуса. Я рассказал премьер-министру о плане Барбатуса монополизировать похоронное дело в Лаконии. Премьер-министр слушал с огромным вниманием. Глаза его загорелись. Он сказал:

— Да, это блестящая идея! Наверно, и в нормальное время предприятие будет высокорентабельным. Друг ты мой, дело это меня заинтересовало. Я думаю, можно будет получить государственную субсидию и льготы.

— Субсидии господину Барбатусу не нужны. Он в состоянии сам финансировать предприятие. Вопрос лишь в предоставлении монополии...

— Монополию Барбатусу? Ни за что! Это настолько блестящая идея, что я сам возьмусь за ее осуществление.

Продолжение следует.

Михаил **ДОМОГАЦКИХ**

Фото автора.

ИМЯ, ВЕДУЩЕЕ К ПОБЕДЕ

Сквозь решетчатые стены нашего жилища пробиваются солнечные блики, виднеются могучие гладкоствольные гиганты и бархатистые, замысловато сплетенные, гибкие побеги лиан. В шалаше тихо. Составлены пирамидой в углу автоматы, отцеплены от поясов гранаты, стопкой уложены пулеметные диски. Появляется канистра с прохладной водой. Она переходит от одного к другому. Ох, как много значит прохладная вода после трудного похода!

Вот канистра уже доходит до пулеметчика Гигсона. Молодой — впрочем, это относится ко всем бойцам и командирам отряда,— с энергичными жестами и открытым, добродушным лицом, он, отодвинув канистру, трогает легонько меня рукой:

— Товарищ, расскажи нам о Ленине...

У меня от волнения перехватывает горло. Мне хочется обнять этого парня. Я не знаю, бывал ли кто другой в подобном положении, но для меня эта минута навсегда останется незабываемой. Я увидел людей, которые хотели припасть к самому главному источнику неувядаемого вдохновения и необоримой силы — к жизни и делам Ильича.

Партизаны поднимаются, усаживаются плотнее друг к другу.

— Да,— говорит еще кто-то, — расскажите. И о Советском Союзе тоже. С самого начала.

«С самого начала». Впервые, может, ожили и для меня учебники истории...

— Скажите,— спрашивает Гигсон, который все время записывает в тетрадку то, что я рассказываю,— а Ленина преследовали?

И я рассказываю об арестах, о ссылке, эмиграции и непрекращающейся борьбе Ильича за счастье народа.

— Он учил, как бороться с врагами революции,— говорю я.

— Вот это человек!— восклицает мой сосед.

Мои друзья, жившие в невыносимых условиях господства фашизма и колониализма, почти ничего не знали о нашей стране. Только теперь они здесь, в освобожденном районе, начинают узнавать многое о том, что происходит в мире. Им, крестьянским и рабочим детям, порой даже трудно представить, каков он, тот, другой мир. Некоторые из них никогда не бывали в крупных городах. Но когда я рассказывал, как проходил штурм Зимнего дворца, как руководил победой Октября Ленин, они понимают все.

— Нам тоже надо так,— говорит один.

— Да, только так и надо,—поддерживают его.

Потом я говорю о гражданской войне.

Четырнадцать стран объединились против молодой Советской России, чтобы уничтожить завоевания революции,— Америка, Англия, Германия, Франция...

— Смотрите,— восклицает Килуанже, радист,— они же и против нас теперь воюют! Все те же. Португалия дает солдат, а все оружие американское, немецкое... Даже консервы иностранные. Боятся, что Ангола уйдет из их рук.

— Как же! Жалко, небось, и алмазы, и золото, и все богатство Анголы. Почти задаром хватают.

Разговор перешел к тому, что кровно касается каждого из партизан. Они говорят, как трудно жить народу, как угнетают людей колонизаторы, как издеваются над ними.

— Я из Луанды,— говорит Доминьгош,— там, может быть, лучше всего видно, что португальцы думают навсегда остаться в Анголе. В Луанде очень легко забыть, что Ангола находится в Африке. В центре города, конечно, может встретиться африканец, но не так часто. Шоферы такси, кондукторы в автобусах, официанты в ресторанах и даже лоточники, которые продают лотерейные билеты, — португальцы. Всюду и постоянно кричат: Ангола—провинция Португалии. Каждый год в Анголу приезжает несколько тысяч колонов-поселенцев. Им дают землю, дома, прикрепляют к ним рабочую силу и твердят: «Это ваша земля, вы ее хозяева, вы никогда никому не должны уступать ее». Так воспитывают колонизаторов. Вот почему в Анголе даже вчерашний португальский батрак становится ярым колонизатором. Они захватывают лучшую землю, получают доходы, какие им не снились, и становятся опорой салазаровского режима.

— Ничего,— прерывает его партизан, не переставая набивать патронами автоматный диск,— выкурим, всех выкурим. Теперь мы знаем, что надо и как надо делать.

Потом ко мне:

— Я, товарищ, крестьянин. Правда, земли у меня не было. Скажите, как Ленин о крестьянах говорил? И как с землей у вас было?

Я говорю, что именно Ленин создал рабоче-крестьянскую власть. И на второй день революции своей рукой написал закон, по которому вся земля помещиков, церквей, капиталистов передавалась крестьянам бесплатно и навечно.

— Вот это закон! — оживляется партизан. Толкает в бок соседа:— Слышал? Навечно и бесплатно. Вот это человек! Понимает крестьянина.

Я заметил, что все партизаны говорили о Ленине так, будто он жив. Они не могли поверить, что такой человек мог умереть.

— Ну, а как потом было у вас, трудно?

— Трудно,— говорю я. И рассказываю, как, подтянув пояса, строили страну, тракторные и автомобильные заводы, строили колхозы и учили людей грамоте. Все сразу, потому что не было времени, видели, что не дадут нам покоя. Ленин оставил завет: догнать передовые страны во что бы то ни стало.

— Ленин, он все понимает...— говорит тот же партизан, что спрашивал меня о земле.

— Ленину было очень трудно,— говорит доктор Томас Медейрос,— его хотели убить. Стреляли в него отравленными пулями.

— Ах, гады! — Партизан даже соскочил с кровати, но автомата не выпустил.— Да как же они посмели! Такого человека!..

Потом с надеждой в голосе спросил:

— Ну и как, все обошлось?

— Выжил Ленин,— говорит Томас.

— Правильно, — облегченно вздыхает партизан и сердито добавляет: — Ах, гады фашистские! Колонизаторы проклятые.

Килуанже, который не расстается со своей походной рацией, поднимает руку.

— Минуточку, товарищи.

Партизаны замолкают, все взгляды устремлены на радиста. На его лице постепенно появляется довольная улыбка.

— Наши докладывают, что все в порядке. Возвращаются с задания. Пойду доложу командиру.

И ко мне:

— Подождите, не рассказывайте без меня. Я сейчас.

Но вопросы сыплются и сыплются.

Кто-то задает вопрос:

— Скажите, а у вас все могут учиться?

Томас даже подскочил. Он сам начинает рассказывать, волнуется, говорит быстро, жестикулирует да изредка подбрасывает сползающие очки. Говорит он долго. Гигсон старательно записывает в тетрадку.

— О чем вы рассказывали, Томас?—спрашиваю я, когда тот кончил.

Смеется.

— Читал лекцию о советской системе просвещения,— говорит он, протирая очки.

Потом вновь начинает:

— Гигсон, запиши. В Московском университете учится, по-моему, двадцать пять тысяч человек.

— Сколько? — не поверив услышанному, спрашивает Гигсон.

— Двадцать пять тысяч.

— Целый город студентов, а?!

— Там только книжных полок, кажется, около двухсот километров.

— Ну что ты выдумал! — говорят ему.

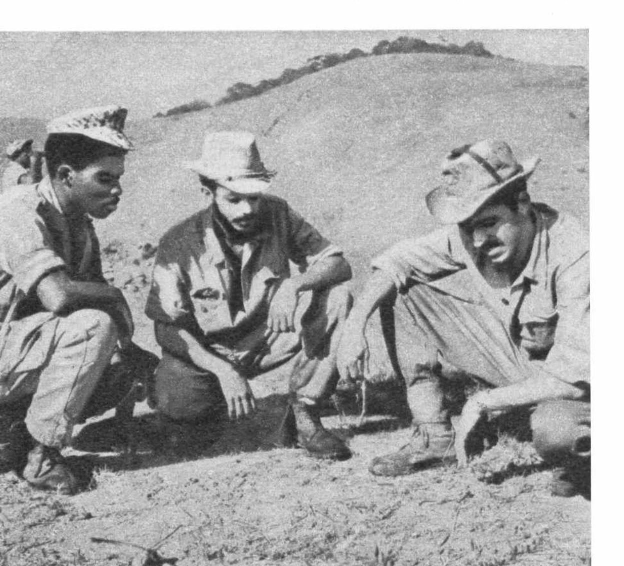
— Не верите — спросите у товарища.

Я подтверждаю, хотя точно и не знаю, сколько там километров полок.

— Как от Луанды до Дондо,— говорит Доминьгош.— Много.

Возвращается Килуанже.

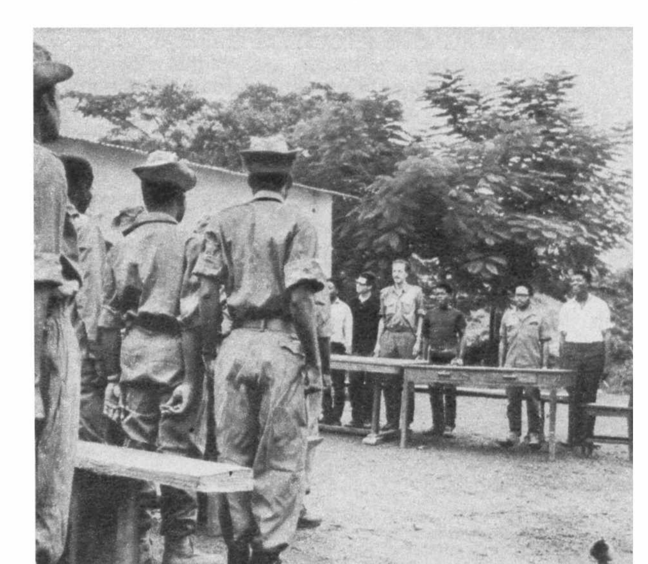
— Теперь можно продолжать,— говорит он.— Скажите,— сразу за-

Командование партизанского отряда разрабатывает очередную операцию.

На партизанской кухне.

Первый выпуск курсантов революционного учебного центра.

дает он вопрос,— Ленин ничего не говорил об Анголе?

Я знаю точно, что Ленин ничего не говорил об Анголе, но как сказать это людям, которые ждут от меня только одного ответа?

И я рассказываю о разработанном под руководством Ленина обращении молодого Советского правительства — «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»:

— «Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма».

— Это прямо об Анголе,— говорит Килуанже.— Правильно сказано.

Томас переводит дальше:

— «Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках.»

На какое-то время наступила необыкновенная тишина. Только за стенами шалаша свистела на разные голоса какая-то птаха да тяжелые капли со звоном падали с вечно влажных листьев тропических великанов.

— Это же Ленин нам говорит...— задумчиво произносит Килуанже.— Значит, он знает о нас, раз дает такой совет. Томас, прочитай еще раз, как это там насчет хозяев своей страны...

Томас читает раз, второй, третий...

— А я никогда не видел портрета Ленина,— говорит партизан, который спрашивал о земле. У него очень сложный псевдоним, и я никак не могу запомнить. Кажется, Нсаламбонг.— У вас нет его?

Я растерялся. Все значки, которые я захватил с собой, давно уже розданы.

— Подождите,— вспоминает Томас,— кажется, у комиссара есть значок с портретом Ленина.

Приходит комиссар. Значок пошел гулять по рукам.

— Я так и думал, что самый простой человек. Наверное, крестьянин, раз так хорошо знает крестьянскую жизнь,— глядя на значок, рассуждает Нсаламбонг.

— Нет, Ленин был ученый, писатель,— говорит Томас.

— Может быть, он потом стал ученым, а сначала крестьянином. У меня глаз верный.

Мы ничего больше не говорим, потому что разубедить Нсаламбонга все равно не удастся.

Значок обошел всех. Комиссар отряда, ровесник своих бойцов, был в Москве на Всемирном форуме молодежи. Сложен и долог был его путь в Москву. Командование армии и руководство партии Народное движение за освобождение Анголы решили послать его на форум, чтобы товарищ Руй рассказал о борющейся Анголе. И он совершил это необыкновенное путешествие через джунгли, через всю Африку до Москвы. Он видел юность планеты, полную энергии и сил, готовую бороться за свободу всех народов и отстоять мир на земле. И вот теперь настала его очередь говорить о Ленине.

Он рассказывает о Музее Ленина, о Дворце пионеров в Москве. А потом говорит:

— Мне очень повезло: я видел Ленина своими глазами. Близко-близко. На вытянутую руку.

— И о чем ты говорил с Лениным, товарищ комиссар? — спрашивает Нсаламбонг.

— Я не говорил с Лениным. Я видел его в Мавзолее,— сказал тихо комиссар.— Я видел часовых, которые несут вечную вахту у его гроба, и тысячи тысяч людей, которые приходят поклониться Ленину.

Нсаламбонг потрясен. Он не может поверить, что Ленина нет в живых. Он закидывает автомат на плечо и выходит из шалаша. Я вижу его прислонившимся к дереву. Долго он так стоит в одиночестве. Я не знаю, о чем он думает, но возвращается он молчаливый и сосредоточенный.

— Я видел,—продолжает комиссар,— то, что сделал советский народ, выполняя советы Ленина. Это великая и могучая страна. Ее народ думает не только о себе, но и о народах, которые борются за свое освобождение. Стоило мне сказать, что я из Анголы, как меня окружали плотным кольцом, жали руки, расспрашивали о нашей борьбе, говорили, что никогда не оставят нас в беде, что их помощь и поддержка на нашей стороне. Да это вы и сами знаете.

Да, эти люди хорошо знают о чувствах советского народа. Они знают это не по словам, а по реальным делам. В джунглях Анголы о дружбе и поддержке советских людей говорят как о самой большой вдохновляющей силе. Это ощущает каждый партизан, когда видит в прорези прицела португальского колонизатора, когда закладывает мины под стратегическим мостом, когда открывает огонь по колонне противника из смертоносного оружия. Он знает, что за борьбой следят искренние друзья и верят в его победу. Страна Ленина никогда не оставляла в беде борцов за национальное освобождение.

* * *

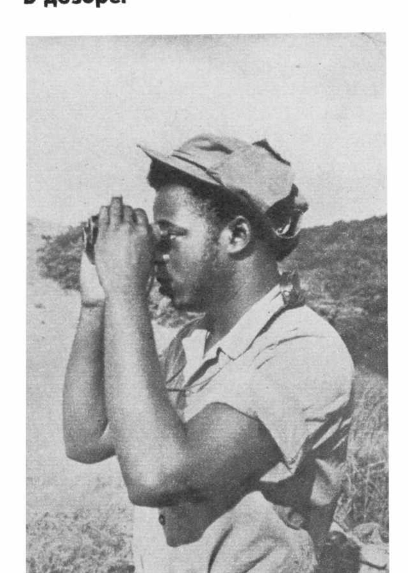
Ночь. Шипит керосиновая лампа, бросая вокруг себя тусклый свет. Мы сидим в шалаше командира и ведем беседу о настоящем и будущем, о событиях, которые волнуют каждого из моих собеседников.

Но какие бы события ни произошли в будущем, я никогда не забуду того, что далеко-далеко в джунглях Анголы один из ангольских партизан, прежде чем сделать глоток холодной воды, попросил меня:

— Расскажи нам о Ленине, товарищ...

Освобожденный район Анголы.
Н-ский партизанский отряд.

В дозоре.

Загадка, проблема, открытие, факт

И ПОЛЕЗНО И ВКУСНО

Всем известно, как трудно приучить маленьких детей чистить зубы. Паста или порошок с их острым привкусом и «холодком» часто принимаются малышами без особого энтузиазма. А вот эта новая паста найдет рьяных поклонников среди малышей и среди взрослых.

В состав пасты, разработанной в Одесском научно-исследовательском институте стоматологии, входят: отжим черной смородины, настой шиповника, ванилин, пищевая эссенция, морская капуста и дезинфицирующие компоненты. Новый состав богат витаминами А, В, С, углеводами, белковыми веществами, йодом, бромом и многими другими микроэлементами.

ДЛЯ ПРОСВЕЧИВАНИЯ СОСУДОВ

Уникальный аппарат для рентгенологических исследований артерий и вен создала группа конструкторов Центрального проектно-конструкторского бюро Министерства здравоохранения СССР — Н. П. Бродовский, С. М. Стольцер, Н. И. Попов.

Новый прибор чрезвычайно важен. Ведь малейшее изменение системы кровообращения вызывает болезненную реакцию организма. Врач должен видеть и знать, где тромб перекрыл артерию или вену, где расширен или сужен кровеносный сосуд, наконец, где организм создал обходное, так называемое коллатеральное кровообращение, компенсирующее болезненное явление.

В аппарате использованы автоматизация, программное дистанционное управление. Во время работы лучи как бы ощупывают кровеносные сосуды и рассказывают врачу о состоянии кровеносной системы. Аппарат поможет усовершенствовать операции на сердце и сосудах.

ГРОЗА В ЗАЛЕ

В городе Рено (США) открыт первый в мире «атмосфериум». Он представляет собой зал, оборудованный устройствами, имитирующими различные метеорологические явления.

«Атмосфериум» рассчитан на самую широкую публику. Так же, как и известный всем планетарий, «атмосфериум» призван наглядно и популярно давать зрителям сведения, но не по астрономии, а по метеорологии. Здание «атмосфериума» имеет форму полушария; сеансы происходят таким образом, что снимки различных метеорологических явлений, как, например, разновидности облаков, грозы, проектируются сразу на всю внутреннюю площадь купола. Одновременно демонстрация этих явлений сопровождается соответствующими звуками и шумами.

ТАЙНЫ ДНА АДРИАТИКИ

...Когда современные лайнеры проходят мимо побережья Далмации (Югославия), пассажиры обычно направляют свои бинокли на голые, жмущиеся к самой воде скалы и утопающие в зелени извилистые бухты. Мало кто из пассажиров подозревает, что как раз в этой романтической части Адриатики прямо под ними находится подводное кладбище. Последнее пристанище некогда грозных боевых кораблей. Большинство из них погибло во второй мировую войну. Этих судов — сотни. Никому не известен их точный тоннаж.

Где-то между Дубровником и Сплитом лежит, в частности, нацистский корабль, торпедированный англичанами в декабре 1943 года. У этого корабля был необычный груз: памятники культуры, собранные оккупантами со всего адриатического побережья. Эксперты полагают, что здесь находились ценнейшие произведения культуры и искусства, которые предназначались для «пополнения» коллекций главарей третьего рейха. Большинство из этих произведений уже можно считать безвозвратно потерянными.

Под многометровой толщей адриатических вод скрыты и другие сокровища. В декабре 1941 года около побережья Далмации было потоплено несколько английских подводных лодок, везших в Югославию военное снаряжение и большое количество иностранной валюты и золота.

Из поколения в поколение передаются у далматинских рыбаков легенды о сокровищах, найденных когда-то на дне Адриатики. Несколько лет назад один ныряльщик случайно заметил на песчаном дне бухты что-то блестящее. Предмет лежал между пустыми бутылками и выпотрошенными консервными банками. Подплыв поближе, ныряльщик схватил блестящий предмет, он был тяжел и массивен. Вынырнув на поверхность, он не поверил своим глазам: в руке был средневековый светильник из чистого золота.

В настоящее время не существует никаких карт или справочников, которые могли бы дать объективную информацию о всех корабельных катастрофах, происшедших за многие века в Адриатическом море. Югославские ученые работают над созданием «Атласа подводных находок», в котором предусмотрено дать описание всех кораблекрушений на Адриатике и перечень сокровищ, покоящихся на дне.

ПОРТРЕТ С РАССТОЯНИЯ В ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ

В Японии сконструирован фотообъектив с фокусным расстоянием 5 200 миллиметров. С помощью такого объектива можно сфотографировать лицо человека, находящегося от вас на расстоянии пяти километров.

МОЛЛЮСКИ НА КОНВЕЙЕРЕ

Оригинальную автоматическую линию добычи и обработки моллюсков, начинающуюся от морского дна и завершающуюся трюмом промышленного судна, предложил инженер Азово-Черноморского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Алексей Александрович Яковлев.

Работа этого своеобразного конвейера происходит следующим образом: драгу с моллюсками поднимают с морского дна и разгружают в садок, из садка рыбонасосом улов перекачивают в водоотделитель. С водой уносятся ил, песок и другие примеси. Моллюски, отделенные сортировочной машиной от пустых створок, попадают при помощи транспортера в трюм судна.

Оснащение промышленных судов Черноморского бассейна такими линиями позволит увеличить производительность труда в два — четыре раза.

Путешествия «Огонька»

ЩЕДРОСТЬ КАМЧАТКИ

Михаил ГОДЕНКО

Речной трамвай загрузили почтой и картошкой. Рявкнула сирена, да так, что внутри заныло. Трамвай, увешанный по бортам автомобильными шинами-кранцами, откачнулся от стенки. На бортовых скамьях густо уселись тетки, одетые кто в ватник, кто в потертое пальтецо, кто в теплую солдатскую куртку. У каждой по два, а то и по три ведра жимолости — продолговатой темно-сизой ягоды. Тетки везут ее на рынок в Устье. Там народ денежный: рыбаки. Рыба им — вó где стоит! А ягода в новинку. С руками оторвут.

От поселка Ключи, откуда вышел трамвай, до районного центра Усть-Камчатска сто двадцать километров. Так что покачиваться придется часиков семь-восемь.

Народ все местный. Сидит спокойно. Занят или газетой, или разговором. Кто дремлет, кто размышляет. Во всяком случае, не ерзает, не вертит шеей, не бегает с кормы на нос.

А я бегаю! Мне надо. Я здесь впервые. Затем и приехал, чтобы все увидеть. Это же Камчатка: край света, сказочная земля! Подумать только, от Москвы сюда дальше, чем до Нью-Йорка! Здесь солнце встает на девять часов раньше, чем в моей Новоспасовке! Здесь рыба идет на нерест так тесно, что ее загребают голыми руками. Здесь источники, которые излечивают многие болячки. Здесь гейзеры, которые то замирают на час, на два, то снова кидают в небо снопы кипятку. Здесь бьет из-под земли перегретый пар. Хочешь—забирай его в трубы и отапливай дома, хочешь — впрягай в турбины, получай свет! Здесь единственная в мире роща пихты благородной! А вулканы!.. Их сто двадцать штук!

Да... Вот с вулканами мне как раз не повезло.

Я запахиваю полы прорезиненного плаща, в сердцах дергаю свою шляпу и бухаюсь на белую скамью, что стоит в носовой части судна.

Медведь его задери, надо же, чтобы так случилось! Быть в Ключах — в поселке, который лепится у подножия Ключевского вулкана — короля камчатских вулканов! — и не видеть его. Четыре тысячи восемьсот пятьдесят метров великаньего роста вот уже трое суток скрыты низкими облаками. Напротив Ключей, по левому берегу реки Камчатки, рассказывают, стоит в снеговом треухе Шивелуч — тоже вулканчик дай бог! Но опять же, как ты его увидишь? Облачность. А у меня сроки—они не спрашивают, хочешь или нет: сажают в автобус, в самолет, на катер — двигайся!

...Сейчас восемь утра. Часа в три пополудни будем в Устье. А там какие вулканы? Там рыбозаводы, зверосовхоз, рыбоколхозы. Надо будет выйти в море, посмотреть путину, поглядеть, как засаливают чавычу и кижуча, побывать в консервных цехах, в морозильне. Какие там вулканы? Их нет, они остались позади. Может, удастся увидеть на обратном пути? О нет, обратная дорога ляжет по-другому. Денька через три-четыре с океана подойдет к Устью теплоход «Николаевск» и бросит якорь на внешнем рейде. Меня вместе с другими пассажирами отправят на барже к теплоходу. Через двое суток буду в Петропавловске. А там «ТУ-104» — и Москва. В общем, плакали мои вулканы. Честно говоря, два из них я видел: Авачинский и Корякский. Разглядывал их с вершины сопки, что в Петропавловске. Но разве то вулканы? В сравнении с Ключевским это бугорки...

Камчатка — река обжитая. Трамвай по ней ходит вполне современный, такой же, как и по Москве-реке. И люди — не отличишь от москвичей, ленинградцев,— поговори с любым пассажиром.

Но меня что-то не тянет на разговоры. Иду снова на корму. Вглядываюсь туда, где, по моим расчетам, должен подниматься Шивелуч. В пепельных тучах появились просветы. Вон засияла белизна. Не вулканья ли шапка проблеснула? Нет, говорят, Шивелуч много правее.

Опять досада. А спроси: что мне те вулканы? И не отвечу толком. Сам не знаю. Так, захотелось увидеть, вот и все. Наверняка они похожи на Авачинский. Тот же конус с белой вершиной, тот же дымок над кратером. Только и всего, что повыше. Есть из-за чего расстраиваться!

На востоке, в той стороне, куда мы движемся, туман рассеялся. Подчеркнутые удивительно свежей чистотой неба, резко выступили сопки, образовав сплошную стену густо-чернильного цвета. Мы идем курсом на эту стену. Интересно, куда же потечет река, в какую сторону повернет? Ясно одно: только не прямо. Такую загороду ей не прошибить.

Течение замедляется. Река разбухает, ширится. Гляди, как разлилась, подпертая стеной! И вдруг, словно по знаку всемогущего, горы расступились, образовав золотые ворота. Камчатка рванула в проран, понесла на быстрой волне белое суденышко. Метнулись назад каменистые берега, лесистые склоны. Даже сквозняком потянуло. У-у-ух, дьявол, как здорово! Точно окунаешься в ледяную воду.

Улыбаюсь, поглядываю на спутников. Но их лица спокойны. Им все это знакомо. Какой-то мужчина, видя мое возбуждение, говорит, показывая на высоченные берега:

— Щеки.

Я не понимаю.

— Щеки, Щеки!— Он прикладывает ладони к своим щекам.— Горы, что по обе стороны, Щеками зовут!

В складках Щек белеет снег. В июле — снег. Непривычно. По обрывам цепляются коряжистые деревья. Говорят, березы. Не верится. Береза — стройная, белоствольная. А эта серая, приземистая, в тяжелых узлах. И все же это береза. Только «каменная». Названа так из-за своей твердости. Попробуй ее пилить, колоть или строгать — камень!

Золотые ворота, которые пропустили нас в межщечье, остались далеко позади. Они постепенно сужались, сужались, потом и вовсе затворились. Сопки сомкнулись в единую стену. Где-то за их грядой осталась просторная долина, в начале которой дремлют великаны Ключевский и Шивелуч, великаны, которых мне видеть не суждено. Будем считать, что с ними покончено. Теперь предлагают смотреть только вперед. Впереди тоже много заманчивого и интересного.

Вот и остановка. На равнинном берегу — несколько бревенчатых изб. Трамвай без всякой осторожности прет носом на невысокий берег. Киль глубоко врезается в глинистую отмель. Тетка-матрос сталкивает сходни на сушу. По ним на нос трамвая поднимаются дядьки с огромными мешками картошки. Опять картошка! Сколько ее здесь? Подмосковье это, что ли?

До недавнего времени Камчатка сидела на привозном сушеном картофеле. Теперь, гляди, оказалось: местная почва способна рожать такую бараболю, что залюбуешься. Ее собирают до удивления много. В прошлом году даже на материк вывозили: хабаровчан выручали.

За дядьками по сходням поднялось несколько молодых женщин. В их руках — охапки синих знакомых цветов. Ну, конечно, это петушки! Правда, ножки у них длиннее, а гребешки помельче. В остальном самые настоящие петушки. Но почему охапками? Откуда столько? Гляжу на луг и очам не верю: сплошные петушки, синее море петушков! У нас их сажают в палисадниках, обрабатывают, поливают. А тут—посмотри!.. Чудная страна Камчатка. Здесь, оказывается, много диковинок, не то что в нашей Новоспасовке...

После Камчатки обязательно съезжу в Новоспасовку, к старикам. Сядем «вечерять коло хаты», у огромного куста сирени. До звездной темноты пойдут разговоры о всяких всячинах. Ну, конечно, расскажу про Камчатку. Отец будет загадочно молчать, посасывая горькую люльку, а мать тут же спросит: «Ну, яки ж воны ти вулканы, чи красыви, чи ни? Як була ще дивчинкою, в школи нам росказувалы про Ключевську сопку. Бачив?»

Попробуй соври! В очерке другое дело. Тут вымысел допустим. А вот что ответить матери?

Скажу, конечно, прямо: «Не пришлось».

Мать не осудит: на нет и суда нет. Но отец не стерпит, разочарованно воскликнет: «Оцэ тоби на! Чого ж ты издыв? Стильки грошей потратыв, а самого великого и не побачив!..»

* * *

Грузовая машина «ГАЗ-61» колыхалась на ухабах. Рядом с шофером сидел Николай — главный механик совхоза. Он то и дело высовывался из окна до пояса, что-то кричал, показывая вправо, где за невысоким валом буйствовал Тихий океан, то кивал влево по ходу машины, где спокойно лежало белесое озеро.

Машина шла по косе. Я стоял ближе к правому борту, упираясь обеими ладонями в горячее железо кабины. Мой спутник, секретарь райкома комсомола Чахарадзе, подставив ветру левое плечо, глядел мне в лицо, улыбался, кивал в сторону Николая: «Как бы не вывалился парень!»

Я смотрю на Чахарадзе, на человека с грузинской фамилией, и думаю: «Что же в нем грузинского? Волосы соломенного цвета, брови и того белее, глаза голубовато-водянистые, тип лица северорусский».

— Ты, наверно, в мать пошел?

Чахарадзе белозубо осклабился, прижмурился:

— Точно!

Мы с ним познакомились вчера в райкоме и сразу перешли на «ты». В шутку я зову его «князем». Неплохо звучит, правда: «князь Чахарадзе»?

— Каким тебя ветром сюда занесло?

— Служил.

— А!..

Чахарадзе после демобилизации хотел махнуть на запад. Но комсомол района избрал его своим секретарем.

— Оставили на сверхсрочную!— шутит он.

Мы с ним час тому назад были на рыбозаводе. У проходной встретили Николая. Он уговорил ехать в совхоз. Обещал: «Покажу от-

Остров Симушир. Киты.

Прибой.

КУРИЛЫ. Фото П. Владимирова.

Остров Шиашкотан. Хозяин.

Это сделали время и океан.

Саранка, просто цветок. Камчатка.

личную капусту!» Я было усомнился: «Что за невидаль!» На меня напустились уже оба — Николай и Чахарадзе: «Ну, не говори! Это у вас там ничего особенного,— они кивнули на запад, в сторону так называемого континента,— а здесь, брат ты мой!..»

И мы поехали. Но если разобраться, то в совхозе этом наверняка все так же, как и в Ключах. Лук, редиска, картошка... И стадо, конечно. Молочное стадо. Все это теперь есть в каждом хозяйстве, которое лежит в долине реки Камчатки...

Меня повели в приземистый бревенчатый клуб. Просят перед сеансом кино провести беседу. Клуб был набит до тесноты. Я стоял, почти прижатый к низкому экрану, мял руки, совал их в карманы, снова вынимал на свободу. «О чем говорить? С чего начать?»

...Через широко распахнутые двери клуба вливалось предвечернее солнце. В его потоках роились сочные комары. Подсвеченные густым лучом, они выглядели золотыми. «Пропадите вы пропадом!»— подумал я о них. Комары жадно впивались в мои налитые кровью уши, облепляли лоб, подбородок. Заметив мои страдания, кто-то крикнул: «Да закройте же дверь!» Двери захлопнулись. Вроде бы полегчало.

— Расскажите про Москву!.. Как она там?.. Какая?..

Я начал приглядываться к рядам. Тут и старики в треухах и простоволосые парнишки. Старухи в шалях и девушки, модные прически которых ничем не прикрыты. Наверное, никто из них не бывал в Москве, потому так просят. Вон «князь» Чахарадзе — тот бывал: у него дядя в Москве проживает. Николай наверняка тоже видел Москву. Недавно летал по туристской путевке в Англию. Миновать стольный град никак не мог. Остальные, похоже, не видали... «Как она там? Какая?»

Мне самому сейчас хотелось бы знать, как она там, какая. Так далеко она отсюда, что даже не веришь в ее существование. Тут же подумалось: «А в Москве наверняка буду вспоминать сопки с белыми полосами снега во впадинах... Всегда тянешься к тому, чего тебе недостает. Если бы можно было всю огромную землю разместить на ладонях, чтобы в любую минуту видеть то, о чем тоскуешь...»

Я рассказывал долго. Затем спохватился:

— У вас же кино!

— Однако говорите!..

За разговором я и не заметил, как подсел на краешек второго ряда. Положив плащ на колени, мучая свою тирольскую шляпу, глядел в лица, отвечал на вопросы, сам спрашивал.

Люди понемногу открывались. Вон через два ряда сидит дедусь в заячьей шапке, в сером ватнике. Его зовут Азарием Гулякиным. Когда-то приплыл в Усть е за длинным рублем. Удалось коечто скопить. Но пришла война. Оба сына-десантника пали в одном и том же бою. Просидел Азарий до рассвета, держа поседевшую голову в руках. Утром достал кожаный мешок, отсчитал заветные тысячи, передал их властям с просьбой построить на них боевой катер «Морской охотник».

Слева возле меня — Октавия, женщина лет тридцати. На ней ярко-алая гарусная кофта. Белый платок откинут на плечи. Из-за ее бока выглядывают четверо любопытных головок. Ее дочурки. Октавия приехала в совхоз из Устья, где до недавнего времени жила с мужем. Муж работал диспетчером в порту. Однажды «снялся с якоря» и «ушел в далекое плавание», оставив молодой матери четверых детей. Поминай как звали! Теперь Октавия в совхозе. Капусту сажает, картошку окучивает.

— Живэмо нэ горюемо, хлиба нэ купуемо!— ввернула она украинскую поговорку. Клуб хохотнул, поддержал шутку. Молодец, мол, баба. Гляди героем. Слезы лить — себе дороже.

Напротив — пожилая женщина. Она вытирает подбородок кончиком платка, как это делает моя мать. Кладет руки на колени. Руки у нее крупные, тяжелые, в трещинах. Такие бывают только у доярок. Говорит, растягивая слова, упирая на «о».

— Одно слово: ро-бо-та! Без роботы, поди, заскуча-ашь.

Славный народ. Поговорил и вроде бы живой воды напился. А еще не хотел ехать, чудак! У меня было такое ощущение, словно я приобщился к чему-то значительному, словно мне открылось что-то большое, то именно, чего так недоставало. Откуда-то появилась шальная уверенность: произойдет еще что-то такое, от чего ахнешь.

Втроем вышли на волю: Николай, Чахарадзе и я. Поднялись на взгорок, где стоит контора совхоза — старое здание, рубленное из толстых бревен. Я загляделся на тихую поверхность озера. Оно остывало внизу. Казалось, перед глазами не вода, а горячее олово. Над ним даже дымок подрагивает.

Николай тронул меня за рукав.

— Однако поглядите туда.

На западе, четко впечатанные в чистое небо, стояли два серебристо-белых великана: Ключевский и Шивелуч... Не может быть! Мираж!.. Мне так хотелось их посмотреть, что дошел до галлюцинации. Чеховский черный монах!.. Ну-ка, проверим. Закрываю глаза, открываю — стоят. В самом деле, оба тут. Слева — Ключевский, правее — Шивелуч. Фантастические конусы, подпирающие небо. Библейская картина!

Сами понимаете, в таком подогретом состоянии я могу наговорить лишнего. Но не осуждайте: я так долго ждал чуда, и оно свершилось. Начинаю верить: на свете нет ничего невозможного.

А приглядись, какие краски, какие тона, какие переливы! Я совершенно уверен в том, что только на Камчатке, только в «Крутобереговом», можно увидеть такую щедрость.

Внизу — озеро. Оно пепельно-белесое. Туда, к дальнему берегу, темнеет, темнеет. Над ним встает первая гряда сопок. Они не высоки, цвета строгого, густо-чернильного. Над ними — вторая гряда, повыше. Она синяя, как океан перед штормом. Третья гряда, сизая, ведет ломаную линию по вечернему небу. И вот за тремя грядами — они, вулканы. Низкое солнце бросает на них все свои лучи. Потому вулканы как бы просвечиваются насквозь, выглядят хрустальными. Смесь голубого, белого, золотого! Снизу они темнее, строже. На самом верху — веселые до белизны. Отсюда до них километров полтораста. А кажется, рукой подать.

Удивительная страна Камчатка!

ЦВЕТ ЛАЗОРЕВЫЙ

Так назвал свою книгу Виталий Закруткин. Поэтично, с высоким уважением к выдающемуся современнику, с бескрайним, как и должно быть, восхищением могучим русским талантом, гражданским мужеством писателя-коммуниста рассказывает автор о Михаиле Александровиче.

Шолохов любим народом. Нет сегодня такого писателя, слово которого так жаждали бы услышать миллионы людей, как слово М. А. Шолохова. Поэтому понятно и то глубокое внимание ко всему, что приближает читателя к Шолохову, что вводит в его писательский мир, знакомит с его общественной деятельностью, с его любовью к человеку труда.

Книга Виталия Закруткина — писателя, человека, лично знающего своего земляка,— порадует всех любителей литературы. Она не велика по размеру, но вместительна по содержанию, объемна, интересна по фактам, и, пожалуй, поэтому создается ощущение, что и ты, прочитавший ее, словно бы какое-то время побыл вместе с Шолоховым и уже не забудешь тех страниц, с которых во весь рост встает Гражданин Шолохов, мужественно, партийно защитивший в годы коллективизации от произвола землеробов Дона и многих безвинно пострадавших людей. Не забудешь и тех строк, которые рассказывают о тысячах бессонных ночей, заполненных глубокими думами о народе, о его судьбе, когда создавался «Тихий Дон», беспокойно стучалась в сердце «Поднятая целина». Не забудешь и тех страниц, когда писатель-патриот в первые дни фашистского нашествия «так же, как и тысячи других, стал солдатом» и отправился на передний край. И кто же не знает и не помнит его военных очерков, полных гордости за свой народ, за его беспредельную любовь к Родине, за его мужество, очерков, которые и сегодня являются образцом высокой публицистики и непревзойденного мастерства.

Жизнь Михаила Александровича тесно связана с народом. В книге есть немало волнующих страниц, из которых читатель узнает о любви простых людей к замечательному писателю и доброму человеку.

Книга снабжена фотографиями, на которых М. А. Шолохов запечатлен в своей семье, на фронте, за работой, в кругу друзей, в беседах с деятелями литературы и искусства.

Издана она в Ростовском книжном издательстве. Выход ее приурочен к 60-летию М. А. Шолохова, которое недавно отмечалось всей страной, всем народом.

Сергей ВОРОНИН

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

ДОБРОЕ НАСЛЕДСТВО ПОЭТА

Книги стихов Александра Ойслендера «А снег идет...» и «Огни на рейде» вышли в свет уже после его смерти. Поэт оставил нам доброе наследство.

Что ж,
Не жил я вполсердцебиенья,
Вполдыханья, вполсилы моей.
Коль любил — так любил до забвенья,
Ненавидел — так яростью всей.

Так А. Ойслендер сказал о себе и о своем творчестве, таковы и его стихи, над которыми поэт работал упорно и вдумчиво, «водолазом спускаясь на самое дно — за единственным словом, чтоб стало оно той звездой, что поможет не сбиться с пути». Точное сравнение подсказано жизнью. А. Ойслендер воевал на Северном флоте. Море и моряки занимают одно из ведущих мест в его творчестве. Именно на флоте родились проникновенные строки о стойкости советских воинов:

И если тяжело придется,
Когда в тиски зажмет беда,
Железо, может быть, согнется,
Но наши люди —
Никогда!

Рассказывая о Севере, поэт пишет: «это край, где любят до конца, как в седых трагедиях Шекспира,— сильные и нежные сердца!» Вытравить из сердца такую любовь, будь она к Родине или к женщине, «все равно, что иву выправить иль подкову разогнуть!». О чем бы ни писал поэт, ему всюду сопутствует выпуклый художественный образ. Мы узнаем, что, «как в далеком Китае будды, камни молятся тишине»; морская волна «встречает черные бушлаты хлеб-солью пены штормовой!»; «метель на новые дома летит, как музыка седая»; «деревья мчатся, словно лоси, рогами ветви заломив»...

А. Ойслендер много проникновенных строк посвятил родной Москве и русской природе. В них нет и тени декларативности. На первом плане у поэта всегда человек, его друг и современник. Нельзя пройти мимо стихов, рисующих живые портреты выдающихся советских поэтов Н. Заболоцкого («Внимая весеннему шуму»), Э. Багрицкого («Поздний гость»), П. Шубина («Памяти товарища»). Поэт тонко понимал лиру каждого из своих друзей и воздал им должное.

А кто из фронтовиков, да и не только фронтовиков, не помнит крылатые слова припева из полюбившейся песни «Два товарища»: «Оба молодые, оба Пети, оба из отряда моряков»!

Даже в последние дни жизни, уже тяжелобольной, поэт неутомимо писал «ту книгу необъятную, что снова захватывает счастьем бытия». В стихотворении «Новый мост» А. Ойслендер высказал пожелание:

И я хотел бы после странствий
Вступить в грядущие века,
Связуя время и пространство,
Как мост связует берега.

Думается, что в своих книгах поэт сумел осуществить эту мечту. Его стихи дышат современностью и охватывают большие пространства. Образ Александра Ойслендера, талантливого поэта и гражданина в полном смысле этого слова, всегда будет жить в нашей памяти, как и его вдохновенные стихи.

И. ЛАШКОВ

Александр ОИСЛЕНДЕР «А снег идет...», «Советский писатель», 1965 год; «Огни на рейде». Библиотека журнала «Советский воин», 1965 год.

Борис ИВАНОВ

Стечение обстоятельств

Есть ли более надежная хранительница прошлого, чем память? Правда, хранит она не все, а лишь самое нужное и яркое, но прочно и верно. И выдает память эти ценности только тогда, когда они очень понадобятся, подходят к случаю, дополняют или уточняют события. А сообщает памяти, что требуется выдать в тот или иной момент из ее тайников, внешний импульс, толчок. Таким импульсом может служить жест, слово, фраза, звук, вещь, запах — в общем, все, что действует на воображение. И тогда перед глазами проходят, казалось бы, давно забытые картины.

Удивительна человеческая память...

Праздник двадцатилетия Победы в Великой Отечественной войне я встречал у своих друзей в Праге. Был парад с малыми и большими ракетами, сверхзвуковыми реактивными самолетами, танками и пушками. Выправки и стати, как и умения, не занимать и пехотинцам, пограничникам, и будущим офицерам всех родов войск, в четком строю прошедшим перед трибунами. Мощь и решимость чехословацкой армии были убедительно продемонстрированы на параде.

Вечером состоялся прием у президента республики в Градчанах. На столах алели огромные бутоны махровых гвоздик. Пили золотистое вино с берегов Лабы. Потом гости пели песни: и нынешние и двадцатилетней давности — песни войны. Грусть и радость переплелись, рождая необъяснимое чувство легкости, освобожденности и счастья.

На следующий день мы поехали по стране. Нашим спутником была Анюта, Аня, Анна, как мы по-разному называли ее, в зависимости от настроения. Невысокого роста брюнетка с энергичной фигурой и решительными жестами, Анна Кубка, журналистка и филолог, была всегда к нам внимательна и доброжелательна. Ее отец — крупнейший чешский писатель Франтишек Кубка, книги которого широко известны в нашей стране. Мать — русская, родившаяся в городе Новосиле бывшей Орловской губернии. Аня восторженно рассказывала нам о прошлом своей родины, а с помощью своих друзей и показывала то новое, что возникло и прочно утвердилось в республике за двадцать минувших лет. Но так или иначе, да и чаще всего, где бы мы ни были — в Братиславе ли, в горах на базе словацких партизан, превращенной в музей, в Брно, Пльзене,— разговор шел вокруг второй мировой войны, героев Победы. Назывались не только чешские и словацкие имена, но и фамилии наших соотечественников. Сердце от этого переполнялось гордостью.

В Готвальдове, прежде чем направиться на знаменитую обувную фабрику «Свят», мы посетили уникальный музей. В нескольких просторных залах размещены модели обуви всех времен и народов. Здесь можно увидеть, что носили модницы пять тысяч лет назад и какие линии и каблуки они предпочитают сейчас, как и на чем шили туфли в далекие, средние и более близкие времена. В экспозиции музея есть и ботинки великана, ныне здравствующего, чеха по национальности. Ему 40 лет, он холост, рост его — 2 метра 30 сантиметров, размер ступни — более полуметра. Изящная ножка!

На фабрике мы побывали в нескольких цехах. Видели весь процесс — от заготовки до упаковки обуви. Четкость, предельная механизация, чистота делают здесь труд приятным и производительным. Когда мы выходили с территории фабрики, Анюта вдруг хватилась:

— Ой! Потеряла пуговицу от жакета! Как жаль! Другой такой не купишь...

Огорчение было настолько искренним, непосредственным, что всем нам стало жаль Аню. Однако каждый понимал: помочь ей невозможно. Найти пуговицу на фабрике, где кипит работа многотысячного коллектива, где тщательно убираются всякие обрезки и обрывки (мы сами только что это видели), все равно что найти иголку в стоге сена. Оставалось лишь посочувствовать. Но один человек — заместитель директора «Свята»— любезно осведомился, где мы будем обедать.

— В «Москве»,— сказала Аня.

— Постараюсь вашу пуговицу туда доставить,— добавил он с милой улыбкой.

«Невероятно! Вежливость — и только»,— подумал я.

Но тут же споткнулся о странную мысль, что где-то когда-то мне приходилось или слышать, или говорить о пуговице. В мозгу, как в электронной машине, вспыхивали и гасли точки, собираясь в ряды, фигуры, линии. Пуговица... Нет, пустяк какой-то. А высокий, пожилой мужчина с крючковатым носом и острым кадыком, так увлеченно певший на приеме у президента? Знакомое лицо. Очень похожую на него фотографию я видел вчера в музее словацких партизан. А еще где встречал этого человека? И опять рядом с ним пуговица и Анна. Новосиль, где родилась ее мать. При чем тут Новосиль? Что за наваждение!..

Не успели мы рассесться за обеденным столиком в ресторане «Москва», как к нам подошел посланец дирекции фабрики. Он вручил Ане ее потерянную было пуговицу. Невероятное стало вероятным. Итог зависит от степени желания, от обстоятельств. Да, да, обстоятельств. Пуговица. Нос крючком. Кадык. Стечение обстоятельств... Есть! Точки в мозгу сработали, собравшись в одну единственно правильную фигуру, и в памяти совершенно отчетливо, как на киноэкране, побежали стройной чередой картины далекого прошлого.

...Брянский фронт. 1942 год. Деревня Малые Борзенки. Она была километрах в трех от Оки, где проходил передний край. Точнее, даже не деревня, а напоминание о ней. От Малых Борзенок остались кирпичные фундаменты, на которых когда-то покоились срубы домов, да глубокие подвалы, где обосновались в относительной безопасности бойцы мотострелкового батальона. На диво, уцелел лишь один большой каменный дом на дальней окраине.

Помнится, я приехал в Малые Борзенки в октябре. Меня интересовала рота старшего лейтенанта Максима Мершмского, дерзко форсировавшая Оку и уже с месяц занимавшая плацдарм в пятьсот метров по фронту и триста метров в глубину, несмотря на беспрерывные атаки противника. Роту активно поддерживали с нашего берега артиллерийским и минометным огнем. Но решали дело, конечно, стойкость и мужество солдат роты. Вот о них мне и хотелось написать в газету. Но попасть к ним оказалось делом непростым.

— Только ночью, товарищ капитан,— сказал мне комбат, длинный майор, выслушав мою просьбу,— на лодочке мы вас туда и переправим. А пока пойдемте к нам, гостем будете.

Осень стояла теплая, сухая, багряная. Мы шли по улице, заросшей лопухами и репеем. Сорняки особенно широко раскинули листы и колючки там, где еще весной были дома, закрывая собой, словно пластырем, раны земли. В воздухе пахло гарью, ржавчиной, еще каким-то необъяснимым запахом, плававшим в сожженных деревнях. Тишина разлилась окрест удивительная. Даже с переднего края не доносилось ни выстрела. Устало свисали ветви берез, кленов. Небо над головой сияло спокойной голубизной. Почему-то думалось: «Неужели это чистое, безмятежное небо прикрывает жизнь, такую жестокую и тревожную?»

— И ночью-то надо осторожно. Как услышит всплеск — мину... Веслами особо не поработаешь.

Майор говорил медленно. Острый кадык на его тонкой шее ходил при этом вверх-вниз, вверх-вниз, будто он слова глотал. Крючковатый нос смотрел своим кончиком на верхнюю выпяченную губу. Ногу он ставил так, что при каждом шаге слышно было, как голенища кирзовых сапог шлепают по его худым икрам.

— Вот и наша резиденция.

Единственный в Малых Борзенках дом стоял в лощине, прикрытой кронами вековых лип.

— Неосмотрительно как-то вы расположились. Можно сказать, у немца на носу...

— Именно в этом-то и наша предусмотрительность. Немец никак не может подумать, что мы так неосмотрительно разместили свой штаб. Да и лощинка нас прикрывает. В общем, полгода здесь стоим, и еще ни одного снаряда рядом не упало.

— Ну, знаете ли, до поры до времени...

Комната, в которую мы вошли, была вместительной, светлой, в три окна. Вдоль двух стен — широченные лавки, на которых можно было не только сидеть, но и спать. Между лавками массивный, ничем не покрытый деревянный стол, выскобленный до желтого блеска. На одной лавке стоял железный ящик — походный сейф. В углу — бочка с водой. Рядом с русской печью — грубо сколоченная дверь в другую комнату. За столом, низко склонившись над листом бумаги, сидел, заполняя карандашом какие-то графы, молоденький лейтенант. Он даже головы не поднял при нашем появлении. С таким же безразличием отнесся к нему и комбат.

«Ничего себе дисциплинка!»— подумал я.

— Располагайтесь!— сказал мне майор, а обращаясь к лейтенанту, добавил:— Ты бы, Саша, организовал нам чего-нибудь повечерять. Гость у нас из Москвы.

«И распоряжается-то по-домашнему...»

— Будет сделано!— весело ответил лейтенант.

Повернувшись ко мне, по-армейски поздоровался, звонко щелкнув каблуками:

— Здравия желаю, товарищ капитан!

За лейтенантом скрипнула тяжелая входная дверь.

— Ждать до переправы недолго... Теперь темнеет быстро. А Саша нам сейчас чего-нибудь сообразит.

Майор уселся на лавке.

«Кем он был до войны?— вертелся у меня вопрос: уж больно не походил комбат своей внешностью на кадрового офицера.— Наверное, учитель из какого-нибудь захолустного городка, мишень для маленьких озорников, или бывший председатель сельсовета».

— Давно служите?— полюбопытствовал я.

— Да как вам сказать?— Кадык майора снова заходил вверх-вниз, вверх-вниз.— Если не считать срочной, то второй год. Мобилизовали, как началась война. Я инженер-химик, земляк ваш. На Дорогомиловской, в Москве, работал... Как там у нас? Слышал, бомбят здорово?

— Было дело... Но теперь прорваться к городу труднее.

— И слава богу... А мы тут почти пятый месяц стоим — ни туда, ни сюда.

— Туда спешить не надо. Туда от нас никуда не уйдет.

— Да я не о том. Туда — в смысле вперед... А если говорить на войне о смерти, то тут уж как распорядится судьба...

— Ну, знаете, на бога надейся, а сам не плошай.

Майор внимательно и несколько удивленно на меня посмотрел, как бы прикидывая, с кем имеет дело,— что видел, что знает, что пережил его собеседник. И чего вообще он стоит. Во взгляде сквозили и укор и просьба не говорить больше прописных истин. И еще почувствовал я в его добрых близоруких глазах как бы снисходительность к моей фронтовой неопытности, а потому и решимость продолжать разговор.

— Плошать зачем же? Можно семь раз прикинуть, да плохо отрезать... Все зависит от умения, мой друг, от практики. Но пусть я вам покажусь смешным, старомодным, а где-то рядом с опытом стоит и нечто такое, что мы называем судьбой. Категория, еще не объясненная философами. А может быть, уже и объяснили, я не читал. Бесконечная ли опасность, жизнь ли рядом со смертью рождает это чувство, не знаю, но столько вокруг каждый день происходит невероятных историй, после которых бойцы говорят: «судьба» или «не судьба»,— что невольно задаешься вопросом: а что же все-таки сие есть?

— Стечение обстоятельств!— выпалил я.

— Да, конечно, стечение. Но как вот, по каким канавкам они стекаются, эти обстоятельства, принося вдруг за собой чудо? Не зря же у всех народов существует понятие «чудо».

— Что же, по-вашему, миром правят какие-то сверхъестественные силы?

— Зачем же так спешить? Нетерпеливый вы человек. Просто надо всегда попытаться найти корни, зернышки явления. Тогда и узнаешь, с чем его едят. А пока не найдешь — чудо остается чудом. Вот я и ищу. Даже здесь, на фронте. Особенно после одного случая. В поисках я вообще вижу смысл жизни. Каждый человек — загадка. У нас на Дорогомиловке живет безграмотная женщина, тетя Дуся. Близкие ее зовут Дука. Она одна, муж у нее в гражданку погиб, вырастила дочку-врача и сына-архитектора. Тетя Дуся лечит от запоя, курения, заикания, а у дочери-врача, как та ни пыталась, ничего не получается. И лечит наверняка. Алкоголика после трех сеансов-бесед от глотка водки всего выворачивает. Заика, который раньше «мама» не мог сказать, речи произносит. Гипноз, внушение. Согласен. Но откуда у безграмотной тети Дуси взялась эта сила? Вот в чем загадка... Как быстро в октябре темнеет! Не зажечь ли нам коптилочку? Предварительно завесим окна, а то не ровен час...

Майор встал на лавку и тщательно зашторил окна домоткаными плотными дерюгами.

— Теперь можно и засветить,— сказал майор, спрыгнув на пол.— Что-то лейтенанта долго нет. Вам ведь скоро отправляться.

Меня подмывало узнать о каком-то «одном случае», вскользь упомянутом только что майором. Попросил рассказать о нем.

— С удовольствием. Только зовите меня сейчас не майором, а Юрием Петровичем. Лады? Эх, вначале бы закусить! Разговор веселее бы пошел. Но на нет, как говорится, и суда нет. Подождем...

«Странный комбат»,— опять мелькнуло у меня в голове.

— А тот случай произошел в январе. Наша бригада двигалась к Новосилю во втором эшелоне. Пурга мела страшнейшая. Бойцы и офицеры буквально в сугробах траншеи прорывали. Но и это не помогало. Чаще всего машины приходилось выносить на руках. Только и слышалось: «Толкнем, братцы!», «Взяли!», «Еще раз!». За переход так умаялись, что еле на ногах стояли. Наконец на взгорье показался Новосиль. Видимо, был красивый тихий городок. Теперь от него остались рожки да ножки — остовы взорванных зданий, длинные ряды печных труб. Вид сожженных деревень не так тяжко гнетет сердце, как вид исковерканных городов. Увеличивается масштаб жестокости, что ли. Но меня в тот вечер поразила не столько картина уничтоженного Новосиля, сколько дымящаяся труба приземистой русской печки, стоящей в снегу, словно допотопное животное. У печки хлопотала подкладывавшая в огонь солому согбенная женщина в рваной овчинной шубе и в черном платке. Я подошел.

— Для кого же ты, мать, печку топишь? Земной шар, что ли, хочешь нагреть?

— Шар — не, вот душу — да.

На меня посмотрели сурово-осуждающе из-под низко опущенного платка глубоко запавшие глаза. «Куда ты лезешь со своими понятиями?»— как бы говорили они. И не в матери она мне годилась, а в дочери. Горе, известно, не молодит.

— Бабка эту печку топила, мать тож и мне наказывала. Раз есть в печи огонь, будет возле нее и жизнь. А вы — земной шар... Э-эх!..

Что тут было мне сказать? И мог ли я осудить или одобрить странный на первый взгляд порыв этой женщины? Она по-своему вновь утверждала жизнь в собственном разрушенном очаге...

— Наконец-то, Саша!—Майор аж крякнул от предстоящего удовольствия.

— Скоро не всегда хорошо,— сказал лейтенант.

На столе появились миски с дымящейся картошкой, мелко нарезанным свиным салом. Головки репчатого лука источали острый, дразнящий запах.

— Гость, поди, устал с дороги. По одной во вред не пойдет.— Саша подмигнул мне, вытаскивая из кармана штанов бутылку водки.— Закуска подходящая.

— Только на пользу,— сказал майор, и кадык его запрыгал еще быстрее.

Выпили. Закусили. Помолчали.

— Обосновались мы в Новосиле тоже чуть ли не в единственно уцелевшем доме,— продолжал майор после паузы свой рассказ.— Только там вместе с домом уцелел и хозяин. Встретил он нас сурово, неприветливо. Это был старый человек. На маленькой голове росли редкие, седые, свалявшиеся волосы. На щеках кустиками торчала щетина. От всей его фигуры веяло апатией и запустением. Под стать была и квартира. Железная кровать давно не убиралась. На старомодном комоде стоял прислоненный к стене, засиженный мухами осколок зеркала, лежал журнал «Огонек». На черно-белой обложке была изображена женщина с поднятым флагом. Возле названия дата: «Февраль. 1917 год». На полу валялись стружки, обрезки досок. «Столярничаете?»— спросил я. «Поневоле»,— неохотно ответил хозяин.

В доме было холодно и сизо от спертого воздуха, пахнущего махоркой, потом и еще чем-то до противности кислым. «Вот, старик, до чего оккупанты довели. Давай скорей проветриваться и греться». «М-да...»— так же односложно ответил хозяин. Создавалось впечатление, что он вовсе не обрадован нашим присутствием. Но на войне об удобствах не спрашивают. Устроили сквозняк, подмели пол, натопили «голландку». Стало чище и уютнее. Подобрел и наш хозяин. Он даже попытался огрызком гребешка навести какой-то порядок на своей голове. После ужина старик совсем обмяк.

— Простите меня, сынки,— сказал он нам, всхлипывая.— Позавчерась, значит, пришли наши. Встречали родимых все, кто жив-здоров в городе остался. Накануне лютовал немец-то, страх господень. Все жег, взрывал, значит. Дом-то мой уцелел потому, что он боялся меня. Я

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ведь столяр, сделал себе гроб. Думаю, помру, будет хоть в чем похоронить. Гроб поставил, значит, в сенцы. Сунется, бывалыча, ко мне немец, увидит гроб, спросит, кто отчего умер. «Тиф»,— говорю. Он и обратно.

Старик шмыгнул носом, вытер маленькой заскорузлой ладонью рот.

— С радостью, значит, встретили наших-то,— начал снова старик.— Смотрю, батюшки мои, сынок бежит, меньший, Алешка. «Папаня,— кричит,— принимай героев!» Я и ушам и глазам своим не верю. Надо же такому быть! Сам свой город и своего отца ослобонил. Командир, конечно, отпустил его до утра. Так мы с ним до утра и не спали, значит. Мать-покойницу вспомнили. Алешку братаны старшие интересовали. Где они? А кто их знает. Под немцем я был. Писем не получал.

Утром сварил ему картох, капустки положил, кипяток приготовил. Позавтракали честь по чести. Вывел сынка на улицу, значит. Распрощались. Вдруг завыли снаряды — один, другой. Немец от злобы обстрел повел. Алешка схватился. «Побегу в часть,— говорит,— пока, папаня!» Не успел он и шага сделать, как снова, значит, взрыв. Меня отбросило в сугроб. Очнулся — вижу, Алешка в сторонке мертвый лежит. Вот, оказалось, для кого гроб-то я приготовил. Тяжко, когда отцы сынов хоронят... И всего лишь три снаряда выпустил...

Майор вытащил кисет, расправил тонкий листик бумаги, насыпал в него щепотку табаку и, ловко орудуя пальцами и языком, быстро свернул цигарку. Закурил.

— Не желаете?— предложил он мне кисет.— Ну, вот и тот случай. Судьба, не судьба... Задумаешься...

— Спасибо, рассказчик вы замечательный.

— Да куда там! Распалили вы меня своим «стечением обстоятельств». Правду говорю, Саш, а?

— Так точно, товарищ майор... Не выпить ли нам еще по одной? Чего только на войне не случается!

— По последней — и баста. Капитану пора двигать на ту сторону, к Меримскому. Благо, немец молчит.

В это время со скрежетом и скрипом открылась дверь из другой комнаты. На пороге показался заспанный, взлохмаченный человек без гимнастерки, в белой нательной рубахе. Он сразу засеменил к бочке с водой, приговаривая на ходу:

— До чего пить захотел, язви его мать, аж проснулся! Селедки наелся в обед...

Он зачерпнул полный ковш воды и начал жадно пить крупными глотками.

— Вот и кстати. Пора на дежурство, политрук,— сказал майор,— заодно проводишь нашего гостя к Ме...

Конец фразы майора заглушил противный, раздирающий душу вой мины, которая, кажется, летит именно в твою голову, а затем дом потряс страшный взрыв. Коптилка мигом погасла, зазвенели вылетевшие из окон стекла, на головы посыпались песок и штукатурка. А потом стало тихо, так тихо, что слышно было, как тикают мои карманные часы. Казалось, только они живы и остались.

— Все целы?— вдруг раздался голос майора.

— Все!— радостным хором ответили мы.

— Лады! Спичек не зажигать. Вначале замаскируем окна.

Дерюги, оказавшиеся на полу, снова водворили на место. Засветили коптилку. Огляделись. Мы трое сидели за столом. У бочки стоял все тот же человек с кружкой в руках. В комнате, кроме окон, все было цело. Где же взорвалась мина? Пошли в другую комнату.

— Ну, товарищ политрук, вы родились под счастливой звездой... Ешьте почаще селедку,— сказал майор.

Мина, пробив крышу и потолок, взорвалась под койкой, с которой только что встал политрук. От гимнастерки, которая висела на спинке кровати, нашли только одну пуговицу.

Через час я уже был с политруком в лодке. Осторожно, без всплесков мы добрались до противоположного высокого берега Оки. На переднем крае то и дело вспыхивали осветительные ракеты. Белыми пятнами ложились эти вспышки на черную воду реки. В Малых Борзенках больше не раздалось ни одного взрыва.

Вскоре в армейской газете «Боевое знамя» был опубликован мой очерк «Крепость у реки» о героических делах роты старшего лейтенанта Меримского.

* *
*

Вернувшись в Прагу из путешествия по стране, я сразу навел справки: кто еще остался в Чехословакии из советских товарищей, приглашенных на празднование двадцатилетия Победы. Я уже не сомневался, что среди гостей был на приеме у президента и Юрий Петрович, майор из Малых Борзенок. Очень хотелось его повидать. Но оказалось, что все уже разъехались по домам. В Москве, сгорая от нетерпения, поехал я на Дорогомиловский химзавод. Не повезло и здесь. Мне сказали, что Юрий Петрович давно у них не работает. Лет восемь тому назад он перешел в научно-исследовательский институт. Не нашел я моего героя и в институте. Юрий Петрович уехал на длительный срок в Хибины. В общем, обстоятельства так текли, что не могли слиться в одно русло. И лишь недавно нам наконец-то удалось свидеться. Мне навстречу поднялся из-за письменного стола высокий человек, ставший, кажется, еще худее. Кончик носа, когда он приветственно заулыбался, совсем прилип к его верхней губе.

Юрий Петрович узнал меня не сразу. Но и вспоминал недолго. Зато, когда вспомнил, мы долго перебирали с ним события давно минувших дней. Судьба забросила его к словацким партизанам. Опять судьба! Вместе с ними он освобождал Баньску Быстрицу. Его фотографию я и видел в музее словацких партизан. Войну завершил в Берлине. Когда Юрий Петрович рассказывал о пережитом, острый кадык на его тонкой шее бегал вверх-вниз, вверх-вниз.

Сколько воспоминаний всколыхнула вдруг одна маленькая пуговица!

Бывают же такие обстоятельства!..

Фейерверк на озере Блед

С. ФЛОР, международный гроссмейстер

Есть такие партии, которые навсегда входят в золотой фонд шахматного творчества. К таким шедеврам можно отнести решающую партию Михаила Таля с датским гроссмейстером Бентом Ларсеном в их недавнем драматическом матче на озере Блед. Сам экс-чемпион мира М. Таль скромно заявил: «Думаю, что эта партия мне удалась». Нам хочется познакомить читателей «Огонька» с блестящим фейерверком Михаила Таля.

СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА

М. Таль — **Б. Ларсен**

1. e2—e4!

Мудрая, древняя шахматная игра так сложна, что веками не удавалось даже установить, какой первый ход является лучшим! У непревзойденного чемпиона мира А. Алехина победный исход партии во многом решали ход 1. e4 и 1. d4. Феноменальный кубинец Х. Капабланка, как правило, начинал игру ходом 1. d4. Так же часто играют и М. Ботвинник и В. Смыслов, которые неравнодушны также и к ходу 1. c4. Чемпион мира Т. Петросян верен ферзевой и слоновой пешке, но игнорирует королевскую пешку. Как видно, это — дело вкуса и стиля шахматиста.

Какая «подача» у Бориса Спасского и Михаила Таля? Очень сильная! Недавно П. Керес не мог найти подходящего рецепта против Спасского, который охотно начинает игру ходом 1. e4. Что же касается М. Таля, то он страстный приверженец королевской пешки. Известно, что в 1959 году на пресс-конференции в Белграде, после того как он стал претендентом, Таль на весь мир заявил: «Если буду играть белыми в первой партии с Ботвинником, то сыграю 1. e2—e4».

Так оно и случилось в 1960 году. Только в матч-реванше М. Ботвинник немного «раскусил» Таля и, применив защиту Каро-Канн, успешно отразил его атаки. Но М. Таль по настоящий день уверен, что классический ход 1. e2—e4 дает белым лучшие шансы на атаку (а без атаки Таль не Таль!).

Любопытно, что в матчах с Л. Портишем и Б. Ларсеном экс-чемпион мира, играя белыми, начинал ходом королевской пешки. И ни Портиш, ни Ларсен не сумели найти противоядие. Портиш из четырех партий лишь одну сумел свести к ничьей, Ларсен из пяти партий проиграл три.

«Гроссмейстер» Остап Бендер знал, что «после 1. e2—e4 белым ничего не грозит». Но как же играть черным? Портиш и Ларсен попробовали все: французскую защиту, Каро-Канн, сицилианскую защиту, даже защиту Алехина, но ничего у них не получилось. Из девяти партий Таль набрал 7,5 очка. Поэтому мы и украсили первый ход Таля восклицательным знаком.

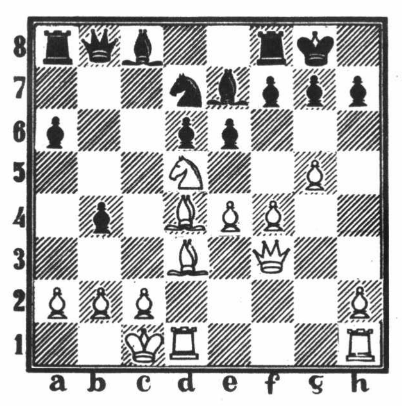
1. ... c7—c5
2. Kg1—f3 Kb8—c6
3. d2—d4 c5 : d4
4. Kf3 : d4 e7—e6
5. Kb1—c3 d7—d6
6. Cc1—e3 Kg8—f6
7. f2—f4 Cf8—e7
8. Фd1—f3 0—0

Практика показывает, что рокировка преждевременна и что лучше 8... e5. Почему же Ларсен все же рокировался? Очевидно, потому, что неохотно играет «по книге». А еще следует отметить, что датский гроссмейстер — большой оптимист. При счете 4,5—4,5 он чувствовал себя абсолютно уверенно. Ход 8. ... 0—0 как будто говорит: не боюсь я Таля!

9. 0—0—0 Фd8—c7
10. Kd4—b5 Фc7—b8
11. g2—g4 a7—a6
12. Kb5—d4 Kc6 : d4
13. Ce3 : d4 b7 — b5

Трудно было предвидеть последствия этого хода, иначе Ларсен предпочел бы продолжение 13. ... e5 14. g5 Cg4. 15. Фg3 ed 16. gf dc 17. fe cb + 18. Kp : b2 C : d1.

Ларсен

Таль

14. g4—g5 Kf6—d7
15. Cf1—d3 ...

Теперь белые прекрасно развиты. Но как добраться до короля черных?

15. ... b5—b4

При рокировках в разные стороны надо играть предприимчиво. Естественно желание Ларсена создать контригру. Но его ждет самый неприятный сюрприз во всем матче.

16. Kc3—d5! ! ...

Великолепно! Для того, чтобы отдать фигуру «на ровном месте», к тому же еще в партии, в которой решается исход матча, надо быть очень смелым шахматистом. Мало, очень мало современных шахматистов приняли бы талевское решение. При первом взгляде на эту позицию многие гроссмейстеры с сомнением спрашивают: неужели жертва коня корректна? Да! Анализ показал, что комбинация Таля выдерживает критику под лупой аналитиков. Читатель может задать вопрос: на сколько ходов вперед рассчитывал Таль? Трудно сказать. Экс-чемпион мира, разумеется, имел в виду различные варианты, учел разные способы защиты для Ларсена, но в таких случаях надо и полагаться на чутье. А чутье у Таля есть!

16. ... e6:d5

Разумеется, что при 16.... Cd8 17. Фh5 атака белых очень сильна.

17. e4 : d5 ...

После этого тихого хода черным грозит, во-первых, 18. Фe4, во-вторых,— разгром путем 18. C : h7+ Kp : h7 19. Фh5+ Kpg8 20. C : g7 Kp : g7 21. Фh6+ Kpg8 22. g6. Поэтому ответ Ларсена вынужден, ибо на 17 ... g6 последует 18. h4 или 18. Лe1 и атака белых неотразима.

17. ... f7—f5
18. Лd1—e1 Лf8—f7

А как бы продолжал атаку Таль после лучшего хода 18. ... Cd8!? Такой вопрос задал экс-чемпион мира М. Эйве из Амстердама. Последовало бы 18. Фh5 Kc5 19. C:g7! K:d3+ 20. Kpb1 Фc7! (проигрывает 20.... K:e1 из-за 21. g6) 21. C:f8 K:e1 22. Л:e1 Фf7 23. Ф:f7+ Kp:f7 24. C:d6 и у белых за фигуру три пешки. Черные не проигрывают, но и белым это не грозит. Но можно ли винить Ларсена, что он запутался в лабиринте вариантов и осложнений? Нет. Вести сложную, трудную защиту тяжелее, чем атаковать. А надо еще иметь в виду, что часы идут и идут. Совсем другое дело дома, в тишине кабинета, когда строгие критики не торопясь ищут «дыру» в комбинации.

19. h2—h4 ...

Комбинация Таля особенно замечательна еще и тем, что она не форсирована. Белые усиливают атаку еще одним «тихим ходом». И все же черные не в силах отразить натиск. Слишком негармонично расположены фигуры черных.

19. ... Cc8—b7
20. Cd3:f5 ...

Энергичнее было 20. g6 hg 21. h5 g5 и только теперь 22. C : f5

20. ... Лf7 : f5
21. Лe1:e7 Kd7—e5

Отлично сыграно. Плохо 21. ... Лf7 22. Л:f7 Kp:f7 23. g6+ hg 24. h5 с неотразимыми угрозами.

22. Фf3—e4 Фb8—f8
23. f4 : e5 Лf5—f4
24. Фe4—e3 Лf4—f3?

Не выдержали нервы Ларсена в этой решающей схватке. Ему надо было сыграть 24. ... C:d5! с угрозой 25. ... Лf3. После 24. ... C:d5 25. ed Л:d4 26. Ф:d4 C:h1 27. Ф:b4 у белых три пешки за фигуру, но Талю пришлось бы основательно поработать.

25. Фe3—e2 Фf8 : e7
26. Фe2:f3 d6:e5
27. Лh1—e1 Лa8—d8
28. Лe1 : e5 Фe7—d6

Атака белых отбита, но какой ценой! У Таля две лишних пешки при лучшей позиции. Вопросов больше нет!

29. Фf3—f4 Лd8—f8
30. Фf4—e4 b4—b3

Отчаяние!

31. a2:b3 Лf8 — f1 +
32. Kpc1—d2 Фd6—b4+
33. c2—c3 Фb4—d6
34. Cd4—c5! ...

Красивый заключительный аккорд:

34. ... Фd6:c5
35. Лe5—e8+ Лf1—f8
36. Фe4—e6+ Kpg8—h8
37. Фe6—f7! **Черные сдались.**

Недавно из Одессы, из Черноморского пароходства, в Киев, на киностудию, пришло письмо. Судостроительная верфь заканчивает строительство лайнера, который будет носить имя «Александр Довженко». Моряки просят изготовить для них выставку о жизни и творчестве замечательного писателя и кинорежиссера Александра Петровича Довженко.

Эту просьбу и выполнит музей Довженко, существующий при киностудии.

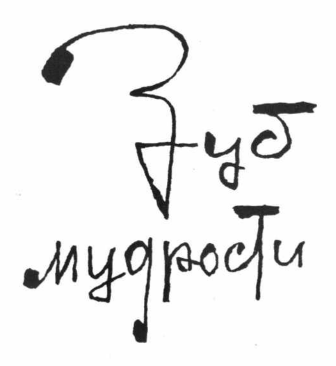
Первая экспозиция в мемориальном музее была открыта год назад. А недавно здесь же — в тех двух комнатах, где в 1938—1940 годах находился творческий кабинет Александра Петровича,— открылась новая экспозиция. Музей теперь располагает многими новыми интересными материалами. Так, например, здесь экспонируются кинопробы к фильму «Щорс»; впервые выставлена серия рисунков художника М. Маловского; много фотографий периода Великой Отечественной войны. Из Парижа музею прислали рекламу фильма «Зачарованная Десна».

Каждый день музей получает письма из школ. Ребята просят рассказать им о творчестве Довженко, интересуются, над чем работает студия, носящая его имя. В свою очередь, дети сообщают, что во многих школах Украины созданы уголки Довженко. А на родине художника, в селе Сосница на Черниговщине, помимо мемориального музея, создана еще комната-музей в средней школе.

Родные места Довженко пользуются большим вниманием экскурсантов и туристов. Люди приезжают сюда не только из различных городов нашей страны, но и из-за рубежа.

Т. ДЕРЕВЯНКО

Лариса ТАРАКАНОВА, школьница

Десну, почти как домну, грея,
Он пробуравливался ввысь.
Но что мне боли! Я мудрею.
Мне разум сказывал: «Крепись!»
И я, щеку окутав шалью,
Почти не ем, почти не пью,
Глухие всхлипы заглушая,
Святую мудрость познаю.
Но вот всем мукам разрешенье,
Вот вздох счастливца мудреца,
Короткий взмах, как отверженье:
Долой повязку от лица!
Пророс мой зуб. Пророс, и что же?
А вдруг он зря, а вдруг он глуп?
Ах, дайте что-нибудь потверже
Скорей попробовать на зуб.
Вгрызаюсь в слиток леденцовый,
И хруст и треск во все края.
Да будьте, люди, все здоровы —
Вот мудрость первая моя.

звезды в чужом небе

Мало осталось в живых свидетелей сражения при Цусиме: с тех пор прошло 60 лет. И все-таки Мария Людвиговна Новикова — вдова писателя А. С. Новикова-Прибоя — попыталась разыскать участников этой битвы. Одна из них — Евгения Морисовна Арндт. В те годы она служила медицинской сестрой на госпитальном судне «Орел».

Вот что рассказала нам М. Л. НОВИКОВА:

— Евгения Морисовна Арндт родилась на юге Франции, в Лионе, в 1878 году. Отец ее Морис Жаклен был слесарем. Мать умерла, когда девочке было всего два года. Евгения Морисовна получила высшее образование и с дипломом преподавательницы французского языка приехала в Россию. Когда началась русско-японская война, Евгения Морисовна окончила курсы медицинских сестер и была направлена на фронт. В Цусимском походе судьба свела ее с русским врачом Е. Е. Арндтом. После Цусимского сражения, по возвращении из Японии, она вышла за него замуж и приняла русское подданство.

Вместе с мужем и маленьким сыном Евгения Морисовна колесила по России. Доктора Арндта перевели из Москвы в Вятку, потом в Павлов-Посад, потом в Обухово, и повсюду Евгения Морисовна работала с ним вместе медицинской сестрой.

В 1941 году семья Арндт оказалась в Южном Казахстане. Там через год умер муж Евгении Морисовны. В это же время погиб на фронте ее единственный сын.

Сейчас Евгения Морисовна живет под Москвой. Ей пошел 87-й год. Несмотря на преклонный возраст, недомогание и на все превратности судьбы, она сохранила живость ума, любознательность.

Мы публикуем воспоминания Евгении Морисовны Арндт об ее участии в походе русских судов через три океана к Цусимскому проливу и в сражении при Цусиме.

Наш отряд медицинских сестер выехал из Кронштадта в Тулон, где стояло тогда госпитальное судно «Орел». Нам в составе русской эскадры предстояло обойти вокруг Африки, пересечь океан и выйти к Цусимскому проливу.

В детстве я очень любила читать рассказы о путешествиях, и вот мне суждено было заглянуть во многие уголки нашего чудесного мира, но я, конечно, тогда не думала, что мне придется так много пережить.

Все главнейшие порты на пути в Тихий океан находились тогда в руках англичан. Поэтому русские корабли не могли рассчитывать на какую-либо помощь с их стороны и должны были полагаться только на свои собственные средства.

Мы пересекли тропик Рака. С каждым днем жара усиливалась.

В Дакаре эскадра стала на стоянку для погрузки угля на боевые корабли. Спешная работа шла днем и ночью. Это был поистине каторжный труд под беспощадным солнцем Тропической Африки. Офицеры приобрели шлемы, обтянутые белым полотном, которые защищали их от палящих лучей. Матросы работали в своих бескозырках. У них не было средств на покупку шлемов, а начальство о матросах мало заботилось.

Каждый день возникали заболевания, вызванные непривычной тропической жарой. На судах угольная пыль проникала во все помещения, и было трудно поддерживать чистоту. Команда питалась солониной, которая из-за жары быстро портилась. Чистой пресной воды не хватало.

Меня перевели работать в трюм, где лежали больные матросы.

У берегов Конго наш «Орел» отделился от эскадры. Курс — на мыс Доброй Надежды. Край земли. Атлантика проводила нас жесточайшим двухдневным штормом. С поврежденным рулевым управлением мы не чаяли добраться до порта, но, видно, рано нам было тонуть...

Снова под ногами земля — Капштадт. Незнакомые звезды в чужом небе. Южный Крест — как бы олицетворение романтики путешествий, а на душе тревога, тревога...

От стоянки до стоянки нас мучила неизвестность. А известия не радовали. Россия терпела поражение за поражением. Нет больше Первой тихоокеанской эскадры, Порт-Артур и Мукден пали.

Вот и Мадагаскар! Здесь должны встретиться все суда эскадры и с ходу пробиться во Владивосток после изнурительного рейса.

Чудесна природа Мадагаскара! Изумительна красота тропических лесов. Но климат... Моряков косили лихорадка, дизентерия, туберкулез, были случаи помешательства. Предстоял трудный переход через Индийский океан. Целый месяц вдали от берегов. Но вот позади казавшиеся бесконечными океанские мили, изнурительные штормы и авральные дни угольных погрузок.

Наш «Орел» получил приказ зайти в Сайгон. Группа корреспондентов сайгонских газет посетила наш плавучий госпиталь. Корабль должен был непосредственно на месте предполагаемого морского боя оказывать медицинскую помощь морякам.

Я последний раз видела своих многочисленных знакомых и друзей с боевых кораблей эскадры. Близился день роковой развязки. Впереди Цусимский пролив. Напряжение возрастало с каждым днем.

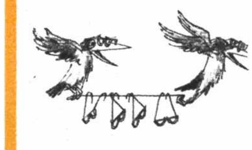
5 мая около южных берегов Китая нашим крейсером «Олег» был задержан английский пароход «Ольдгамия», следовавший в Японию с контрабандным грузом. По приказу командующего эскадрой на борт плавучего госпиталя направлены были все командиры «Ольдгамии». Это — вопиющее нарушение устава Красного Креста. Командир «Орла» капитан 2-го ранга Лохматов и главный врач Мультановский, принимая пленников, недоуменно переглядывались между собой: перечить распоряжениям командующего было бесполезно, хотя оба они понимали, что это ставит корабль под угрозу. Предчувствия не обманули их. Когда наш «Орел» во время боя с японцами у Цусимы хотел приблизиться к тонувшему броненосцу «Ослябя» и помочь погибавшим на наших глазах морякам, японцы открыли огонь. Затем последовал приказ нашему безоружному судну: «Следовать за мной». На борт поднялось несколько японцев во главе с офицером для досмотра. Обнаружив англичан, они заявили: «Все ясно. Под прикрытием Красного Креста вы ведете военные операции. У вас на борту военнопленные. Мы забираем ваш так называемый госпиталь. Командуем здесь теперь мы».

Тысячи погибших моряков... А белоснежный «Орел» в это время уходит под японской командой в военный порт Сасебо...

Память о вас, герои Цусимы, неизгладима в моем сердце.

ЧЕМПИОНЫ СРЕДИ КРЫЛАТЫХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

Кто из нас не слыхивал рассказов о проделках вороватой сороки, которая тянет к себе и прячет от чужих глаз все, что ей приглянулось? Главное, чтобы это были мелкие блестящие предметы — монеты, кусочки металла, хозяйственные принадлежности. Эти же мелочи соблазняют и ворон. Особенно воровать вороны индийской породы, они буквально грабят крестьян. Случайно оставленные на подоконнике распахнутого окна коробки, перчатки, носовые платки исчезают моментально, если поблизости пролетела ворона. Вороны этой породы ухитряются разворачивать даже пакеты: а нет ли там чего-нибудь привлекательного? Однажды видели такую воровку, летевшую с кухонным ножом в клюве.

Страсть к блестящим, ярким предметам не всегда приводит к добру: в Альпах встречали ворон, которые подлетали к оставленному костру и клювами выхватывали раскаленные угольки...

Кражи блестящих или ярких предметов учащаются в пору, когда птицы начинают вить гнезда: скворцы, например, украшают их цветами, а чайки — раковинами. Некоторые породы птиц вплетают в гнезда даже тонкие обрезки проволоки, которые военные самолеты во время маневров сбрасывают за борт, чтобы исказить показания радаров. Недавно две индийские вороны стянули с открытой витрины оптического магазина (на глазах у зазевавшегося хозяина) несколько десятков золотых оправ для очков.

Но, пожалуй, самыми жадными слывут австралийские вороны. Чего только не находят в гнездах этих крылатых коллекционеров! Цветы и фрукты, грибы и перья попугаев, монеты и раковины, ножи, ножницы, очки... А одна из австралийских ворон, подлетев ранним вечером к раскрытому окну, утащила стеклянный глаз, положенный хозяином в стакан с водой.

БЕРЕГИСЬ ПЕТУШКА!

А. ПАВЛОВА

Фельетон

Сладкое любят многие. Однако среди приверженцев сладкого есть личности, признающие только леденцовых петушков, петушков на палочке.

Познакомьтесь с некоторыми из них: Ефремова Н. Н., Соколова Т. Ф. Никонова Н. Я., Емельянова О. А. со станции Столбовая, Подольского района, Московской области, Распопова В. А., Петрова М. А. из Шиловского района, Рязанской области, Апостолова К. М., Волкова Н. В., Карымова В. Я., Рожкова Н. В., Молчанова В. А. без определенного места жительства, Скрылева М. из Ногинского района, Московской области.

Для объяснения их стойкой привязанности к петушкам не потребовалось ни анализов, ни научных исследований. Достаточно было заглянуть в милицейские досье и побеседовать с самими любительницами липких петушков, которых у них при каждом задержании было по 300—600 штук. Все продавцы, как указано в милицейских протоколах, «без определенных занятий».

— Ну уж и без определенных занятий! — возмущается Майнур Скрылева.— Думать, гражданин начальник, надо, когда пишешь. У меня занятий не меньше, чем у тебя, и все определенные.— И Скрылева стала загибать давно не мытые, пахнущие табаком пальцы.— Я, если хочешь, начальник, глава фирмы «Петушок на палочке»,— это раз. Начальник цеха, технолог и рабочий — пусть будет два. Завскладом — три, продавец — четыре.

Конкуренция ни одну из фирм не страшила, так как по примеру детей лейтенанта Шмидта они разделили Москву на участки и торговали каждая в своем: на Таганской улице, проспекте Маркса, около магазина «Детский мир», на Комсомольской площади. И особенно любили торговать на вокзалах.

Иные из петушиных коммерсантов догадались сшить себе белые халаты. Как же, забота о гигиене! Но хранят они свою липкую продукцию в вокзальных туалетах.

А теперь надо посмотреть по другую сторону прилавка — на покупателей петушков. Знают ли они, что, по заключению санитарного врача, вся отбираемая продукция уничтожается как непригодная к употреблению в пищу? Сознают ли, какой опасности подвергают детей, покупая петушков у людей, грязных в физическом и моральном смысле?

Милиция ведет борьбу с продавцами петушков. Но лучший способ борьбы с петушиными коммерсантами — бойкот со стороны покупателей.

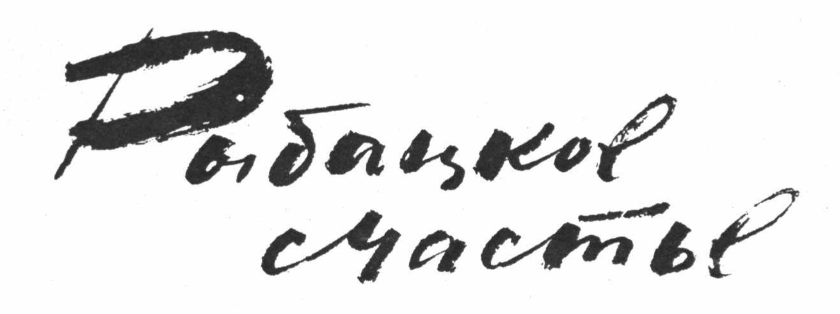
Из всей этой не очень сладкой истории можно сделать несколько горьких выводов. Торгующие организации и кондитерские фабрики не учитывают интереса детей к фигурным кондитерским изделиям. В Эстонии, например, кондитерская фабрика выпускает марципаны в виде фигурок различных зверей, и они пользуются большим успехом не только у маленьких покупателей. А почему бы кондитерским фабрикам не взяться за выпуск тех же петушков, а торгующим организациям торговать ими и около магазина «Детский мир» и в привокзальных киосках и лотках?..

В. Распопова.

М. Скрылева.

Михаил РЖЕВИН

Перед высоким деревянным крыльцом у нижнего порожка — резиновый коврик и железный скребок. Я счистил с подошв влажную землю, вытер голенища тряпкой и прошел в сени. У простенка несколько пар резиновых сапог. Стоят рядком. Здесь давно установился порядок: в сапогах в горницу не входить. Я стягивал тяжелые резиновые сапоги и прислушивался, надеясь по голосам угадать, кто приехал на рыбалку. Но за дверью в горнице было тихо, очень тихо, хотя сейчас только я видел в окне тени. «Что это они там примолкли?— подумал я.— Или сели за стол к ужину? Тут бы и пойти разговорам...»

Я беззвучно открыл дверь и остановился на пороге в некотором замешательстве.

Горница полна народу. Раздвинут на полную длину обеденный стол, но никакой снеди на нем не видно. Все давние и довольно постоянные посетители рыбацкого домика сидели вокруг стола. Сидели молча, словно на каком-то мрачном судилище. Ближе к красному углу избы, на председательском месте,— невысокий, щупленький старичок, присугорбленный немалыми годами. Это старый любитель рыбалки, известный московский спиннингист Иван Михайлович Власов.

По правую руку от него сидел мой давний приятель по рыбалке, полковник Александр Карпович Завитухин, бывший чекист и страстный любитель ужения рыбы. Он пристально, не отводя острого взгляда, смотрел на рыбачка, сидевшего за столом напротив Власова,— на Скнятина.

Если здесь действительно шел суд, то по всем признакам этот рыбачок был подсудимым. В Омутне я его видел не впервые. Весной и поздней осенью он не пропускал ни одного воскресенья вплоть до ледостава и часто вызывал восхищение, граничащее с завистью, своими удачными и обильными уловами. И даже в те дни, когда никто из нас не приносил рыбы, он являлся с полным садком.

Вот и сейчас его садок полон. А на столе, на листе плотной бумаги, лежат судак и лещ.

Власов резким движением подвинул ко мне бумагу с двумя рыбинами и спросил, холодно улыбаясь:

— Каков судачок-то! А? Доставались тебе такие?

Я взял судака за жабры и прикинул его вес. Килограммов на пять тянул этот экземпляр.

Власов, указывая глазами на Скнятина, сказал:

— А вот и автор! Поздравь с уловом! Мы его уже поздравили...

Я решил не торопиться с поздравлениями, а осторожно положил рыбу на стол и заглянул ей в пасть, отыскивая следы от крючка или от блесны.

— Не трудись!— остановил меня Власов.— До тебя искали...

Картина понемногу начала проясняться.

Я пытался вспомнить, кто таков этот Скнятин, какой профессии этот человек. И не мог вспомнить: наверное, никогда этого и не знал.

Власов постучал ладонью по столу.

— Дело судебное... По-моему, и гражданин Скнятин не может представить основательных возражений. Не так ли, дорогой наш рыбачок?

— Во-первых, я для вас не дорогой, во-вторых, я не ваш...— довольно бойко начал Скнятин, но Власов не дал ему закончить:

— Иносказательно! Иносказательно... гражданин Скнятин. Не дорогой вы нам и не рыбачок... Вот если бы вы этого судака одолели на удочку или подсекли бы на блесну и выволокли из воды... А такого выволочь из воды даже спиннингом — дело хитрое, искусства требует! Мастерства!.. Бросишь на быстринку блесну, дай ей утонуть, на дне затаиться, а потом мягким рывком подброс ее со дна. Но не быстро! Упаси бог торопиться, иначе блесна поднимется с глубины, а поверху судак не берет. Дай блесне раза два дно клюнуть... Концами пальцев почувствуешь, как она цапнет крючком песок или травку донную. Если судак в твоем забросе вышел на кормежку,— схватит! А уж ежели схватит, сразу оживет в твоих руках и удилище и леска. Каждый удар на нерве, каждый рывок — прощание с добычей! Несчастный человек Скнятин! Ездит, ездит на рыбалку, а ни разу такого и не пережил...— Власов горестно и с презрением улыбнулся.— Лежачих не бьют... Таков, что ли, порядок?

— Если лежачие не кусаются!— добавил Завитухин.

Я помалкивал. А что мог сказать? Историю эту застал где-то у самого ее конца. С чего все началось, узнал, когда уже все кончилось. А началось все с того, что под вечер явился на базу Скнятин. Он ловил рыбу с пятницы, и уже одна рыбачья ночь была у него позади. Пришел он с вечерней Волги раскрасневшимся, бодренько потирая озябшие руки. И, конечно, к нему вопрос тех, кто еще только собрался на воду:

— Ну как? Не мешает сегодня ветерок?

— Тому, кто умеет, ничто не мешает!— ответил с нескрываемым чувством превосходства Скнятин и указал рукой на дверь в сени. Власов, как самый горячий и нетерпеливый из собравшихся, вышел в сени и внес в горницу плетеный садок. Улов не отличался чем-то особенным от обычных уловов Скнятина, но огромный, с потемневшей спиной судак не мог не взволновать любителей. Судака извлекли из садка, и Власов, прихватив его за жабры, спросил, приглушая укор самолюбия:

— На что поймал?

— На донки ловлю... На плотичку схватил.

— Крепкая же у тебя леса на донках...— заметил как бы между прочим Власов.— Показал бы твою чудо-снасть!

Скнятин не очень охотно развязал тесемки на своем рюкзаке.

— Сразу и не вспомнишь, на какую удочку сел судак. Клев был жарким, только успевай таскать...

И все же он вынул из рюкзака деревянный челночок с намотанной на него нехитрой донкой. Донка как донка. Но размер крючков был очень подозрительным. Зацепиться в пасти рыбины такой крючок мог, но сильный удар хвостом — и жало крючка разогнулось бы или прорезалась бы пасть рыбы.

Власов кротко взглянул на Скнятина и вдруг сказал:

— Непорядок у тебя в крючках, батенька мой! Словно бы ты этими удочками и не ловил. Ржавые крючки-то...

— Они оттого и ржавые, что очень много на них ловил!— отпарировал Скнятин, еще не очень осознавая, какой петлей его охватывает старик.

Власов махнул рукой и бросил на стол челнок с донкой.

— Хватит врать, Скнятин! Постояла бы донка в воде да побилась бы на крючке рыба, ржа сошла бы с крючка... Не на эту вы снасть поймали судака! Поищите в рюкзаке, может быть, найдете.

— Я же сразу сказал, что мог и спутать.

Но Власов, уже как бы и не слушая Скнятина, взял в руки судака. Поднес его к свету и заглянул в пасть. Провел рукой по зубам, раздвинул пасть во всю ширину, высматривая каждый миллиметр неба и нижней губы, затем провел рукой по спине рыбы. Вдруг его пальцы остановились. Остановились, едва отступив по спине от головы. Власов перевернул несколько раз судака в руках и протянул его Ершову. Ершов недоуменно взглянул на Власова, но старик одним движением пояснил свою догадку. Он опоясал судака пальцем по чуть приметной черте, по которой слезла у него чешуя, швырнул судака на стол и опустил руку в садок. Вынул оттуда леща, осмотрел несколько плотичек, прошелся пальцами по гладким спинам язей и щук.

— Сеть,— произнес он свое заключение едва слышно, но гневно.— Рыба эта поймана в сеть, а не на крючок! Скнятин — браконьер!

Власов вызвал заведующего Домом рыбака егеря Володю и высказал ему свое предположение, что Скнятин ловит сетью и оставил сеть на месте своего обычного лова. Володя тут же выехал на большую воду на моторной лодке, прицепив к корме трос с якорьком. Я вошел в избу, когда все поджидали возвращения Володи, который должен был принести либо доказательства виновности Скнятина, либо... Опровержение обвинения? Нет! Никакое опровержение уже не помогло бы Скнятину. За столом собрались рыбаки, достаточно опытные, чтобы определить, чем была поймана рыба.

Скнятин встал и неторопливо начал увязывать свой рюкзак. Он уже упрятал судака и леща в садок и направился к двери, когда с воды донесся стук лодочного мотора. Власов встрепенулся. Он встал у двери. Скнятину, чтобы выйти, пришлось бы силой подвинуть старика. На это он не решился. Ничего ему другого не оставалось, как дожидаться Володи.

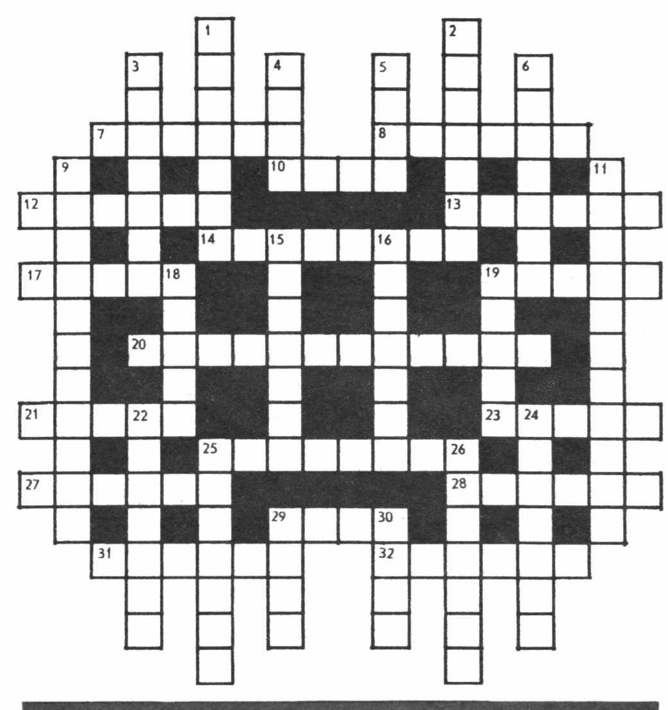
Мотор сбросил обороты, а затем и совсем заглох под самым крыльцом.

Все потихоньку один за другим встали из-за стола и окружили полукольцом Скнятина и Власова.

Чего мы все ждали? А точнее, на что мы надеялись? Мне самому очень не хотелось, чтобы Володя нашел сеть. Хотелось, чтобы Власов ошибся. Столкновение с человеческой подлостью никому не сулило радости.

Дверь распахнулась, и Володя с порога бросил тяжелый и мокрый свиток. Громыхнули по полу свинцовые грузила, потекла ручейками грязная водица из-под зеленого капрона. Это была сеть. В ней даже сквозь спутанные ячеи виднелась рыба завтрашнего рекордного скнятинского улова. И у Володи не было радости от его находки.

Никто не глядел на Скнятина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Остров в Индийском океане. 8. Плоды тропического растения, употребляемые как пряность. 10. Опера Д. Верди. 12. Басня И. А. Крылова. 13. Глубокая и узкая речная долина с крутыми склонами. 14. Озеро в Финляндии. 17. Белорусский писатель. 19. Плавающее сооружение для переправы. 20. Необходимость выбора между двумя или несколькими исключающими друг друга возможностями. 21. Древнейшая грузоподъемная машина. 23. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 25. Четвертая часть круга. 27. Оптическая система. 28. Город в Красноярском крае. 29. Древнескандинавское сказание. 31. Автор романа «Аргонавты». 32. Бегун на длинные дистанции.

По вертикали:

1. Горный хребет в Якутской АССР. 2. Пьеса М. Горького. 3. Известная конькобежка. 4. Единица силы 5. Подземная горная выработка. 6. Вертикальная опора здания. 9. Птица семейства утиных. 11. Областной центр в РСФСР. 15. Река в Монголии и СССР. 16. Неоконченная драма А. С. Пушкина. 18. Торжественная форма приветствия. 19. Специалист по приготовлению пищи. 22. Покрышка книги. 24. Морская рыба отряда окунеобразных. 25. Лиственное дерево, кустарник. 26. Картина, М. Б. Грекова. 29. Подливка к блюдам. 30. Приток Нила.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

3. Гопак. 8. Мурадели. 9. Беркутов. 10. Генератор. 11. Гранка. 13. Доцент. 15. Илька. 20. Краматорск. 21. Стереоскоп. 22. Фотография. 24. Кордильеры. 28. Топаз. 29. Арагац. 31. Скутер. 32. Основание. 33. Грушовка. 34. Дейтерий. 35. Кроки.

По вертикали:

1. Торричелли. 2. Капабланка. 4. «Радуга». 5. Рекорд. 6. Султанка. 7. Довженко. 12. Куропатка. 14. «Огородник». 16. Орхон. 17. Осмий. 18. Строп. 19. Кобра. 23. Годавари. 25. Лекторий. 26. Колоратура. 27. Кабардинка. 30. Цоколь. 31. Сеттер.

На первой странице обложки: Последняя улыбка лета. Через два дня ейская школьница Надежда Клепикова снова пойдет в школу.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: В Астраханском заповеднике.

Фото Дм. Бальтерманца.

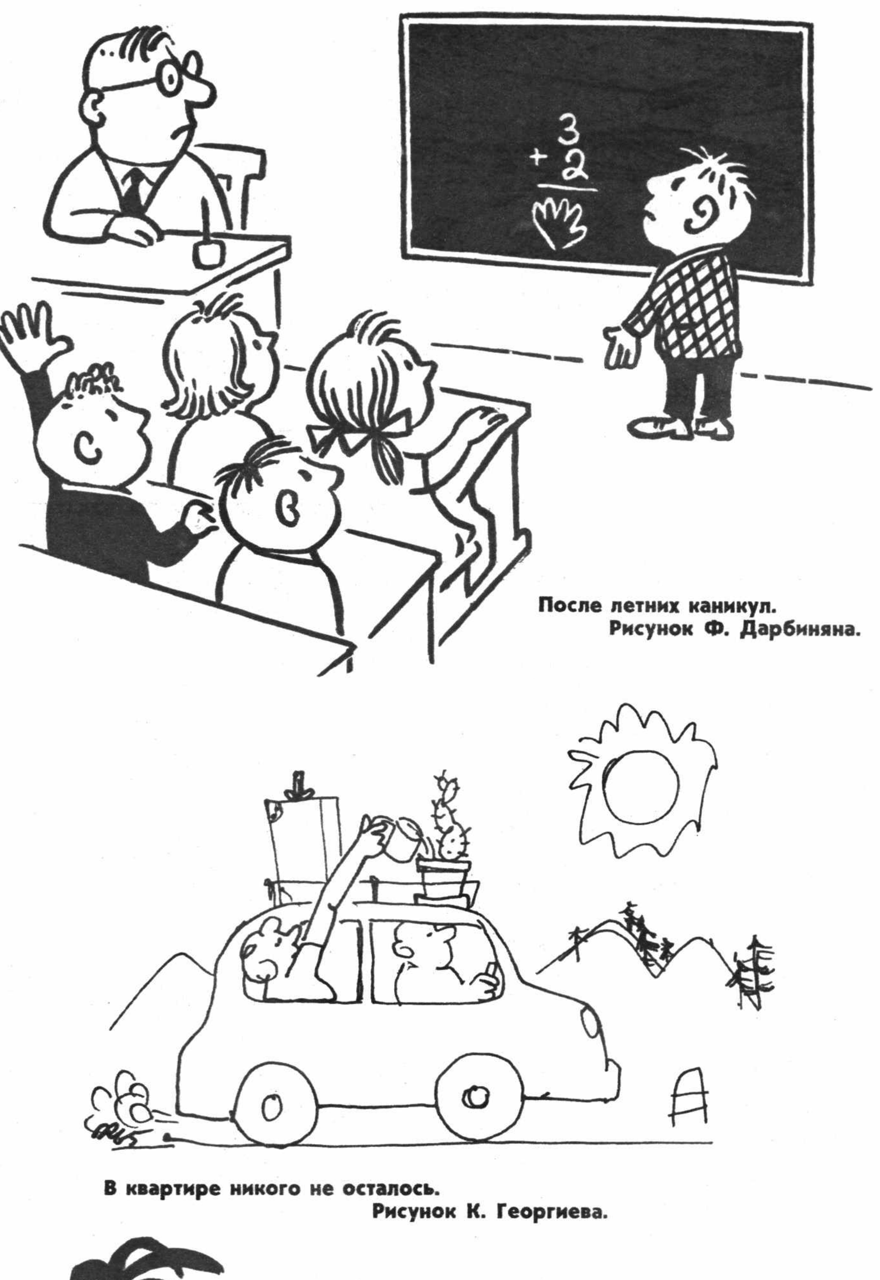
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02045. Подписано к печати 25/VIII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л.
Заказ № 2124. Тираж 1 850 000. Изд. № 1378.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

После летних каникул.
Рисунок Ф. Дарбиняна.

В квартире никого не осталось.
Рисунок К. Георгиева.

— Я только узнаю, как сыграли «Спартак» и «Нефтяник»,— и сразу назад.
Рисунок В. Воеводина.

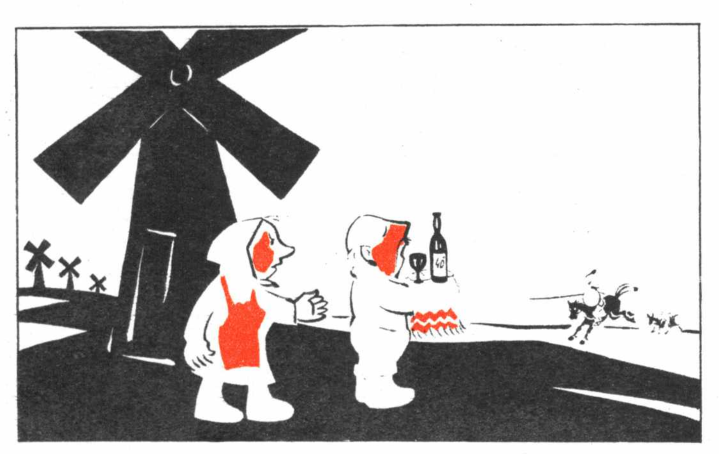
— Завтра воскресник — все на подшефную стройку роддома.
Рисунок В. Воеводина.

— Прими нас в жилищный кооператив.
Рисунок Б. Боссарта.

— Полундра! С «Быстрого» сигналят: пешка е2—е4!

— Петр Иваныч, убирай хлеб-соль! Это же не ревизор, а Дон-Кихот Ламанчский!

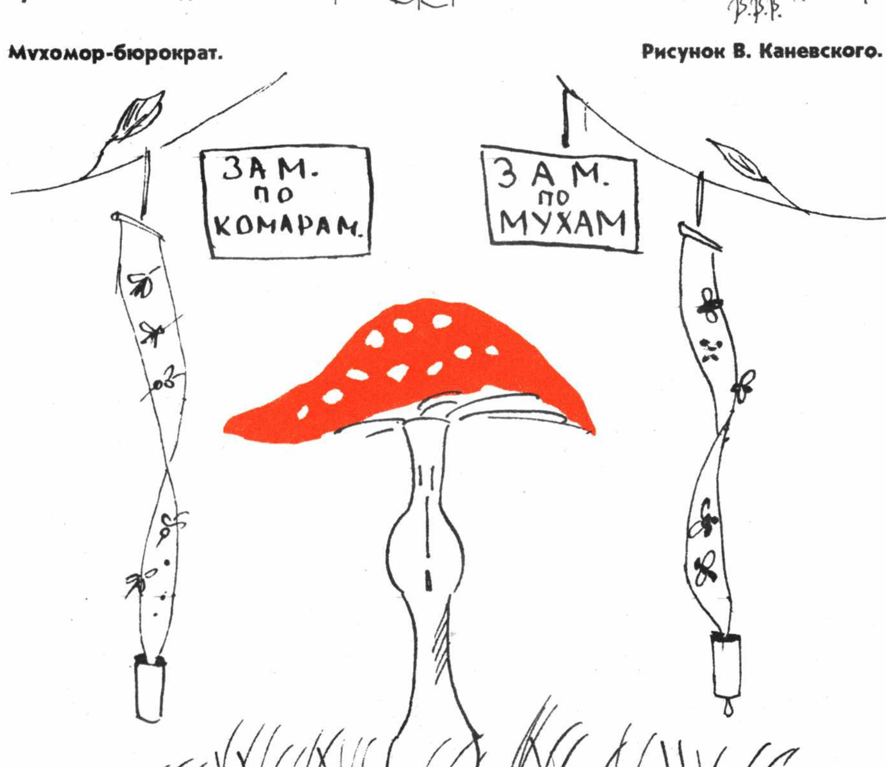

— Что! План! План мы к концу квартала будем дожимать.

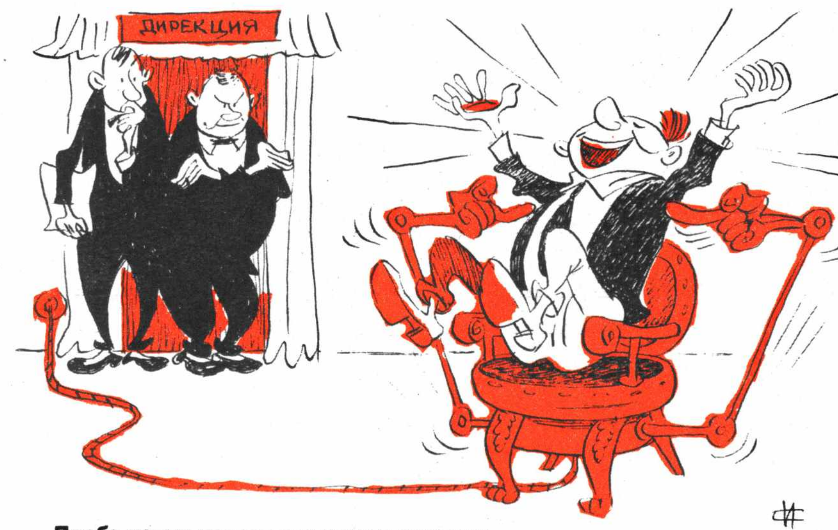
Рисунки В. Воеводина.

Мухомор-бюрократ.

Рисунок В. Каневского.

На троих…

Проба новых кресел для театра комедии.

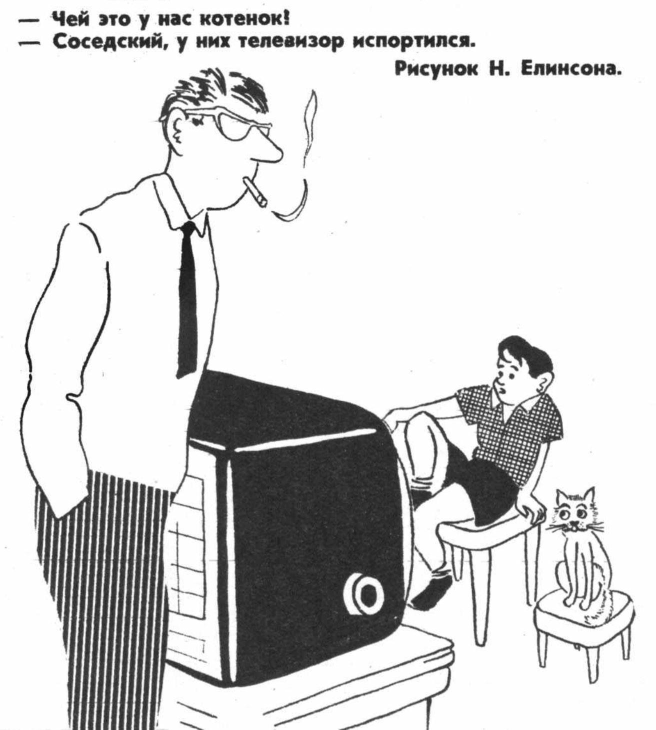
— Чужая собака приблудилась. Что делать?

Рисунки А. Сычева.

— Чей это у нас котенок!
— Соседский, у них телевизор испортился.

Рисунок Н. Елинсона.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663